

Рудольф фон РИББЕНТРОП

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ

МОЙ ОТЕЦ
Иоахим фон РИББЕНТРОП

«Никогда против России!»

Рудольф Риббентроп Мой отец Иоахим фон Риббентроп. «Никогда против России!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634403

Мой отец Иоахим фон Риббентроп. «Никогда против России!»: Яуза-пресс; Москва; 2015

ISBN 978-5-9955-0802-1

Аннотация

«Настоящее издание моей книги на русском языке я хочу посвятить русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства!»

Рудольф фон Риббентроп

Автор этой книги был не только сыном министра иностранных дел Третьего Рейха, подписавшего знаменитый пакт Молотова – Риббентропа, – но и одним из лучших танковых асов Панцерваффе. Как и дети советского руководства, во время войны Рудольф фон Риббентроп не прятался в тылу – пять раз раненный на фронте, он заслужил Железный Крест I класса, Рыцарский Крест и Германский Крест в золоте, участвовал в контрударе на Харьков, ставшем последней победой Вермахта на Восточном фронте, в легендарном танковом сражении под Прохоровкой и контрнаступлении в Арденнах.

Но эта книга – больше, чем фронтовые мемуары. Как сын своего отца, Рудольф фон Риббентроп имел доступ за кулисы Большой политики, был лично представлен фюреру и осведомлен о подоплеке ключевых событий – таких, как Мюнхенский сговор, пакт Молотова – Риббентропа, «роковое решение» Гитлера напасть на СССР и тайная роль США в разжигании Мировой войны. Он на собственном горьком опыте убедился, каково это – воевать на «бескрайних просторах России», как дорого обошлась немцам «фатальная недооценка российской военной мощи» и насколько прав был его дед, который перед смертью 1 января 1941 года повторял завет Бисмарка: «НИКОГДА ПРОТИВ РОССИИ!»

Содержание

Пролог	5
Введение	9
Очевидец	13
Судьбоносные переговоры	18
Версаль и центральноевропейский вакуум власти	25
Дилемма	34
Морское соглашение с Англией	53
Лондон	65
Коронация и отчет	82
Итог миссии – предостережение от Англии	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Рудольф фон Риббентроп Мой отец Иоахим фон Риббентроп. «Никогда против России!»

© Рудольф фон Риббентроп, 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

* * *

Эта книга посвящена памяти моей матери, позволившей мне не по годам рано взглянуть за кулисы мировой истории; моей дорогой жене, с неисчерпаемым терпением сопровождавшей работу над ней, и моим отважным солдатам, живым и мертвым, командовать которыми во время войны мне выпала честь.

Настоящее издание моей книги на русском языке я хочу посвятить русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства!

Пролог

После Арденнской операции мне поручили «освежить» танковый батальон, который я должен был, взамен погибшего командира, принять под свое начало – то есть, переводя с тогдашнего языка, заменить рядовой состав, оружие и материальную часть – на полигоне Фаллингбостель. Батальон понес тяжелые потери. Дивизию передислоцировали в Венгрию, ей предстояло принять участие в наступлении в районе озера Балатон. В результате я находился в подчинении у ведомства, размещавшегося на временных квартирах к востоку от Берлина. От него мне должна была поступить замена людей, вооружения и техники.

Так случилось, что по пути к месту службы вечером 2 февраля 1945 года я на своем «Кюбельвагене» (VW Тур 82) заехал к родителям в Берлин. Здесь меня кое-как устроили на ночлег: здание, примыкавшее к Министерству иностранных дел, где находилась официальная «резиденция рейхсминистра», являлось к тому времени в значительной степени разрушенным. Наутро я было уже собирался отъехать, как сообщили о «крупных соединениях бомбардировщиков на подлете к столице рейха». Временем я ограничен не был, поэтому решил остаться, чтобы составить собственное впечатление о пресловутых «террористических атаках» на гражданское население; на фронте в такой форме, форме ковровых бомбардировок, их едва ли случалось пережить. В тот момент я и не подозревал, что мне предстоит, хотя и в совершенно ином смысле!

Атака пришлось по правительственному кварталу, грохот разрывов в непосредственной близости с очевидностью свидетельствовал об этом. Мой «Фольксваген» был припаркован у здания на Вильгельмштрассе. Как бы мне удалось попасть к своим в Фаллингбостеле, если бы он был уничтожен?! Поезда давно уже не ходили!

По окончании бомбардировки я смог убедиться воочию, что автомобиль каким-то чудом остался неповрежденным. Лишь тогда мой взгляд скользнул вдоль знакомой Вильгельмштрассе в направлении к рейхсканцелярии, стоявшей в нескольких сотнях метров на Вильгельмплатц. Повсюду горело, проезжая часть была усеяна обломками. Появился отец, в форме, в фуражке, и предложил мне пройти с ним пешком до рейхсканцелярии. Похоже, ему представлялось важным, ввиду пожаров и разрушений, показать людям, постепенно выползающим из подвалов на свет божий, образец невозмутимости.

Не успели сделать и пары шагов, как перед нами возник, также в форме, японский посол генерал Осима, сердечно приветствовавший меня – мы были давно знакомы. С отцом они обменялись формальными заверениями: мы находимся в кризисе, но он, само собой разумеется, будет преодолен. Сюрреалистическая сцена, внезапно переменявшаяся: явно помешанная женщина с детской коляской вклинилась между господами, бесцеремонно растолкав их, что оба спокойно снесли. Дружески улыбаясь, как того требует обычай его страны ввиду тяжких катастроф, генерал распрощался.

Мне, как солдату, горящие и разрушенные города после пяти лет войны больше не были чем-то чуждым. Здесь, однако, и я это живо ощущал, наяву тонула в развалинах немецкая история. Еще детьми нам рассказывали, что в здании, перед которым мы с отцом стояли, находилась резиденция рейхспрезидента, в то время престарелого Гинденбурга.

Вильгельмштрассе, где Бисмарк определял немецкую политику, являлась таким же расхожим понятием, как и Даунинг-стрит, дом 10 в Лондоне, набережная д'Орсе в Париже, «Балльхаусплатц» в Вене, Белый дом в Вашингтоне или Кремль в Москве. Здесь творилась политика и, таким образом, «история». В то время я не мог знать, насколько полно история будет вытравлена из сознания немцев в последующие десятилетия, и не только благодаря разрушению исторических памятников.

По дороге отец внезапно спросил меня: «Что ты об этом думаешь? Геббельс предложил фюреру расторгнуть Женевскую конвенцию с тем аргументом, что войска, когда пленные и раненые лишатся защиты Красного Креста, будут и на западе сражаться упорней». Мне показалось, я ослышался. Вне себя, я заклинал отца «предотвратить этот вздор». Войска, несмотря на безнадежное неравенство в силах, всюду отважно сражались; в передовых частях нигде не замечалось признаков распада; было бы преступлением лишить солдат в этих условиях защиты Женевской конвенции. Кроме того, я могу со всей определенностью предсказать, что действие такой меры явится прямо противоположным тому, каким оно видится Геббельсу.

Войска поймут его как акт, продиктованный отчаянием, как амок – противник же будет драться еще ожесточенней, зная, что его ожидает в случае пленения. Негативный опыт так называемого «приказа о комиссарах» должен послужить достаточным предостережением¹. Отец согласился со мной полностью. Его настойчивое вмешательство в неприятном разговоре с Гитлером, состоявшемся в саду рейхсканцелярии, предотвратило отказ от обязательств по Женевской конвенции в отношении Запада². Советы же к ней и не присоединились³.

Ведя такой разговор (я пребывал в сильном возбуждении), добрались до основательно поврежденного здания рейхсканцелярии, где нам встретился адъютант Гитлера Отто Гюнше. Тот самый Гюнше, который некоторое время спустя сожжет тела Гитлера и Евы Браун. Заверив, что «ничего не случилось и фюрер в добром здравии», Гюнше поинтересовался, «не желает ли господин рейхсминистр проследовать в бункер». Отец, подтвердив, предложил мне пойти с ним, от чего я, к его изумлению, отказался. Выразив жестом разочарование, он повернулся, отправившись следом за Гюнше.

Сегодня я уже не смогу с уверенностью сказать, что заставило меня тогда спонтанно отвергнуть приглашение отца сопровождать его к Гитлеру. Возможно, причиной был гнев: Гитлер задумывался над тем, чтобы расторгнуть Женевскую конвенцию – или же отказ был вызван инстинктивным предчувствием сокрушительного впечатления, которое придется пережить? Как бы то ни было, вместо того, чтобы последовать за отцом, я бесцельно поплелся по Вильгельмплатц в направлении отеля «Кайзерхоф», точнее, к руинам, оставшимся от него, странным образом отчужденно осматриваясь вокруг. Мысленно перенесся в прошлое. Почти что день в день двенадцать лет назад, 30 января 1933 года, держась за отцовскую руку, – мне было тогда одиннадцать лет – я вступил вечером на балкон над входом в отель, чтобы стать очевидцем факельного шествия: берлинские штурмовые отряды дефилировали перед Гитлером и Гинденбургом. Мать упросила отца взять меня с собой, вероятно, ей хотелось, чтобы я мог в будущем сказать: «И я был при этом». И я «был при этом», на сей счет не могло возникнуть сомнений. Удивительно было лишь, что 3 февраля 1945 года я все еще оставался «при этом» в живых.

---

¹ Здесь я должен, однако, констатировать, что мне в мою бытность на Восточном фронте не был известен ни один случай, когда бы взятого в плен политкомиссара расстреляли.

² Отец записал в заметке о состоявшемся разговоре: «Фюрер пришел в сильное возбуждение и оборвал меня на полуслове...»

³ Женевская конвенция об обращении с военнопленными была заключена в 1929 году. Германия, как и большинство европейских стран, подписала этот документ. Москва Конвенцию не подписала, однако ратифицировала заключенную одновременно конвенцию об обращении с ранеными и больными на войне. СССР продемонстрировал, что собирается действовать в рамках международного права. Таким образом, это означало, что СССР и Германия были связаны общими международно-правовыми нормами ведения войны, которые имели обязывающую силу для всех государств, независимо от того, присоединились они к соответствующим соглашениям или нет. Даже без всяких конвенций уничтожать военнопленных, как это делали гитлеровцы, было недопустимо. Согласие или отказ СССР ратифицировать Женевскую конвенцию положение не меняли – Германия обязана была выполнять требования Конвенции. – *Прим. редактора.*

Тогда, 30 января 1933 года, через всю площадь Вильгельмплатц можно было разглядеть Гитлера и Гинденбурга в окнах рейхсканцелярии, освещенных прожекторами, – теперь в том месте зияли лишь выжженные оконные проемы. Из колонн шествия доносились маршевые песни, подхватываемые восторженной уличной толпой. Отец, как и другие господа на балконе, снимал шляпу, когда мимо проносили знамена, – в те времена общепринятое проявление почтения. Помню, среди присутствовавших находился и принц «Ауви», как его называли, Август-Вильгельм, брат наследного принца с типичной «физиономией Гогенцоллернов». В ту пору он занимал высокое положение в СА. Шахт и Кепплер поздравляли отца по поводу его личных заслуг в успешных, в конечном счете, переговорах, приведших к власти правительство Гитлера.

Место световых эффектов 30 января 1933 года теперь заступили пожары по всей округе, над ними угрюмое небо, повсюду запах гари, руины и разрушения – было ли это кошмарным сном? Щелчок каблуков вывел из раздумья. Солдат из караула рейхсканцелярии с безукоризненной выправкой пригласил меня пройти в бункер. Я последовал за ним к развалинам рейхсканцелярии и, войдя с пожарного входа, неожиданно оказался перед Гитлером.

Не дав мне возможности подобающим образом доложиться, он, схватив обеими руками мою правую – типичный для Гитлера жест, принялся в похвальных выражениях распространяться о моей дивизии.

Я стоял, остолбенев, не в силах ответить ни слова – слишком разительна была картина физического упадка Гитлера! Что случилось с человеком, которого я 30 апреля 1939 и 1940 годов, в дни рождения отца, мог слушать и наблюдать в семейном кругу, сидя с ним за одним столом? Развалина, ужаснее которой нельзя было и вообразить! Лицо посеревшее, одутловатое; согнут так, что можно было подумать, у него горб; одна рука вцепилась в другую, унимая самопроизвольную дрожь; шаркающая походка! Лишь поразительно голубые глаза сохранили остатки прежнего блеска, что, однако, не могло сгладить общего впечатления глубокой дряхлости.

Его речь – мы пребывали с ним наедине – не способна была смягчить это ошеломляющее впечатление, напротив! В 1939 году он объяснял стратегию крупных танковых соединений, которая при известных условиях могла бы преодолеть позиционную войну Первой мировой. Его слог был ясен и убедителен. В 1940 году – под Нарвиком еще шли тяжелые бои – он разразился своими видениями гигантских мостов, связующих после войны Скандинавию с европейским материком. В связи с транспортными вопросами он тогда очень одобрительно отзывался о России, решившейся иметь собственную широкую железнодорожную колею, в то время как Европа попросту заимствовала британский стандарт. По окончании войны он переведет дороги на русскую колею. Не ощущалось ни малейшего следа идеологического антагонизма в отношении Советов.

Тогда, и очень впечатляюще, в нем говорила фантазия визионера – решающая кампания на Западе была еще впереди, так же и в Норвегии еще продолжали сражаться. Победа в Нарвике висела на волоске! В узком кругу, не делая секрета из предстоящего наступления на Западе, Гитлер сообщил, что в отношении англичан ошиблись, насчитав у них две лишние дивизии. Он, казалось, был преисполнен оптимизма.

Здесь, в бункере, 4 февраля 1945 года он заявил нам с отцом: «Теперь произойдет перелом: каждый день на фронт отправляется по новому полку». С реальностью это дилетантское высказывание не имело больше никакой связи. Гитлер продолжал: «Молодые маршалы, – были упомянуты Рендулич и Шернер, – действуя с необходимой твердостью, остановят отступление». Затем он уклонился в сторону, заговорив о Манштейне, которого характеризовал как «наилучшего оператора крупными контингентами войск», но не обладающего способностью стабилизировать «фронт, пришедший в расстройство». Для меня, вернувшегося с передовой, где нашим войскам вновь и вновь приходилось иметь дело

с противником, обладавшим подавляющим превосходством, и лишь случайно оказавшегося в бункере, опять-таки зловещая сцена.

Мне показалось тогда, психика Гитлера находилась в таком же расстройстве, как и его физическое здоровье. Я посмотрел на отца, слушавшего с невозмутимым лицом. Мне было известно, он пытался через консула Мельхаузена в Испании, несмотря на требование Рузвельтом «unconditional surrender» («безоговорочной капитуляции»), прозондировать, возможны ли переговоры с Западом в связи с изменившейся ситуацией. В этот момент появился сильно взволнованный президент рейхсбанка Вальтер Функ, в кратких словах сообщивший Гитлеру, что здание банка серьезно пострадало: «У нас больше нет денег!» Здесь вновь сказались актерские способности Гитлера. Убедительно и чуть ли не забавляясь, он успокоил Функа: деньги в настоящий момент не играют решающей роли.

Мы распрощались. Я был не в состоянии произнести ни слова: чересчур убийственным было впечатление этой четверти часа, проведенной с человеком, олицетворявшим для нас, солдат, нашу страну, на которого, мы верили, должны положиться несмотря на постоянно ухудшавшееся положение на фронте. Больше пяти лет мы, со все новыми тяжелыми потерями, сражались за Отечество, Германию, не за Гитлера. Гитлер являлся, однако, персонификацией нашей страны. В «победу» в обычном смысле мы давно уже не верили, нас питала надежда на равноправный мир. Вместо этого в утренние часы третьего февраля я с абсолютной отчетливостью осознал надвигающуюся катастрофу. Мысли кружились вокруг одного и того же: что я скажу своим солдатам в Фаллингбостеле? Где мне, двадцатитрехлетнему, после такого ужасного открытия, взять силы убеждать их продолжать борьбу? Когда бы хоть какой-то шанс для переговоров появился в будущем, то, без сомнения, определенный наличествующий военный потенциал принес бы в этой ситуации выгоду. В таком ключе нужно было убеждать войско. На Восточном фронте неизменным мотивом готовности солдат сражаться являлась воля защитить гражданское население от советских зверств. Этот настрой я также должен был внушить своим бойцам. Они следовали за мной до последнего дня войны.

Гитлер, однако, положение изменить не в состоянии; провидение – так он обычно именовал судьбу – не подарит ему чуда. «Миракль» Бранденбургской династии, как Фридрих Великий назвал смерть своего врага, царицы Елизаветы, даровавшую ему спасение в Семилетнюю войну, не повторится для Гитлера, несмотря на то, что его главный противник, Рузвельт, умрет пять недель спустя, 12 апреля 1945 года.

Покидая рейхсканцелярию, еще раз взглянул на руины отеля «Кайзерхоф» напротив. И снова увидел себя мальчишкой, стоящим на балконе. Перед мысленным взором пронеслось время от великих надежд, пробудившихся тогда в Германии, через невероятные успехи к катастрофе, с очевидностью различимой теперь. В отчаянии напрашивался вопрос: «Как могло до этого дойти?» Безжалостная судьба готовилась привести в исполнение свой приговор. И мне вновь довелось повстречаться с глазу на глаз со зловещим роком. Имя ему было «Гитлер».

Введение

Стремление разобраться в проклятом вопросе «Как могло до этого дойти?» побудило меня в конце концов взяться за перо, изложив на бумаге воспоминания, знания и впечатления 1933–1945 годов. Какие особенные обстоятельства легитимируют меня приняться за рассказ о времени, которое я, ребенком и молодым человеком в возрасте от одиннадцати до двадцати четырех лет, пережил – могу это смело утверждать – в прямом смысле на собственной шкуре, как непосредственный свидетель и участник? Период немецкой истории, известный как «Третий рейх», «тысячелетний рейх» или «гитлеровская Германия», стал травмой для немцев и потому сегодня в смысле объективного анализа, во всяком случае, внешней политики, табуирован. Моя легитимация должна раскрыться читателю через содержание этой книги. Take it or leave it! (Возьми ее или оставь!)

За почти семьдесят лет, истекших с момента немецкой катастрофы в 1945 году, предшествующие ей события, начиная с 1933 года, были обстоятельно изучены немецкой официальной историографией. В результате было установлено: Гитлер, так сказать, упал с неба (в смысле многократно цитированных «Golden Twenties» («золотых двадцатых» годов) на немецкий народ, подняв его на агрессию против миролюбивых соседей, и все это с единственной целью завоевания мирового господства. Немцы восторженно, не размышляя, последовали за ним, больше того, они с готовностью предоставили себя в качестве «угодливых исполнителей»⁴ для совершения преступлений. Это довольно примитивное клише лежит в основе высказываний немецких историков по должности и, к сожалению, большинства немецких политиков, о нашем прошлом. К этому я кое-что замечу, опираясь на свои сведения, зачастую полученные из первых рук.

Представить всеобъемлющую картину Третьего рейха в мои намерения не входит. И с тем, чтобы меня не поняли превратно, я прежде всего не собираюсь «реабилитировать» Гитлера. Политик, обладавший в такой степени неограниченной и неконтролируемой властью, какую присвоил себе Гитлер, ввиду катастрофы, постигшей немецкий народ в его правление, невиновным быть признан не может. Наша Германия, оставленная им в развалинах, до тех пор, пока можно будет говорить о немецкой истории, не снимет с Гитлера обвинения, поскольку он – к стати сказать, и в собственном понимании, – нес полную ответственность за все происходившее в его правление. Однако события, случившиеся во время правления Гитлера и давшие повод для тяжелейших обвинений в его адрес, ничего не меняют в той отчаянной внешнеполитической ситуации, которую он застал, придя к власти, и с которой ему в его внешней политике неизбежно пришлось считаться. На такую дифференциацию нужно быть способным, если хочешь непредвзято проанализировать внешнюю политику Гитлера и его мотивы.

Меня в моем изложении интересует поэтому не столько персона Гитлера, сколько я хочу показать немецкую ситуацию и интересы, с которыми он столкнулся в момент прихода к власти и с которыми ему, как и всем немецким правительствам до и после него, неминуемо пришлось заниматься. Он не упал с неба, как и не являлся неизбежным продуктом немецкого национального характера. «Вихрь сошедшихся обстоятельств»⁵ вынес его к невиданной в немецкой истории полноте власти. Однако за совпавшие обстоятельства, «сделавшие» его, он ответственности не несет.

Здесь возникает проблема дифференциации: до какого момента внешняя политика Гитлера «неизбежно» определялась политическими отношениями, которые он застал,

---

⁴ Ср. Goldhagen, Daniel J.: Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust, Berlin 1996.

⁵ По выражению Ф. М. Достоевского в романе «Бесы».

и с какого – в результате его собственнических решений был запрограммирован путь к катастрофе? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подвергнуть объективному анализу мировую политику по меньшей мере начиная с 1871 года. Формула «за Гитлером числятся преступления – отсюда он единственный виновник войны» хотя и является впечатляющей, отвечая человеческой потребности персонифицировать вину за катастрофу, однако она имеет мало общего с фактами. Так просто мировая история не идет. Антипатия и неприязнь к Гитлеру и его режиму понятны ввиду разрухи, которую он оставил; ее не извинит никакая историография. Гитлера надо осудить и, если хотите, предать анафеме, но, прошу покорно, обращаясь к верным аргументам! Действительного «преодоления» немецкой внешней политики 1933–1945 годов можно достичь, лишь взяв за исходный пункт геополитическую ситуацию Германии и представив «фигуру Гитлера» в политических, экономических, социальных и, не в последнюю очередь, духовных взаимосвязях девятнадцатого и двадцатого веков. Только на указанном пути можно предотвратить то, что она еще лет шестьдесят будет отбрасывать длинную тень на наш народ.

Благодаря особенной близости к деду Риббентропу, бывшему на редкость образованным человеком – в семье его называли «ходячей энциклопедией», – мне уже в десятилетнем возрасте постепенно открылась европейская политика с ее центральной проблемой – «германским вопросом». «Германский вопрос», в известном смысле не утративший своей актуальности поныне⁶, берет начало с момента провозглашения Германской империи в 1871 году, кардинальным образом изменившего соотношение сил в Европе. На месте двух, в определенной степени взаимно нейтрализовавших друг друга, немецких государств, Пруссии и Австрии, возникла новая конструкция, благодаря своей эффективности постепенно распространившая свое влияние на все сферы. «*Casca il mondo!*» («Мир рушится!») – воскликнул в 1866 году государственный секретарь Святого престола Джакомо Антонелли, узнав о победе Пруссии в войне с Австро-Венгрией. Провальная французская агрессия 1870–1871 годов завершила Немецкие объединительные войны и распад Старого Света в том виде, в котором он существовал со времени фактического расчленения Римской империи германской нации в результате Вестфальского мира 1648 года. Уже британский премьер-министр Дизраэли выразился в том смысле, что провозглашение Германской империи кардинально изменило политическую ситуацию в Европе.

Отныне европейская политика определялась в первую очередь пятью державами: Великобританией, Францией, Россией, Австро-Венгрией – и теперь еще – и Германским рейхом. Бисмарку принадлежит запечатлевающая формулировка: «В компании пятерых нужно постоянно заботиться о том, чтобы находиться втроем». Ему удалось мастерский трюк: невзирая на противоречия между Австрией и Россией на Балканах установить с обеими странами договорные обязательства, с Австрией – подлинный союз, с Россией – знаменитый «договор перестраховки», призванный уберечь империю на востоке от войны на два фронта на тот случай, если бы Франция лелеяла планы реванша. С англичанами в то время не имелось, по сути, противоречий, хотя, как выразился как-то Бисмарк, «они не желают, чтобы мы их любили».

В правление кайзера Вильгельма II от этой концепции отказались. «Договор о перестраховке» с Россией продлен не был. Находившаяся в изоляции Россия – у нее имелись напряженные отношения с Англией в связи с русской экспансией в направлении Персидского залива и Индии – была, таким образом, вынуждена объединиться с Францией. Англия, традиционно относившаяся с недоверием к сильнейшей континентальной державе – тем временем таковой считалась Германия, – была озадачена кайзеровской «мировой политикой» и постройкой немецкого военного флота. За ней предполагались враждебные Англии

---

⁶ Сошлюсь на статью Мориса Дрюона, постоянного секретаря Académie Française в Le Figaro за 30 августа 1999 года.

мотивы, хотя военно-морская стратегическая концепция, лежавшая в основе, этого не предусматривала, и флот строился вовсе не с намерением догнать британский. Экспансия немецкой экономики на Ближнем Востоке (Багдадская железная дорога) затрагивала британские интересы в чувствительной политической зоне, по которой пролегал «путь в Индию» (Суэцкий канал). Но и Россия также, в связи с интересом в отношении турецких проливов, была задета немецкой активностью. Дедушка вновь и вновь резко критиковал кайзеровскую внешнюю политику: вызов Англии – хотя и ненамеренный – с одной стороны, и отказ от «договора о перестраховке» с Россией – с другой. Заметит ли читатель параллель с ситуацией рейха, начиная с 1933 года, отчаянное положение между молотом и наковальней? В одной речи, произнесенной в рейхстаге в 1882 году, Бисмарк сформулировал: «... миллионы штыков направлены, главным образом, на центр Европы; мы находимся в центре Европы и уже по причине нашего географического положения, кроме того, в результате всей европейской истории, преимущественно обречены иметь дело с коалициями других держав». «Кошмар коалиций, – полагал Бисмарк, – надолго, возможно, навсегда, останется для немецкого министра обоснованным»⁷. Бывший французский посол в Бонне говорит об «определенном традиционном политическом образе мышления во Франции, неизменно имеющем в виду Москву, когда речь идет о Германии»⁸.

Политика кайзера и канцлера Бюлова исходила из наличия непримиримого противоречия между Англией и Россией. Бюлов рассчитывал на политику «свободы рук», позволяющую ему, как он полагал, в любой момент выбрать одну из опций – либо за Россию, либо за Англию, пока в один прекрасный момент (1907 год) сближение между Англией и Россией не поставило Германию между двух огней, приведя к ее окружению.

В 1905 году Германия располагала возможностью разорвать кольцо окружения, грозившее сомкнуться вокруг империи, превентивно разбив Францию. Россия проиграла войну с Японией, ее внешнеполитическая активность была парализована в результате революционных выступлений внутри страны. Уровень вооружения предоставлял империи шанс взять верх над Францией военным путем. В исторической фазе национальной державной политики в Европе подобные размышления, с целью своевременного предотвращения возможных в будущем опасностей, считались легитимными. Так, командующий английским флотом Фишер предлагал в то время нападение на Германию и потопление немецкого флота, что не явилось бы ни первым примером английского образа действий подобного рода – и ни последним⁹. Освободительный удар в 1905 году не состоялся – в результате, империя в 1914 должна была вступить в военные действия при значительно менее благоприятных условиях.

Решающей державой являлась Англия. Ревность в отношении немецкой конкуренции на мировых рынках сыграла пагубную роль. Достаточно вспомнить введение маркировки «Made in Germany» для немецких товаров в Британской империи! Оно, однако, явилось лишь одним из очередных симптомов возросшего значения Германии. Стародавний английский принцип составлять коалицию против сильнейшей континентальной державы с начала двадцатого века утвердился в качестве лейтмотива британской политики по отношению к Германской империи¹⁰. Эта политика осуществлялась Англией искусно и с успехом; ложная оценка тенденций развития мировой политики и неверные выводы, сделанные кайзеровским

⁷ Цит. по: Haffner, Sebastian: Von Bismarck zu Hitler, München, 1989, S.61; и Gall, Lothar: Bismarck, Berlin, 1995, S.517.

⁸ Froment-Meurice, Henri: Vu Du Quai – Memoires 1945–1983, Paris, 1998, S.660.

⁹ Достаточно вспомнить нападение на французский флот у берегов Орана в 1940 году после окончания военных действий Французской кампании. Для обозначения подобных превентивных акций в мирное время существовало выражение «to Copenhagen», намекавшее на нападение британского флота на континентальные военно-морские силы Наполеона в 1807 году.

¹⁰ Ср. Ferguson, Niall: Der falsche Krieg. Der erste Weltkrieg und das 20. Jahrhundert, Stuttgart 1999.

правительством, несомненно, сыграли на руку англичанам. Кайзеровская внешняя политика не обладала концепцией, позволявшей последовательно учитывать неизменно опасное центральное местоположение империи в Европе.

Первая мировая война выявила неожиданную мощь Германской империи. Потребовались ресурсы едва ли не всего мира, чтобы ее в конце концов победить. Версальский договор должен был послужить тому, чтобы раз и навсегда уничтожить этот потенциал центрально-европейской державы. Положения договора способствовали возникновению вакуума власти в центре Европы. Можно было предвидеть, что он, как и любой другой вакуум, когда-нибудь будет тем или иным способом заполнен и, следовательно, не послужит утверждению прочного мира. Вместо этого в результате прогрессирующей консолидации и растущей военной мощи Советского государства возникла латентная угроза Европе. Однако тревога соседних государств по поводу потенциальной мощи Германии не исчезла, хотя в 1933 году ни о какой «мощи» рейха не могло идти и речи. Мы увидим, какие решения этой главной проблемы европейской политики предлагала – увы, тщетно – германская политика.

Очевидец

«Меня назначили госсекретарем, но я переиграл это на Лондон!» – такими словами отец встретил нас, мать и меня, в августе 1936 года на тихой окраинной улочке Байройта¹¹. В ту пору мне было пятнадцать лет. В этот полдень отца дважды вызывали к Гитлеру на виллу Ванфрид. Мать использовала предоставившийся случай, чтобы посетить со мной знаменитый «Эрмитаж». Отец обнял ее. Он еще находился под впечатлением своего решения – в этом нетрудно было убедиться, взглянув на его сияющее лицо. Мать, однако, инстинктивно поднесла руку ко рту – характерный для нее жест при известии о чем-то непредвиденном, внезапном или серьезном, когда ей не удавалось сразу оценить важность и последствия узнанного. С таким точно жестом три с половиной года назад, 30 января 1933 года, она вошла в комнату нашего дома в берлинском районе Далем – учительница музыки, фройляйн Мундинг, как раз и далеко не впервые пыталась объяснить мне, если перед нотой стоит «#», то надо играть не «фа», а «фа диез». Мать лишь произнесла тогда едва слышно: «Гитлер стал рейхсканцлером». В такой присущей ей своеобразной манере она выражала занимавший ее мысли вопрос: «Что из этого выйдет?» В тот момент она не могла и отдаленно догадываться, какой драмой и, в конечном итоге, трагедией отзовется этот день в судьбе ее мужа, тем самым и в ее собственной, да и в жизни всей семьи.

В январе 1933 года отец установил контакты от Гитлера к Гинденбургу и Папену. Он участвовал в решающей фазе переговоров, завершившихся формированием правительства Гитлера. Родители, как и многие немцы, в конце 1932 года стояли перед безальтернативным выбором: или Гитлер придет к власти, или коммунисты. Последнее означало бы, несомненно, не что иное, как господство русского большевизма сталинистского толка¹². Эта, тогда вполне реальная, опасность сегодня зачастую преуменьшается или вовсе обходится¹³. Отец, несмотря, как мы увидим, на живой интерес к вопросам внешней политики¹⁴, в ту пору вовсе не помышлял о том, чтобы оставить прибыльный бизнес ради активной политической деятельности.

Здесь, однако, на тихой, залитой солнцем улице Байройта спонтанная реакция выдала сомнения матери. Отец чувствовал ее опасения. По пути он подробно объяснил ей причины, побудившие его в ходе оживленной внешнеполитической дискуссии – поводом явилась просьба Франко о помощи самолетами для переброски войск из Марокко в Испанию –

---

¹¹ По поводу того, отправился ли он в Лондон по собственному желанию или был туда, вопреки его намерениям, послан Гитлером, «расплатившимся» с ним таким образом, в послевоенной мемуарной литературе бытовали гротескные утверждения, связанные, сверх того, с иными негативными предположениями о посольском времени. Отец в персональном отчете Гитлеру в 1937/38 году выразился: «...Когда я просил фюрера направить меня в Лондон...». Он вряд ли бы написал так Гитлеру, если бы хотел стать или остаться госсекретарем, а Гитлер отослал бы его в Лондон, как это утверждают Райнхард Шпици и Пауль Шмидт! (См.: Schmidt, Paul: Statist auf diplomatischer Bühne 1923–1945. Erlebnisse des Chefdolmetschers im Auswärtigen Amt mit den Staatsmännern Europas, Bonn 1949.) Шпици пишет в своей книге: «...Сразу по окончании Олимпиады, во время которой им организовывались дипломатические приемы, Риббентроп явился к Гитлеру, чтобы потребовать пост госсекретаря. Но Гитлер придерживался кандидатуры Нейрата. Риббентропу пришлось удовлетвориться посольским постом в Лондоне». (Reinhard Spitzu: So haben wir das Reich verspielt. Bekenntnisse eines Illegalen, München 1986, S. 95.) О назначении было, кстати, объявлено еще во время Олимпиады, не говоря уж о том, что перед опубликованием назначения послом требовалось запросить агреман. Когда таким образом клеветнически правда выворачивается наизнанку, как это лишний раз делает Шпици в приведенном высказывании, было бы неплохо на его месте сперва ознакомиться с общеизвестными фактами.

¹² См.: Striefler, Christian: Kampf um die Macht. Kommunisten und Nationalsozialisten am Ende der Weimarer Republik, Frankfurt/Main 1993.

¹³ В это время Красная Армия уже годами пребывала в готовности использовать политические осложнения для похода на Запад. см.: Musial, Bogdan: Kampfplatz Deutschland, Berlin 2008, S.389.

¹⁴ Во время Первой мировой войны отец, командированный в Турцию, писал оттуда статьи для в те времена очень известной газеты «Фоссише цайтунг».

предложить «фюреру» направить его в качестве посла и преемника умершего Леопольда фон Хеша в Лондон и, таким образом, пересмотреть уже состоявшееся назначение госсекретарем¹⁵. Отец растолковал со всей обстоятельностью: руководство рейха должно прояснить политику британского правительства в отношении Германии. Англичане мастерски применяют тактику камуфлирования своих действительных целей, вынуждающую потенциальных соперников ломать голову, строя догадки о будущем направлении их политики¹⁶. Фатальный сюрприз, вроде преподнесенного британцами в 1914 году кайзеровскому правительству, когда они объявили Германии войну и все в Берлине были совершенно огорошены, повториться не должен. Тогдашний немецкий рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег признался отбывавшему на родину британскому послу, сэру Эдварду Гошену, что под тяжестью объявления войны Великобританией «вся его политика рухнет, словно карточный домик»¹⁷.

Мы прохаживались взад-вперед по тихой улочке предместья одни, никто нас не сопровождал. Отец в моем присутствии всегда говорил с матерью совершенно открыто о самых тайных целевых установках германского правительства. Желая, очевидно, убедить жену в правильности принятого решения, он еще раз изложил основополагающую внешнеполитическую концепцию, которой Гитлер последовательно руководствовался с момента прихода к власти три с половиной года назад: создание относительно мощного центральноевропейского блока, противостоящего советской угрозе. Поддержка Англии и Франции должна была обеспечить тыл. Для меня в этом изложении не заключалось ничего принципиально нового. За три прошедших года я был во все большей степени посвящен в этом смысле, отсюда предложение отца Гитлеру представлялось мне логичным. Угроза со стороны СССР являлась, на взгляд Гитлера, крайне острой. Как раз в эти дни, летом 1936 года, он написал «Меморандум о четырехлетнем плане», где требовал, ввиду объема советских вооружений, немецкого ответа на милитаризацию советской экономики. Русское вооружение являлось неоспоримым фактом, послевоенное расширение сферы советского господства и конфронтация двух сверхдержав, США и Советского Союза, во времена «холодной войны» его убедительно доказали¹⁸. То, что Советский Союз в конце концов был вынужден отказаться от участия в технологически форсированной США гонке вооружений, не свидетельствует об обратном.

Мать тогда же изложила свои доводы против отцовского решения, вероятно, желая уяснить для себя самой шансы и риски такого шага. Они сводились в основном к трем пунктам. Политическая деятельность Иоахима фон Риббентропа, благодаря часто применявшемуся Гитлером методу, поощрявшему конкуренцию, осуществлялась до сих пор в стороне от Министерства иностранных дел. Отец и его «аппарат Риббентропа» организационно принадлежали к так называемому «связному штабу», возглавлявшемуся Рудольфом Гессом. Его задачей являлось поддержание связи между имперским руководством НСДАП в Мюнхене, то есть «партией», и имперскими министерствами. Вполне естественно, что между аппаратом Риббентропа и Министерством иностранных дел развернулось соперничество, иначе и быть не могло.

Не требовалось много фантазии, чтобы представить, что посол Риббентроп не найдет в «учреждении», как в просторечии именовалось Министерство иностранных дел, необходимой поддержки в работе. И вправду, отцу, в качестве главы дипломатической миссии в Лондоне, пришлось позднее, с тем чтобы получить требующуюся ему регулярную инфор-

---

¹⁵ На пост государственного секретаря Министерства иностранных дел, ставший вакантным по смерти занимавшего его Бернхарда Вильгельма фон Бюлова, также требовалось найти преемника.

¹⁶ См.: Eden, Anthony: *Memoirs – Facing The Dictators*, London 1962, S. 509. Интересна в этой связи также характеристика британской политики накануне Первой мировой войны у Ferguson, Niall: *Der falsche Krieg*.

¹⁷ Reventlow, Graf Ernst zu: *Deutschlands auswärtige Politik 1888–1914*, Berlin 1916 (1918), S. XVIII. см. также: Ferguson, Niall: там же.

¹⁸ См.: Musial, Bogdan: там же.

мацию, обращаться с жалобой к министру иностранных дел фон Нейрату. Насколько справедливы были опасения матери, выяснилось после войны благодаря откровениям Эриха Кордта. Назначенный связным между Министерством иностранных дел и «аппаратом Риббентропа», он был напутствован тогдашним госсекретарем фон Бюловом, возможные ошибки Риббентропа не исправлять, а предоставить тому свободу спокойно совершать их¹⁹. Но «ошибки» дипломата, кем бы он ни являлся, дорого обходятся стране, представляемой им, в данном случае они наносили ущерб Германии.

Мать придерживалась мнения, что отцу будет выгодней использовать подходящий момент для вхождения в министерство. Если он на самом деле желает в долговременной перспективе принять участие в определении гитлеровской внешней политики, ему просто необходимо познакомиться изнутри с инструментом ее осуществления, то есть Министерством иностранных дел. В качестве госсекретаря он несомненно приобрел бы наилучшую возможность узнать его структуру, квалификацию и ментальность немецких дипломатов.

Наиболее серьезные сомнения матери вызывали уже в то время виды на успех отцовской миссии. Проецируя в будущее сдержанную политику британского правительства за последние три с половиной года, то есть с 1933 года, в отношении немецких предложений, она была настроена скептически по поводу шансов вызвать продолжительное согласие политики Великобритании и Германии. В ее глазах отец взвалил на себя миссию, таящую опасность провала, если британцы «не пожелают, чтоб мы их любили». Он подверг себя риску быть обвиненным в ненадежности германо-британского соглашения, а к нему ведь должна быть готова и Англия. Мать, предчувствуя, вполне правильно видела риск. Отец, однако, держался мнения, что составить ясность в отношении британского курса имеет фундаментальное значение для политики рейха, всякие личные соображения должны в этом случае отступить.

Немецко-английский альянс не был идеей фикс Гитлера в смысле его «германских» причуд. Тесное немецко-английское сотрудничество на мировой арене являлось ключом к его внешней политике. В разговоре с отцом, пришедшим прощаться перед отъездом в Лондон, Гитлер произнес: «Риббентроп, принесите мне союз с Англией!»²⁰ – он был вполне убежден, что этот союз, к которому он так стремился, отвечает как британским интересам, то есть интересам сохранения Британской империи, так и интересам рейха иметь надежный тыл в противостоянии с нацеленным на мировую революцию Советским Союзом. Гитлер считал существование Британской империи в качестве блюстителя мирового порядка в высшей степени желательным для «белой расы»²¹, а значит, и Германии. Но решающей являлась точка зрения взаимного обеспечения тыла для отражения опасности с Востока, благодаря чему и Англия приобретала свободу сосредоточиться на своей империи и ее сохранении.

Необходимо уяснить себе и постоянно держать перед глазами: отправной точкой гитлеровской внешней политики являлась, пользуясь современным языком, «ориентация» рейха «на Запад». В разговорах в моем присутствии между отцом и дедом Риббентропом в годы, прошедшие после прихода Гитлера к власти, постоянно звучало отцовское:

---

¹⁹ См.: Kordt, Erich: Nicht aus den Akten, Stuttgart 1950, S.70.

²⁰ Согласно неопубликованной записи Германа фон Раумера, Гитлер произнес: «Риббентроп, [...] принесите мне Англию и антикоминтерновский пакт; это было бы моим величайшим желанием [...]» Ср. Michalka, Wolfgang: Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik 1933#1940, München 1980, S.155.

²¹ Ср. речь Гитлера перед рейхстагом 28 апреля 1939 года: «[...] Это желание немецко-английской дружбы и сотрудничества смыкается не только с моими чувствами, возникающими из происхождения наших народов, но и с моим пониманием важности существования Британской империи в интересах всего человечества. Я никогда не дал повод сомневаться в том, что вижу в наличии этой империи неоценимое благо для человеческой культуры и экономики. [...] Англосаксонский народ проделал в мире без сомнения громадную колонизаторскую работу. К этой работе я отношусь с искренним восхищением. Мысль о разрушении этой работы казалась и кажется мне с высокой человеческой точки зрения лишь проявлением человеческого геростратизма». Domarus, Max: Hitler – Reden und Proklamationen 1932–1945, Band 2, S. 1158.

«Мы должны оптировать!» (то есть выбирать одну из опций). Хорошо помню эти разговоры, так как для меня, подростка, слова «оптировать», «опция» были, естественно, непривычны. Отец и дед полностью соглашались в том, что для Германии имелся лишь один выбор – в пользу Запада, что, при существовавшем положении вещей, означало позиционирование против Советского Союза. Политика балансирования между Востоком и Западом являлась как для Гитлера, так и отца неприемлемой. Опыт кайзеровской политики накануне Первой мировой войны, эвфемистически названной тогдашним рейхсканцлером Бюловом «политикой свободных рук», отпугивал от соблазна занять двусмысленную позицию в попытке извлечь выгоду, сталкивая «Восток» и «Запад». Знаменитое британское «sitting on the fence» («сидеть на заборе»), то есть решать в зависимости от случая, как удобнее, в пользу той или другой стороны, мог себе, по мнению отца, позволить остров, обладающий сильным флотом, но не государство в геополитической ситуации Германского рейха в центре Европы. Над ним постоянно висела угроза оказаться, в конце концов, как это и случилось в 1914 году, меж двух огней или, выражаясь конкретнее, быть взятым в клещи сверхмощной коалицией противников.

Назначение Иоахима фон Риббентропа в Лондон являлось не чем иным, как очередной, широко задуманной попыткой Гитлера, несмотря на ряд разочарований в последние три с половиной года, все же осуществить внешнеполитическую программу, с которой он выступал с момента прихода к власти в 1933 году: соглашение с Англией, если возможно – в форме союза, ему он придавал мировое политическое значение. В то время Гитлер последовательно проводил «прозападную» политику! Эти преисполненные важности события мне, начиная с 1933 года, то есть с двенадцатилетнего возраста, довелось пережить в непосредственной близости к главным актерам. Назначение отца на пост в Лондоне в 1936 году имело для немецкой внешней политики того времени огромное, едва ли не «историческое» значение. Мне была дарована возможность узнать мотивы обоих главных действующих лиц с немецкой стороны, Гитлера и моего отца, частично из первых рук. Речь шла о сокровеннейших размышлениях о немецкой внешней политике. Я приобрел еще больше прав именоваться «очевидцем», хотя, замечу со всей скромностью, мой вклад в это ограничился скрытностью, на которую, родители верили, и я думаю, не зря, они могут положиться.

Знакомство с «большой политикой» началось для меня летом 1932 года. Мне было тогда одиннадцать лет. Мы, дети, росли в сильно политизированной атмосфере, хотя отец и не был еще вовлечен в активную политическую деятельность. Нужда и порожденная ею коммунистическая опасность являлись проблемами, не терпящими отлагательств. Мы – я и мои школьные товарищи, – несмотря на юный возраст, в то время интересовались политикой гораздо больше, чем сегодняшние подростки. Немецкая история, а с ней и современная ситуация Германии, сложившаяся под диктатом Версаля, присутствовали для нас повсюду – в школе, в юношеских организациях («Союзная молодежь») и, естественно, в семье. Внутренняя политика поначалу сконцентрировалась для меня, мальчишки, на вопросе, каким должен быть немецкий флаг – черно-бело-красным или черно-красно-золотистым. Мне было семь или восемь лет, когда мои дяди затеяли оживленный спор на эту тему в присутствии моей бабушки Хенкель, убежденной демократки. В шутку меня спросили, какие бы цвета я предпочел – я спонтанно выбрал черно-красно-золотистый. Естественно, дяди сразу пожелаали узнать, почему я сделал такой выбор. «Поскольку кайзера сместили и у нас теперь республика, мы должны иметь и новый флаг», – гласил мой, довольно таки изумивший родственников, ответ. Выразилось ли в этом мальчишеском взгляде странное немецкое обыкновение при смене внутривнутриполитической системы тотчас же перекраивать или даже целиком отправлять на свалку истории знамя, национальный гимн, формы одежды, названия городов и улиц и, не в последнюю очередь, учебники истории, а также прочие символы и признаки национальной идентичности?

Летом 1932 года мы с сестрой подцепили необычайно затяжную инфекцию, месяцами не поддававшуюся лечению. Воспаления горла, среднего уха, легких следовали одно за другим, не прекращаясь. Мать взяла на себя уход за нами. Между ней и мной вскоре установилось исключительно глубокое доверие. Позднее она будет предварять свои сообщения словами: «Ты должен скорее дать себя четвертовать, чем разболтаешь то, что я тебе сейчас расскажу!» Она сообщила мне, к примеру, о планах введения в одностороннем порядке всеобщей воинской повинности или, что содержало в себе не в пример больше взрывоопасного, о намерениях, также в одностороннем порядке, осуществить ремилитаризацию Рейнской области. Я превратился – мать не могла за это отвечать – в носителя государственной тайны и, тем самым, еще раз в «очевидца». Моим единственным вкладом в это доверительное отношение была уже упомянутая скрытность, на которую мать абсолютно полагалась. Я принял как должное недоумение друзей, несколько свысока удивлявшихся отсутствию у меня интереса к политике, – я никогда не высказывался о ней. Из осторожности я избегал любых разговоров на политические темы: опытный слушатель мог бы, чего доброго, уловить в моих словах какие-то намеки.

Судьбоносные переговоры

На это в моих воспоминаниях чудесное берлинское лето 1932 года пришелся момент, когда отец впервые оказался активно вовлечен в политику. В конфиденциальном порядке его пригласили к Гитлеру в Берхтесгаден. Мать рассказала мне, что, при посредничестве графа Хелльдорфа, фюрера берлинских СА, его побудили, встретившись с Гитлером в Берхтесгадене, предложить тому попытаться добиться канцлерства путем переговоров с Гинденбургом и Папеном. Вольф-Генрих фон Хелльдорф с моим отцом в Первую мировую войну были однополчанами по Торгауским гусарам. Хорошо помню его: грубый широкоплечий мужчина в коричневой форме с обаянием солдафона. Позднее он, из зависти к карьере отца, перестал бывать в нашем доме и в конце концов перешел в оппозицию к правительству, которое сам же и помогал привести к власти²².

Прекрасно помню рассказ матери об этой встрече у Гитлера, поскольку он явился первым разговором с ней о политике. По возвращении отца из Берхтесгадена она сообщила мне: Гитлер не согласился с его предложениями. Их представления о пути, который необходимо избрать для достижения Гитлером канцлерства, различались. Отец решительно отстаивал мнение, возможными партнерами по переговорам являются Папен и также, вероятно, сын Гинденбурга, Гитлер же верил, что добьется канцлерства через связь со Шлейхером. Их беседа продолжалась два часа. Позднее Гитлер скажет: «Риббентроп упрям, два часа я пытался втолковать ему, что формирование моего правительства возможно лишь через Шлейхера (Гитлер отцу: «Прусский генерал своего слова не нарушит»), чтобы в конце концов вновь услышать, нужно действовать через Папена и Гинденбурга». Достойный внимания дебют якобы «соглашателя» Риббентропа в обращении с Гитлером. В оставшиеся месяцы 1932 года, после этой безрезультатной беседы, какого-либо тесного контакта между ними поначалу не возникало²³.

В это же лето 1932 года коммунисты и национал-социалисты совместно организовали забастовку предприятий берлинского городского транспорта. Мать по этому поводу выразилась так: «Коль скоро нацисты снюхались с коммунистами, они для меня могут идти куда подальше!» Ее слова я осмыслил, присутствуя при состоявшейся несколько позже беседе отца с дедом Риббентропом. Речь шла о том, сохранит ли Гитлер, придя к власти, капиталистическую систему хозяйства. Разумеется, я понимал не все, но сама сцена до сих пор отчетливо стоит перед глазами. Напомню, в НСДАП в то время имелось сильное социалистическое течение. В разговоре с дедом отец высказал мнение: экономическая система останется при Гитлере, в принципе, «капиталистической». Имелось в виду, что собственность на средства производства останется за владельцами при одновременном праве государства на вмешательство в экономику, насколько оно явится необходимым. Он оказался прав, хотя в 1932 году исходить из этого с безусловной определенностью пока что не представлялось возможным.

В один прекрасный день в январе 1933 года у нас объявились к обеду два господина, еще до того, как сели за стол, ненадолго уведенные родителями в сад. Для нас в их приходе не было ничего необычного: хотя, в связи с экономическими затруднениями, практиковавшиеся родителями прежде светские контакты были несколько сокращены, все же немало гостей появлялось за нашим столом, часто даже днем, к «завтраку», как это тогда называлось

---

²² Ср. Harrison, Ted: «Alter Kämpfer» im Widerstand: Graf Helldorff, die NS-Bewegung und die Opposition gegen Hitler, «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 45, 1997/3, S. 385–423.

²³ По поводу привлечения Риббентропа к переговорам см.: Michalka, Wolfgang: а. а.О., S. 30ff, а также: Ribbentrop, Joachim von: Zwischen London und Moskau, Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen, Leoni 1953, S.36ff.

в Берлине. Нам, однако, успело броситься в глаза, что тон и атмосфера общения между родителями и этими людьми были иными, нежели принятые во время приема друзей и гостей дома. За столом отсутствовала привычная легкость непринужденной беседы. Мы не догадывались тогда, что это посещение будет означать для всей нашей жизни. Судьба вошла в дом нашего детства неприметно, почти бесшумно.

Наши гости – это были Гиммлер и Кепплер²⁴ – являлись посланцами Гитлера. Им было поручено просить отца взять на себя посредничество в переговорах с Папеном и Оскаром фон Гинденбургом, сыном рейхспрезидента, о возможностях формирования правительства исходя из соображений, которые он в упомянутом выше разговоре безуспешно излагал Гитлеру.

Через несколько дней после визита господ Гиммлера и Кепплера мы, дети, во время ужина наблюдали, как отец, войдя в столовую, давал слуге распоряжения относительно приема людей, ожидавшихся им. Для нас это было необычным: никогда еще отец не занимался приготовлениями к какому-либо посещению или приему гостей. Благодаря отцовскому посредничеству, переговоры при участии Гитлера, Папена, сына Гинденбурга и других возобновились в его духе. По причине конфиденциальности они несколько раз проходили в нашем доме. Из соображений поддержания строжайшей тайны Гитлера провожали в дом с наступлением темноты через садовую калитку. Переговоры, в конечном итоге, привели к назначению Гитлера канцлером.

Родители запечатали драматические события января 1933 года в ключевых словах. Я хочу здесь процитировать записи, поскольку в них между строк отражается независимая роль отца в рамках переговоров, а также потому, что эти обстоятельства неоднократно воспроизводились некорректно²⁵. Мать писала:

«Встречи в нашем доме держались в глубокой тайне, что являлось немаловажным для удачного исхода формирования правительства. Особенно отчетливо я помню совещание, состоявшееся в ночь с десятого на одиннадцатое января 1933 года, поскольку в этот вечер я впервые встретила с Адольфом Гитлером. Я приветствовала его в кабинете мужа, где он с глазу на глаз совещался с господином фон Папеном. Двенадцатого января мы ожидали Гитлера и Папена к обеду; Гитлер отказался; Папен явился один и выразил озабоченность в отношении выборов в Липпе. Ввиду ожидавшегося успеха НСДАП он опасался, что позиция Гитлера станет жестче.

На совещания господина фон Папена забирал наш старый шофер, он же и отвозил его обратно. Гитлер, напротив, имел привычку садиться и высаживаться на территории гаража, с тем чтобы незамеченным пройти в наш дом через сад. О ходе завещаний я диктовала со слов мужа ежедневные записи, в последние дни января муж продолжил их собственноручно. (...)

Я привожу эти записи ниже, в том виде, в котором они у меня имеются:

Вторник 10.1.33. Беседа с Гитлером и Папеном. Гитлер не желает больше никаких встреч с Папеном до исхода выборов в Липпе.

Воскресенье 15.1. Иоахим едет в Эйнхаузен. Долгое совещание с Гитлером наедине. Ночью возвращение в Берлин. Договоренность о совещании Папена с Гитлером либо вечером в понедельник у Шульце-Наумбурга, или во вторник в Галле.

Понедельник 16.1. Беседа не состоялась, поскольку Папен вечером у Лерснера.

---

²⁴ Вильгельм Кепплер (1882–1960) вступил в 1927 году в НСДАП и основал в 1931 году «Кружок Кепплера», позднее «Круг друзей рейхсфюрера СС». Стал в 1933 году членом рейхстага и комиссаром по вопросам экономики в рейхсканцелярии. С 1938 года был госсекретарем по особым поручениям в Министерстве иностранных дел.

²⁵ Иоахим Фест, к примеру, упоминает в своей известной биографии Гитлера только совещание 18 января 1933 года и, именуя его «прорывом» и помещая среди присутствовавших Оскара фон Гинденбурга, превратно передает его содержание. Ср.: Fest, Joachim: Hitler, Frankfurt/M. 1973, S. 500f.

Вторник 17.1. Папен в Галле, Гитлер в Веймаре. Встреча не состоится. Вечером Гитлер возвращается в Берлин.

Среда 18.1., 12 часов в Далеме: Гитлер, Рем, Гиммлер, Папен. Гитлер настаивает на канцлерстве. Папен вновь считает это невозможным. Его влияние на Гинденбурга переоценивается – оно недостаточно, чтобы добиться этого. Гитлер не улаживает о дальнейших встречах. Иоахим делает пробное предложение свести Гитлера с сыном Гинденбурга.

Четверг 19.1. Долгие переговоры Иоахима с Папеном наедине.

Пятница 20.1. Вечером продолжительная беседа у Папена. Папен сообщает: сын Гинденбурга и Мейснер в воскресенье будут в Далеме.

Суббота 21.1. Иоахим сообщает Гитлеру о предстоящей встрече. Гитлер в ответ излагает причины, почему он не желает приглашать Шлейхера. Он захватит с собой Геринга и Эппа.

Воскресенье 22.1. Вечером в 10 часов встреча в Далеме. Папен приходит один уже в 9 часов. Присутствуют: Гитлер, Фрик, Геринг, Кернер, Мейснер, сын Гинденбурга, Папен и Иоахим. Гитлер говорит наедине с сыном Гинденбурга в течение двух часов. Затем обмен мнениями между Папеном и Гитлером. Папен отныне готов добиваться канцлерства для Гитлера, заявляет Гитлеру, однако, если тот не испытывает к нему доверия, он, не раздумывая, оставит это дело.

Понедельник 23.1. Папен утром у Гинденбурга. Тот все отклонил. Иоахим идет к Гитлеру, чтобы ему это объяснить. Продолжительный обмен мнениями по поводу возможности кабинета Шахта. Гитлер все отклоняет.

Вторник 24.1. Чай в Далеме: Фрик, Геринг, Папен, Иоахим. Принятие решения о национальном фронте для поддержки Папена у Гинденбурга.

Среда 25.1. Опять чай в Далеме: Иоахим говорит с сыном Гинденбурга наедине. Выясняется, что канцлерство Гитлера под auspiciis нового национального фронта не является совсем безнадежным делом. Сын Гинденбурга обещает Иоахиму еще раз переговорить с ним до получения окончательного ответа своего отца.

Четверг 26.1. Продолжительный обмен мнениями с Фриком и Герингом в рейхстаге. Переговоры с «дойчнационале». (Имеются в виду представители Немецкой национальной народной партии (НННП). – *Прим. перев.*) Вечером у принца Оскара в Потсдаме. Письмо Гугенбергу.

Пятница 27.1. Гитлер опять в Берлине. Продолжительный обмен мнениями с ним на квартире Геринга. Гитлер хочет сразу уехать. Иоахим предлагает объединение с Гугенбергом для создания национального фронта. Договоренность об очередной встрече со старым Гинденбургом. Гитлер заявляет: он фельдмаршалу все уже изложил и не знает, что он еще должен ему сказать. Иоахим переубеждает Гитлера, что необходимо попытаться напоследок – дело абсолютно не выглядит безнадежным. Иоахим предлагает Гитлеру как можно скорее создать национальный фронт и вечером в 10 часов встретиться в Далеме с Папеном для окончательного обмена мнениями. Гитлер соглашается действовать в этом смысле и вечером переговорить с Папеном на тему объединения с Гугенбергом. Затем следует долгая беседа с Герингом – обсуждается дальнейшая тактика. Во второй половине дня звонок Геринга, Иоахим должен срочно явиться в резиденцию рейхспрезидента. Там переговоры Гугенберга, Гитлера и Геринга (два имени неразборчиво) завершились форменным крахом по причине невозможных требований НННП. Гитлер, безмерно возмущенный этими переговорами, хочет немедленно уехать в Мюнхен. Геринг убеждает его пока что остаться здесь или по крайней мере не уезжать дальше Веймара. Постепенно Герингу и Иоахиму удается успокоить Гитлера. Однако недоверие Гитлера вновь разбужено. Ситуация крайне сомнительная. Гитлер заявляет, он не может встретиться вечером в Далеме с Папеном, т. к. он не в состоянии выразить себя.

В дальнейшем непосредственная диктовка отца²⁶:

«Я впервые видел Гитлера в таком состоянии; я предлагаю ему и Герингу вечером самому переговорить с Папеном, изложив создавшуюся ситуацию. Вечером я объясняюсь с Папеном, и мне удается в конце концов убедить его, что лишь канцлерство Гитлера, к достижению которого он должен приложить все усилия, имеет смысл. Папен говорит, дело с Гугенбергом играет второстепенную роль, и заявляет, что он отныне целиком за канцлерство Гитлера, – решающий поворотный пункт в позиции Папена. Папен осознает свою ответственность – три возможности: или президентский кабинет с последующей (неразборчиво) или возврат к марксизму при Шлейхере или отставка Гинденбурга. Против этого единственное, в самом деле ясное решение проблемы: канцлерство Гитлера. Папену теперь совершенно очевидно, отныне он при любых обстоятельствах должен добиться канцлерства Гитлера и не может, как прежде, верить в то, что стоит, на всякий случай, держать Гинденбурга в запасе. Этот вывод Папена является, на мой взгляд, поворотным пунктом всего вопроса. Встреча Папена с Гинденбургом заявлена на субботу, 10 утра.

Суббота, 28.1. Около одиннадцати я у Папена, встречающего меня вопросом: «Где Гитлер?» Я говорю, он, вероятно, уже уехал, возможно, его удастся еще застать в Веймаре. Папен заявляет, его нужно немедленно возвратить, поскольку наступил перелом и он, в результате долгого разговора с Гинденбургом, считает канцлерство Гитлера достижимым. Я без промедления направляюсь к Герингу и узнаю, Гитлер все еще в Кайзерхофе. Геринг звонит ему, Гитлер остается в Берлине. Затем возникает новое осложнение: прусский вопрос²⁷. Продолжительная беседа и спор с Герингом. Я заявляю ему, что немедленно откажусь, если еще раз возникнет недоверие в отношении Папена. Геринг уступает и, заявив о полном согласии со мной, обещает отныне попробовать с Гитлером все, чтобы привести дело к удачному завершению. Геринг хочет уговорить Гитлера решить прусский вопрос в смысле Папена. Я сразу еду с Герингом к Гитлеру. Долго говорил с Гитлером наедине и еще раз объяснил ему, что дело невозможно сделать при отсутствии доверия и что канцлерство не выглядит больше невозможным. Я попросил Гитлера, не откладывая, во второй половине дня пойти к Папену. Гитлер, однако, желает еще раз обдумать прусский вопрос и отправиться к Папену лишь утром в воскресенье. Это решение я передал Папену, вновь пришедшему в сильное беспокойство. Он произнес: «Я знаю пруссаков». Затем договорились о совещании Гитлер – Папен в воскресенье, 11 часов.

Воскресенье, 29.1. В районе одиннадцати часов продолжительный обмен мнениями между Гитлером и Папеном. Гитлер заявляет, что ему в общих чертах все ясно. Необходимо, однако, назначить новые выборы и принять закон о чрезвычайных полномочиях. Папен немедленно отправляется к Гинденбургу. Я завтракаю в Кайзерхофе с Гитлером. Обсуждается вопрос новых выборов. Поскольку Гинденбург не желает выборов, он просит меня сказать ему, что это будут последние выборы. Во второй половине дня мы с Герингом идем к Папену. Папен заявляет: препятствия устранены, Гинденбург ожидает Гитлера завтра в одиннадцать часов.

Понедельник, 30.1. Гитлер назначается канцлером.

Встреча 24 января явилась особенным поворотным пунктом: принятое тогда решение о создании Национального фронта послужило рычагом воздействия, способствовавшим в конечном итоге преодолению антипатии Гинденбурга по отношению к канцлерству Гитлера. Эту встречу с участием Гитлера, Папена, Геринга и моего отца можно по праву считать часом рождения «Третьего рейха».

---

²⁶ Ribbentrop, Joachim von: a. a.O., S.40ff.

²⁷ Под «пруссаками» в этой связи понимаются представители консервативной Немецкой национальной народной партии (НННП).

К этому стоит добавить маленькую занятную историю: Геббельс написал книгу о, пользуясь тогдашним языком, «формировании правительства Гитлера» под названием «Из Кайзерхофа в рейхсканцелярию», в ней он якобы изложил подлинные события до 30 января 1933 года. Отца, чья роль из вышеприведенного очевидна, Геббельс, сам в дело не вовлеченный и о деталях не информированный, не упомянул ни единым словом. Это побудило отца во время обеда в Далеме с улыбкой заметить: «Одному я уже успел научиться, занимаясь политикой: фальсификацией истории начинают заниматься не по прошествии столетий, но уже в тот момент, когда она свершается!» Он и не подозревал, до какой степени эти слова будут когда-то верны по отношению к нему самому и его политической деятельности. В те времена, по крайней мере, в то время отец еще мог смеяться над подобными случаями и замешанными в них персонами! Для меня – я точно помню – отцовский вывод явился чем-то вроде небольшого откровения, подкрепившего растущее убеждение: абсолютной исторической правды нет. Это знание здорово помогло мне спокойно разобраться с прошлым и, прежде всего, судить о нем непредубежденно.

Понятно, что мать поначалу не рассказывала мне, одиннадцатилетнему мальчишке, ничего о происходящем. Ей пока не представлялся случай испытать мою скрытность. Вскоре это должно было измениться. Придя к власти, Гитлер обратился с просьбой к отцу в частном порядке прозондировать почву в Англии и Франции насчет немецко-английских / немецко-французских отношений и сообщить ему результаты. Отцовские отчеты направлялись непосредственно Гитлеру, ведь он действовал сперва целиком и полностью неофициально, выполняя личное поручение Гитлера. Свои отчеты он не мог диктовать секретарше в его фирме. Этим он нарушил бы все правила соблюдения секретности! Так и случилось, что однажды мать спросила меня, не мог бы я напечатать на машинке в высшей степени доверительное письмо, адресованное рейхсканцлеру. Мои современно мыслящие родители подарили мне – в то время семи- или восьмилетнему – на Рождество небольшую американскую дорожную пишущую машинку марки «Underwood». Они придерживались мнения, чем раньше я освоюсь с подобной техникой, тем лучше для меня. Мне было очень строго указано, речь идет о государственных тайнах – я не могу обмолвиться ни единым словечком о содержании письма. Так и пришлось мне неоднократно печатать отчеты доверительного характера. Часто, однако, отцу ничего не оставалось, как писать свои отчеты от руки!²⁸

Однажды мне пришлось печатать письмо, в котором, как помню, речь шла о неприятном столкновении между ним и Розенбергом. Розенберг возглавлял так называемый «Внешнеполитический отдел НСДАП». От матери я узнал подоплеку письма, которое печатал. Напряженные отношения питались ревностью, испытываемой Розенбергом к отцу как новому собеседнику Гитлера по вопросам внешней политики. Мое первое впечатление о том, что происходит за кулисами власти! Позднее отец сообщил – в то время еще посмеиваясь, – что они с Розенбергом, наконец, разграничили сферы компетенции. Когда он доложил об этом Гитлеру, тот едва ли пожелал принять сообщение к сведению. Отец рано понял тактику Гитлера ставить сразу на нескольких лошадей. Ему приходилось считаться с ней, коль скоро он хотел оказывать влияние на принятие решений по вопросам внешней политики. В этой связи, например, он предложил Гитлеру третьего апреля 1935 года переименовать «внешнеполитический отдел» НСДАП в «культурно-политический», благодаря переименованию, писал он, «было бы недвусмысленно подтверждено, что восточная программа Розенберга не имеет отношения к официальной внешней политике рейха». Интересный пример внутренних затруднений, с которыми сталкивалась немецкая внешняя политика в системе Гитлера. Излишне упоминать, что подобное предложение не способствовало налаживанию дружеских отношений с лицами, которых оно касалось, в данном случае с Розенбергом.

---

²⁸ Подобные написанные от руки отчеты Гитлеру сохранились в архиве Гувера.

Поскольку в условиях диктатуры любые публикации имеют, по меньшей мере, характер официоза, отец был вынужден прилагать усилия к тому, чтобы исключить факторы помех. В последующем я остановлюсь на гораздо более проблематичных рассуждениях Гитлера в «Майн кампф» о немецкой политике касательно Франции и, прежде всего, его высказываниях в отношении восточной политики.

Отныне мне чаще приходилось слышать материнское предупреждение: «Ты должен скорее дать себя четвертовать, чем...». Так было, когда она в начале 1935 года посчитала возможным рассказать мне, что Гитлер и отец обдумывают восстановление в одностороннем порядке суверенитета Германии в оборонной сфере, поскольку переговоры с Англией и Францией о практической реализации равноправия Германии в вопросах вооружения (которое правительству Папена было *de jure* уже обещано постановлением Женевской конференции по разоружению от 12 декабря 1932 года)²⁹ вот уже в течение длительного времени «не продвигаются». Или, когда в следующем, 1936 году она поставила меня в известность о планах в одностороннем порядке восстановить оборонный суверенитет в демилитаризованной Рейнской области. Она объяснила мне, почему считается, что нужно решиться на такой шаг, подробно обосновав мне необходимость восстановления полного суверенитета правительства на всей территории рейха. В глазах Гитлера и отца восстановление внутреннего суверенитета являлось предпосылкой возврата к неограниченной внешнеполитической свободе действий. Без такой свободы у рейха отсутствовала способность заключать союзы, в свою очередь, абсолютно необходимая для выхода из политической изоляции, в которой рейх все еще находился со времени окончания Первой мировой войны. Восстановление немецкого суверенитета в Рейнской области не будет рассматриваться британской общественностью в качестве повода прибегнуть в отношении рейха к военным мерам. Без британской поддержки, однако, Франция не направит свои войска, и Польша наверняка не решится действовать в одиночку. Мать, с другой стороны, не скрывала от меня большого риска, естественно сопутствующего этой акции, поскольку вооружение едва началось и в Рейнскую область могли быть направлены лишь очень слабые немецкие силы. Так сказать, в благодарность за оказанную мной небольшую помощь и, прежде всего, за мою скрытность, она упростила отца взять меня на заседание рейхстага в Кролль-опере, где Гитлер собирался объявить это решение.

Можно себе представить, в каком возбуждении я вступил в ложу для зрителей в зале Кролль-оперы, находившейся напротив старого, пострадавшего от пожара здания Рейхстага – теперь здесь проходили его заседания. Едва ли кто из присутствующих – парламентариев, дипломатов, сановников рейха и партийных бонз, среди которых я находился, – знал, по какому поводу их здесь собрали. Когда Гитлер объявил: правительство рейха постановило восстановить полный суверенитет рейха в демилитаризованной зоне Рейнской области, раздались, естественно, долгие бурные рукоплескания. Однако стоило ему продолжить: «...в этот момент, когда немецкие войска вступают в гарнизоны мирного времени в Рейнской области...», собрание, казалось, буквально взорвалось аплодисментами. Точка зрения попоранного национального достоинства в связи с Версалем играла до войны немаловажную роль и, без сомнения, во многом способствовала успехам Гитлера на выборах. В величайшем напряжении я провел последующие дни. Дойдет ли дело до военных акций со стороны стран – гарантов Версальского договора?

Так я и жил, начиная с 1933 года, в «двух мирах». Один в отношении к другому являлся «идиллией». Моя «нормальная жизнь» в родительском доме, видящемся в воспоминании

---

²⁹ Это заявление было сделано США, Францией, Великобританией и Италией 11 декабря 1932 года в рамках проходившей там Конференции по разоружению. Ср. Scheil, Stefan: Fünf plus Zwei. Die europäischen Nationalstaaten, die Weltmächte und die vereinte Entfesselung des Zweiten Weltkriegs, Berlin 2003, S.166.

в такой же степени прекрасным, как и увлекательным, резко контрастировала с миром «большой политики», который, с легкой руки матери, все больше открывался для меня – «вершины», где принимались великие внешнеполитические решения, но также и «низменности» интриг и сомнительных человеческих мотивов. В разговорах между родителями, часто при участии деда Риббентропа и в моем присутствии в качестве молчаливого, но напряженно-внимательного слушателя, обсуждались самые тайные аспекты немецкой внешней политики. По сути, разговоры вращались все время вокруг желанного «довода в пользу Запада» в качестве основы немецкой внешней политики. Когда-то с течением времени стали звучать и вопросы, какие альтернативы имелись бы в распоряжении на тот случай, если поставленной цели, возможно, не удастся добиться.

Исключительная для моих лет страсть к истории и военной истории помогла мне понять немецкую внешнеполитическую концепцию и тот же «западный довод» из прошлого и с огромным интересом наблюдать развитие в 1933–1941 годах. Многим ли удастся, как мне, получить возможность, начиная с раннего юношеского возраста, наблюдать в непосредственной близости мировую политику в невероятно драматической фазе? Полагаю, что это дает мне право именовать себя очевидцем. Отсюда рождается обязанность запечатлеть мое знание о происходившем в то время.

Версаль и центральноевропейский вакуум власти

В Первую мировую войну Германскую империю и ее союзников – Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию – называли «центральными державами». Это являлось наглядным обозначением четырех государств, со всех сторон окруженных могущественным альянсом Антанты. Ситуация рейха в качестве европейской «центральной – по его географическому положению в центре Европы – державы» была в 1933 году еще более неблагоприятной, чем в 1914-м.

Центральноевропейская держава, Германская империя, с момента основания в 1871 году сталкивалась во все возрастающей мере с одной и той же дилеммой: никто не желал или не желает сильной, следовательно, потенциально «опасной» Германии! Опыт, который немцы, в связи с объединением Федеративной Республики и ГДР, смогли проделать еще раз. Не стоит закрывать глаза перед фактом, что как английское, так и французское правительства пытались, воздействуя на русское руководство, предотвратить объединение обоих немецких государств. Проблематика слишком – в глазах Англии и Франции – сильной Германии представляет по сегодняшней день скрытый, но далеко не маловажный аспект европейской политики³⁰. Даже будучи немцем, вполне можно понять эту озабоченность: любая политика обязана, заглядывая вперед, распознать возможные угрозы и считаться с ними. Французский писатель Мориак охарактеризовал Воссоединение забавно и, в то же время, едко следующей остротой: «Я настолько люблю Германию, что мне больше хотелось бы иметь их две, чем одну!»

С этой фундаментальной «дилеммой» пришлось столкнуться каждому правительству Германии начиная с Бисмарка. Известна его насмешливая реакция на расхваливаемые ему выгоды от приобретения африканских колоний: «Здесь Россия, там – Франция, а мы находимся посередине; вот моя карта Африки»³¹. Из осознания особенного положения рейха в Европе возникла, с одной стороны, необходимость поддержания значительной военной мощи, чтобы быть в состоянии утвердиться в Центральной Европе (новая «Тридцатилетняя война» между европейскими державами на немецкой территории должна быть предотвращена в интересах сохранения субстанции немецкого народа); момент, получивший особое значение в 1930-е годы в связи с экспансионистскими устремлениями советской власти. С другой стороны, требовалось учитывать желание связанных своими внешнеполитическими традициями правительств Англии и Франции и их союзников видеть Германию, из страха перед ее гегемонией, по возможности, слабой. В конечном счете, эта проблематика привела к Первой мировой войне, породила Версаль и встала вновь перед Гитлером и немецкой политикой в 1933 году. Ею приходится заниматься, в определенной степени, и правительству Федеративной Республики, хотя военный аспект, в отличие от экономического, к счастью, уже не присутствует. Консервативный французский политик Морис Кув де Мюрвиль заявил в 1966 году польскому министру иностранных дел Адаму Рапацкому: «Германия снова превратилась в проблему (...). Если бы не было Германии, у нас не имелось бы

---

³⁰ См., к примеру, статью Мориса Дрюона, постоянного секретаря Французской академии в Le Figaro от 30 августа 1999 года, а также высказывания французского министра Шевенмана в эфире телестудии France 2: «По сути, она (Германия) все еще мечтает о Священной Римской империи германской нации и еще не оправилась от крушения, которым являлся в ее истории национал-социализм». Цит. по: «Die Welt» от 23 мая 2000 года; см. также: «Hitler-Vergleich: Mitterands Angst vor den Deutschen» в: «Die Welt» от 11 сентября 2009 года и «Wie Thatcher die deutsche Einheit verhindern wollte» в: «Die Welt» от 15 сентября 2009 года.

³¹ Scheil, Stefan: a. a. O., S. 118, Fußnote 26 – Willms, Johannes: Nationalismus ohne Nation, S. 495.

никаких проблем в Европе, это наша проблема, а также и Ваша»³². Генри Киссинджер попал в точку своей формулировкой:

«(...) Идея президента Клинтона о двух ведущих партнерах – Соединенных Штатах Америки и Германии не была слишком мудрой (...) В самом деле, она созывает всех на баррикады, поскольку две мировые войны велись, в конечном счете, именно для того, чтобы предотвратить доминирующую роль Германии»³³.

Этот *circulus vitiosus* (порочный круг) можно было прорвать лишь с помощью тесного сотрудничества между Соединенным Королевством, Францией и Рейхом. Основное содержание деятельности отца в 1933–1937 годах сводилось к его налаживанию. Германская внешняя политика не достигла своей цели. Отсюда Гитлер, вполне осознававший угрозу, сделал понятный вывод, что большая коалиция против Германии, как и в 1914 году, вновь является вероятной.

Формулой британской политики в Европе с незапамятных времен являлось: поддержание «Balance of Power» (баланса сил) между европейскими государствами, или, выражаясь конкретней, Соединенное Королевство всегда должно было выступать в союзе со второй по силе континентальной державой против сильнейшей. Эта максима в течение столетий определяла британскую политику. Благодаря ей Британия смогла получить свободу действий для постройки империи и утверждения себя в качестве ведущей мировой державы. Как бы ни определялось направление британской политики – против Испании или Людовика XIV, против Австрии или против обоих Наполеонов и, наконец, против Германии Вильгельма, всегда можно было распознать этот принцип: блокирование или уничтожение сильнейшей континентальной державы с помощью второй по силе державы и других союзников. Черчилль изложил это с жесткой прямоотой уже в марте 1936 года комиссии по иностранным делам Консервативной партии³⁴. Выступая в Палате общин, он тогда заявил:

«...Речь не о том, Испания ли это или французская монархия, или французская империя, или Германская империя, или гитлеровский режим. Речь не идет о правителях или нациях, но лишь о том, кто является величайшим или потенциально доминирующим тираном. (...) Отсюда возникает вопрос, какая держава в Европе является сегодня сильнейшей...»³⁵.

Получится ли довести немецкий взгляд, то, как отец и Гитлер рассматривали баланс сил в Европе, до лиц, принимающих решения в Великобритании? Оба видели европейский баланс сил сохраненным даже в том случае, если рейх вновь станет мощной центрально-европейской державой, больше того, они полагали, что военная мощь рейха необходима в целях нейтрализации российской экспансии. Сам факт существования и влияние Советского Союза воспрепятствуют неконтролируемой гегемонии Германии. С немецкой стороны в 1936 году еще строились некоторые надежды, что эти идеи в отношении мировой политики встретят понимание также и в Лондоне.

Спустя несколько недель после назначения канцлером Гитлер нанес визит родителям в Далеме. Ему был дан обед в тесном кругу. Когда с едой было покончено, Гитлер, напра-

---

³² Froment-Meurice, H.: a. a. O., S. 289.

³³ «Welt am Sonntag» от 13 ноября 1994 года. Почти идентично выразился известный американский политолог Самуэль Хантингтон. Samuel Huntington: Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert, München 1996, S. 208. Само понятие «partnership in leadership» принадлежит, впрочем, Джорджу Бушу-старшему.

³⁴ Churchill, Winston: Memoiren – Der zweite Weltkrieg, Bd. I: Der Sturm zieht auf, Hamburg 1949, S. 258 f.

³⁵ Ср. Лорд Роберт Ванситарт 6 сентября 1940 года в инструкции британскому посланнику в Стокгольме: «[...], однако Германская империя и имперская идея вот уже в течение 75 лет являются проклятием мира [...] Враг – это Германский рейх и не только нацизм, и те, кто этого еще не понял, не поняли ничего [...]» Цит. по: Magenheimer, Heinz: Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen – Aufmarsch – Zusammenstoß, Bielefeld 2000, S.14.

вив разговор на тему внешней политики, заметил, «его главной целью является наладить с Англией ясные отношения на постоянной основе». Отец пишет, вспоминая об этом первом своем разговоре с Гитлером о внешней политике:

«Это являлось общей внутренней установкой по отношению к Англии, заложившей в тот вечер первые семена доверия между Адольфом Гитлером и мной. Что отсюда однажды разовьется тесное сотрудничество в области внешней политики, как это произошло в последующие годы, я в то время еще не догадывался»³⁶.

Теперь, в качестве посла «при дворе Сент-Джеймс», он имел задачу – несмотря на некоторые разочарования в истекшие с того времени три с половиной года – попытаться осуществить целевую установку Гитлера, являвшуюся также и его собственной.

Чтобы адекватно проанализировать и оценить внешнюю политику Гитлера, необходимо представить положение Германского рейха в начале 1933 года, то есть в первые месяцы его правления. Она во всех областях определяется Версальским договором. Так как страны-победительницы наотрез отказались даже от обсуждения каких-либо его модальностей, тогдашнее, используемое немцами, обозначение этого так называемого «мирного договора» как «версальский диктат» не является столь уж ложным. Полезно и поучительно взять исторический атлас, раскрыв его на политической карте Европы, какой она стала в результате заключения договора.

Германия серьезно пострадала от Версальского договора, среди прочего, в четырех отношениях:

1. Как уже было изложено, полное и одностороннее разоружение, а также раздел немецкой территории представляли собой в эпоху национальных государств чрезвычайную опасность для рейха.

2. Навязанные Германии так называемые «репарации» противоречили какой-либо здоровой хозяйственной логике и должны были неизбежно привести к обнищанию немецкого народа, не говоря уже о глобальных экономических потрясениях, которым они, среди прочего, способствовали³⁷.

3. Территориальные потери составили приблизительно тринадцать процентов всей площади рейха с соответствующей утратой населения, инвестиций, ресурсов и т. д.

4. К этому добавились потеря германских активов за рубежом, выкачивание всевозможных хозяйственных ценностей вплоть до патентов, локомотивов, скота, интернационализация рек и т. д. Стоит прочесть до конца текст договора, чтобы ясно представить себе, что в отдельности скрывается за так называемым «Версальским мирным договором».

Следует в данном месте особо отметить, что защите так называемых «главных военных преступников» в Нюрнберге в 1946 году, то есть тоже и министра иностранных дел Германии, всякое упоминание о Версальском договоре было прямо запрещено³⁸. Обвинение предъявило сей договор чуть ли не как доказательство номер один и инкриминировало подсудимым нарушения его положений, не позволив защите привести обратные доказательства. «Суд не станет вас выслушивать, если Вы представите, что Версальский договор являлся незаконным или в каком-то отношении несправедливым», – заявил председательствующий судья!³⁹ Что некий постоянно громко заявляющий о себе современный немецкий историк выступил со сногшибательным утверждением, будто бы то, что со странами-победительницами невозможно было обсуждать условия Версальского договора, объясняется лишь высо-

---

³⁶ Ср. Ribbentrop, J. v.: a. a. O., S. 45.

³⁷ Последний взнос репараций подлежал бы уплате в 1988 году.

³⁸ IMT, Band XVII, S. 597#602; см. также: Kranzbühler, Otto: Rückblick auf Nürnberg, Broschüre, Hamburg 1949, S. 21 f. Кранцбюлер являлся защитником гроссадмирала Деница на первом процессе в Нюрнберге.

³⁹ Протокол заседания 5 июля 1946 года, IMT, Band XVII, S. 598.

комерием министра иностранных дел Германии графа Брокдорфа-Ранцау, будет упомянуто здесь лишь в качестве забавной арабески духа времени в смысле «political correctness» («политической корректности») ⁴⁰.

Согласно вышеизложенному, было предсказуемо, что европейская политика на десятилетия вперед будет определяться через усилия немецкого правительства по пересмотру невыполнимых финансовых и военных условий Версальского договора. Насколько были обоснованы требования ревизии, доказывается хотя бы тем, что уже в 1932 году (11 декабря 1932 года) – таким образом, до Гитлера – равенство в сфере вооружения было официально обещано рейху. Кроме того, должна была быть подведена последняя черта под репарациями.

Версальский договор давно стал достоянием истории. Кстати, уже в самом начале ряд англосаксонских политиков и ученых подвергли его аргументированной и острой критике. Так, во время заключения Версальского договора известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс, чьи мысли в отношении экономической и финансовой политики доньше актуальны, высказался следующим образом:

«Существует не так много исторических событий, в отношении которых потомство будет иметь еще меньше оснований для прощения. Война, ведшаяся якобы для защиты святости международных договоров, закончилась тем, что победоносные защитники этого идеала открыто нарушили один из самых священных договоров» ⁴¹.

Кейнс в качестве члена британской делегации по ведению переговоров в Версале должен был знать, о чем говорит. Не в последнюю очередь он имел в виду нарушение обещаний, сделанных немецкому народу в обмен на «справедливый мир» в «14 пунктах» Вудро Вильсона в 1918 году; к ним, например, относилось «право народов на самоопределение».

Все же Германский рейх из доверия к «14 пунктам» президента США Вильсона сложил, после продолжительного обмена нотами с ним, оружие и, таким образом, отдался на милость победителей. Вильсон недвусмысленно заявлял, что принятие его условий откроет дорогу для мирных переговоров. В противном случае, и здесь впервые появился термин, обернувшийся впоследствии столь роковым, он добьется «безоговорочной капитуляции» Германии. Перед лицом таких перспектив правительство Германии подписало соглашение о перемирии в ожидании мира на основе переговоров. Оно было, как писал мой отец, «жестоко разочаровано».

Центр Европы, поделенный Германский рейх, был в полном объеме разоружен и, таким образом, принимая в расчет военную мощь его соседей, лишен власти. Армия, «рейхсвер», сокращалась до численности в 100 000 человек. Она не имела тяжелой артиллерии, танков, все известные к тому времени виды «тяжелых вооружений» были запрещены. Военно-воздушные силы были целиком и полностью запрещены. Военно-морские силы не должны были превышать 15 000 человек, на них налагались также и другие серьезные ограничения. Они не могли иметь ни крупных судов, ни подводных лодок, ни военно-морской авиации и так далее.

Западная граница империи была по Версальскому договору полностью демилитаризована. В зоне, чья граница пролегла в 50 км к востоку от Рейна, не имели права располагаться гарнизоны рейхсвера и другие военные объекты, не говоря уже об укреплениях. Стоит напомнить, что Рур уже в 1923 году был под надуманными предлогами оккупирован, так как не случилась поставка некой партии древесины. Английский дипломат Джон Брэдли, оказавшийся в этом вопросе в меньшинстве среди бельгийских и французских кол-

---

⁴⁰ Так в докладе профессора Ханса Моммзена, прочитанном в Ротари-клубе в Дюссельдорфе 28 января 1988 года. Это, кстати, ложно уже потому, что Сен-Жерменский и Трианонский мирные договоры содержали во многом схожие положения.

⁴¹ Keynes, John Maynard (Verf.) /Hauser, Dorothea (Hrsg.): Krieg und Frieden – Die wirtschaftlichen Folgen des Vertrages von Versailles, Berlin 2006, S. 93.

лег, говорил о наихудшем использовании древесины со времен постройки троянского коня⁴². Но даже в Восточной Пруссии, отделенной от рейха так называемым «польским коридором», были запрещены пограничные укрепления, благодаря чему эта провинция оставалась совершенно беззащитной от любого польского посягательства. Другими словами, в центре Европы существовал «доведенный до совершенства вакуум власти», что в условиях того времени представляло латентную угрозу политической стабильности в Европе. Военный нажим Франции на рейх был в любое время возможен. Так же, как каждому Веймарскому правительству приходилось и после плебисцитов 1920 года считаться с польскими аппетитами в отношении имперских земель⁴³.

Посмотрим внимательно на политическую карту Европы 1933 года и представим себе соотношение военных сил, каким оно сложилось в начале 1930-х годов. Вывод может быть лишь один: военно-политическая ситуация рейха была отчаянной. Не только два важнейших промышленных района Германии, а именно Рурская область на западе и Верхнесилезский промышленный район на востоке, были, при невозможности их оборонять, беззащитны от посягательств Франции или Польши и Чехословакии; но и, сверх того, у рейха вовсе отсутствовали какие-либо средства сдерживания военных акций упомянутых государств.

Особенно весомой в этой – в прямом смысле – «бессильной» ситуации являлась изоляция рейха или, выражаясь точнее, изоляция рейха была неизбежным следствием его военного «бессилия». Отец цитировал слова Гитлера, произнесенные во время их первой беседы о внешней политике: «Германия снова должна стать сильной, иначе она никогда не приобретет друзей (...)».

За высказыванием Гитлера стоит описанная выше традиционная дилемма немецкой внешней политики. И не Гитлером она была создана, а обуславливается геополитическим положением Германии и ее заданным весом: с одной стороны, определенный силовой потенциал – это предпосылка для того, чтобы обладать «способностью к заключению союзов» и утвердиться в центре Европы, с другой стороны, озабоченность как раз этим потенциалом отпугивает искомых союзников. И здесь еще совершенно не освещена проблема, которую для политической стабильности и безопасности в Европе уже в начале 1930-х годов представлял Советский Союз, – все же мировая держава, находившаяся под господством исключительно агрессивной идеологии.

Французская политика жестко и чувствительно продемонстрировала рейху его слабость и изоляцию, грубо вмешавшись в 1931 году в планы рейхсканцлера Брюнинга и австрийского правительства по созданию, ввиду приближающегося мирового экономического кризиса, таможенного союза между обеими странами. Мне было десять лет, когда летом 1931 года один немецкий дипломат прожил несколько недель у нас в Далеме. По линии отцовской сестры он приходился нам родственником⁴⁴. Как раз на это время пришлось немецко-австрийские переговоры, за которыми мои родители заинтересованно следили, – родственник держал их в курсе происходящего. На мой вопрос к немецкому дипломату и родителям – после того, как от плана, из-за французского вмешательства, пришлось отказаться, – почему бы мы не могли заключить договор вопреки французскому возражению, мне было отвечено указанием на возможные репрессии, к примеру, новую оккупацию Рейнской области или Рурского района. Ее не смогли бы предотвратить. Уже в 1918 году в австрийскую конституцию был включен пункт о намерении стать составной частью Гер-

---

⁴² Цит. по: Vansittart, Robert: *The Mist Procession. The Autobiography of Lord Vansittart*, London 1958, S. 300; см. также: Paxton, Robert: *Europe in the twentieth Century*, San Diego 1985, S. 45; и Weber Eugen: *Action Francaise – Royalism and Reaction in Twentieth Century France*, Stanford University 1962, S. 121.

⁴³ См.: высказывания шефа Главного командования армии, барона Курта фон Хамерштайн-Экворда от 27 февраля 1932 года, цит. по: Meinck, Gerhard: *Hitler und die deutsche Aufrüstung 1933#1937*, Wiesbaden 1959, S. 195, Anm. 88.

⁴⁴ Имеется в виду Ганс Генрих Дикхофф, позднее немецкий посол в США (1937–1938).

манского рейха⁴⁵. У нас, детей, союзническая оккупация Рейнской области спустя десятилетие с лишком после окончания войны была еще вполне свежа в памяти. В Висбадене на каждом углу попадались униформированные представители оккупационных властей; также и в доме у бабушки с дедушкой квартировали французы. Когда правительство рейха, чтобы положить конец нескончаемым уличным схваткам между коммунистами, Рейхсбаннером и СА, задумало создать так называемую «вспомогательную полицию», французское правительство выступило с протестом. Перед прессой, сообщил за обедом возмущенный отец, французский посол обосновал свой демарш заявлением: «Если ребенок играет с огнем, ему его нужно выбить из рук!»

Еще один взгляд на политическую карту Центральной Европы в границах 1933 года: абсолютно разоруженный рейх был окружен хорошо вооруженными, взаимно связанными договорами государствами, которые под руководством Франции могли серьезно ограничивать свободу действий имперского правительства, в случае надобности вынуждая приемлемые для них решения путем военного нажима. Созданная Францией система пактов охватывала Бельгию, Польшу, Чехословакию и Югославию. Эти государства частично имели виды на территорию рейха или относились к нему враждебно по самым различным причинам – не в последнюю очередь, из-за его привлекательности для проживавших в них и исчислявшихся миллионами представителей немецких «меньшинств».

В то время как государства так называемой «Малой Антанты», наименование было призвано пояснить различие с «Большой Антантой» – франко-британским альянсом – обладали значительным арсеналом вооружений, Великобритания, хотя и сократила численность вооруженных сил, поддерживала их, однако, по тому времени на высоком качественном уровне. Нужно отчетливо представить себе внешнеполитическую ситуацию Германии, которую застал Гитлер, придя к власти. С этой уже самой по себе в высшей степени опасной, то есть крайне слабой, позицией рейха пришлось столкнуться еще веймарским правительствам.

Однако Гитлер, помимо актуальной угрозы Германии со стороны «Малой Антанты», видел еще и вековую угрозу не только рейху, но и всей Европе, в росте могущества Советского Союза. Вряд ли можно утверждать, что она была надуманной. В советском руководстве давно уже строились планы «взять за горло» государства на западной границе Союза⁴⁶. Потенциал для этого постоянно рос. Позднее, после Второй мировой войны, только благодаря участию США в НАТО, иными словами, благодаря американскому ядерному потенциалу, была сохранена независимость Западной Европы и предотвращена советская гегемония со всеми вытекающими последствиями.

С учетом Советского Союза соотношение сил в Европе выглядело следующим образом: в центре Европы существовал абсолютный вакуум власти. Франция, окопавшись за линией Мажино, пристально наблюдала за бессильным «Германским рейхом». Государства Восточной Европы, обладавшие, как Польша и Чехословакия, некоторым весом, смотрели враждебно, если не с вожделием на пустоту власти в Центральной Европе. США решительно удалились во внешнеполитическую изоляцию. Предвыборная пропаганда Рузвельта в 1932 году была целиком построена на невмешательстве в Европе. Однако уже в 1933 году он, признав Советский Союз, сделал шаг, повлиявший также и на европейскую политику. Все американские правительства перед ним наотрез отказывались от этого.

---

⁴⁵ Национальное собрание Австро-Венгрии (Германской Австрии) провозгласило 12 ноября 1918 года Австрию составной частью Республики Германия. 12 марта 1919 года вновь последовало заявление о присоединении. В статье 88 Сен-Жерменского мирного договора был установлен запрет аншлюса без согласия Совета Лиги наций. Источник: <http://aeiou.iicm.tugraz.at/aeiou.encyclop/a/a586894.htm>

⁴⁶ Ср. рассказ о соответствующих заседаниях Политбюро в начале 1930-х годов у Musial, Bogdan: а. а.О.

Для Гитлера возникал вопрос, кто, собственно, мог бы остановить «русский паровой коток», если бы Сталину однажды пришла в голову мысль привести его в движение. Так называемые «буферные государства» – Польша, Чехословакия и Румыния – для этого не годились. Понятие «русский паровой коток» возникло, кстати, в начале мировой войны 1914–1918 годов в качестве впечатляющей картинки для иллюстрации количественно подавляющего военного потенциала огромной русской империи⁴⁷.

Сознающий свою ответственность руководитель немецкого правительства, кем бы он ни являлся, обязан был считаться с возможностью, что Советская Россия при определенных обстоятельствах не отступит от намерения, в соответствующем случае – силой, распространить свою власть на Европу. «Вакуум власти» в Центральной Европе, возникший по причине полного разоружения единственного государства, которое могло бы противостоять Советскому Союзу, эту политику экспансии прямо-таки поощрял, оставалось лишь выбрать подходящий момент. Стоит подумать о требованиях Молотова, выдвинутых Гитлеру и его министру иностранных дел при посещении Берлина в ноябре 1940 года, когда рейх все-таки находился в апогее власти. Они распространялись на Дарданеллы, Балканы и, не стоит забывать, также на Датские проливы, то есть Зунд и Бельт. И да не останется в этой связи неупомянутым: в обоих важнейших европейских государствах – Франции и Германии – основались сильные, агрессивные коммунистические партии, управлявшиеся Коминтерном из Москвы. Советская Россия начертала на своих знаменах «мировую революцию», что, рассуждая в рамках реальной политики, подчеркивало претензию Москвы на мировое господство. «Кто владеет Берлином, тот владеет и Европой!» – гласило известное высказывание Ленина!

Ввиду существовавшего соотношения сил и его опасностей постановка вопроса о вооружении была предопределена теперь также для правительства Гитлера. Либо с помощью Женевской конференции по разоружению достигалось всеобщее разоружение – либо немецкое вооружение являлось насущной необходимостью, о его объеме Гитлер намеревался договориться с Великобританией и Францией.

Здесь следует указать, что разоружение Германии должно было, как буквально явствует из текста Версальского договора, создать предпосылки для всеобщего разоружения. Так, в части пятой договора сформулировано:

«С целью сделать возможной подготовку к общему ограничению вооружения всех наций, Германия обязуется строго соблюдать установленные ниже положения – военные, морские и воздушные»⁴⁸.

Однако страны – гаранты Версальского договора обязательства по разоружению, «деловой основы» договорного пункта о вооружениях, не выполнили. В дальнейшем заявлялось среди прочего:

«(...) эти условия представляют (...) одновременно первый шаг в направлении всеобщего сдерживания и ограничения вооружений, которое указанные державы стремятся осуществить в качестве одного из лучших средств предотвращения войн и добиться которого будет относиться к первостепенным обязанностям Лиги Наций»⁴⁹.

18 мая 1926 года впервые собралась Подготовительная комиссия конференции по разоружению. Немецкий представитель, Иоганн Генрих граф фон Бернсторф, объяснил делегатам:

---

⁴⁷ Büchmann, Georg: *Geflügelte Worte*, München 2001, S. 416 приписывает авторство крылатого выражения военному корреспонденту «Таймс», полковнику Чарльзу Репингтону («Times» от 13 августа 1914 года).

⁴⁸ Цит. по: Uhle-Wettler, Franz: *Das Versailler Diktat*, Kiel 1999, S. 155. [русский перевод взят из: *Ключников Ю. В.*, проф., *Сабанин Андрей*: Версаль, Изд-во Литиздата Н. К. И. Д., Москва 1925, стр.63]

⁴⁹ Deutsche Liga für Völkerbund: *Das Ultimatum der Entente – Vollständiger Text der Mantelnote und der Antwort auf die deutschen Gegenanschläge*, Berlin 1919, S. 28.

«Союзники навязали рейху армию в 100 000 человек. Мирный договор, устав Лиги Наций и ныне также заключительные документы конференции в Локарно признают, однако, единогласно, что немецкое разоружение должно открыть дорогу к всеобщему разоружению. Достичь его можно лишь тремя путями: или вы сокращаете ваши вооружения до уровня дозволенного Германии; или вы разрешаете Германии сравняться с вами по уровню вооружений; или же вы, связав и то, и другое, сокращаете ваши собственные вооружения (...)»⁵⁰.

Министр иностранных дел в кабинете Гитлера, Нейрат, занимавший этот пост и в правительствах до Гитлера, в то время сформулировал очень удачно:

«Германия в вопросе разоружения является по-прежнему кредитором»⁵¹.

Не только политически, но и юридически нельзя отрицать право рейха на военный паритет, по существу – как ранее упоминалось, – его признание было сделано правительству Папена еще в декабре 1932 года; оно следовало, впрочем, уже из Устава Лиги Наций, обязывавшего каждого члена в статье 8 содержать лишь тот минимум вооружения, который являлся необходимым для обеспечения национальной безопасности⁵². Вопрос о способе, каким достигалось равенство, – разоружение государств, обладавших высоким военным потенциалом, довооружение разоруженных государств или же комбинация обоих способов, – требовалось решить путем переговоров. Не случайно первая официальная должность отца носила название «особый уполномоченный по вопросам разоружения».

Решение «вопроса вооружения» – какой бы смысл здесь ни вкладывался – имело жизненно важное значение для рейха с двоякой точки зрения. С одной стороны, оно должно было возратить правительству рейха свободу действий и, таким образом, способность заключать союзы, с другой – послужить образованию противовеса, в глазах Гитлера и отца – «европейского противовеса», экспансии Советского Союза. Вполне можно было бы говорить в этой связи о европейской концепции. В дальнейшем я опишу усилия, предпринимавшиеся немецкой стороной с 1933 по 1936 год, с тем чтобы достичь соглашений с Англией и Францией по данному вопросу.

Рейхсверминистр Вернер фон Бломберг поручил в марте 1933 составить докладную записку о военном положении рейха⁵³. Глава войскового управления рейхсвера генерал-лейтенант Вильгельм Адам, выполнявший поручение, должен был выяснить, какими возможностями для обороны располагает рейх в случае одновременного нападения Франции и Польши, возможно, с участием Чехословакии⁵⁴. Адам приходит в докладе к следующим результатам:

«Помешать Франции вести, как ей заблагорассудится, войну на немецкой земле не представляется возможным.

Защита линии Одера против Польши возможна до тех пор, пока не будут израсходованы боеприпасы. Имеющегося в наличии запаса хватит на 14 дней. (...)»

Даже одна лишь оборона на Одере против Польши с вступлением в войну Чехословакии ставится под сомнение. (...)».

В этой связи представляет интерес упоминание о проблемах, с которыми сталкивался немецкий рейхсканцлер Брюнинг в 1931 году. Польша угрожала выступлением против Силезии, Померании и Восточной Пруссии⁵⁵. О наличии польской угрозы в отношении указанных

---

⁵⁰ Цит. по: Benoist-Méchin, Jacques: Jahre der Zwietracht 1919#1925. Geschichte der deutschen Militärmacht 1918#1946, Oldenburg 1965, S. 354.

⁵¹ Meinck, G.: a. a. O., S. 36 и 199, Anm. 70, Schwendemann, Karl: Abrüstung und Sicherheit, Band II, S. 454.

⁵² Ср. Uhle-Wettler, Franz: a. a. O., S. 66.

⁵³ Meinck, G.: a. a. O., S. 19 и 196, Anm. 6, Krupp-Prozeß, Vert. – Dok. – Buch-Krupp 2b, S. 25 ff., Krupp 105.

⁵⁴ Цит. по: Meinck, G.: a. a. O., S. 19, 196, Anm. 7, Krupp-Prozeß, Vert. – Dok. – Buch-Krupp 2b, S. 10 f., в: Krupp 104.

⁵⁵ Meinck, G.: a. a. O., S. 15 и 195, Anm. 88; Рейхсканцлер Брюнинг подтверждает польские планы вторжения; ср. Brüning, Heinrich: Ein Brief, in: Deutsche Rundschau 70/ Juli 1947 года, S. 1–22.

провинций говорил перед рейхстагом еще в 1928 году тогдашний рейхсверминистр Вильгельм Грёнер. Уже в 1923 году, во время франко-бельгийской оккупации Рура – спустя пять лет после окончания войны – французский маршал Фош посетил Варшаву, договорившись с Пилсудским о так называемом «плане Фоша», предусматривавшем одновременную операцию польских вооруженных сил против Восточной Пруссии, Померании и Верхней Силезии⁵⁶.

В 1933 году, после прихода Гитлера к власти, Пилсудский зондировал в Париже по вопросу о возможности военной акции против рейха⁵⁷. Она не состоялась, вероятно, по причине отсутствия готовности Великобритании принять в ней участие. Лорд Ванситтарт, германофобский «ястреб» в английском Министерстве иностранных дел, признает в своих мемуарах: Пилсудский в веймарские времена даже «дважды в году» обращался к Франции с просьбой о подстраховке нападения на Германию⁵⁸. Ванситтарт, о котором еще придется говорить, несомненно, подхватил бы эту инициативу. Факт начатого Пилсудским зондирования в указанном смысле отчетливо показывает угрозу рейху уже при внутривнутриполитических процессах, демонстрировавших возможность определенной консолидации отношений в Германии. Напомним в этой связи также и о выступлении французского правительства против таможенного договора с Австрией.

Если поначалу с немецкой стороны имелись какие-то надежды на членство в Лиге Наций и, отсюда, военное планирование ориентировалось на «сдерживающее сопротивление», выигрыш времени до тех пор, пока не заработает механизм Лиги Наций, то вскоре стало ясно, эти надежды иллюзорны. Когда японцы в 1931 году вошли в Маньчжурию, активность Лиги Наций ограничилась созданием комиссии (комиссия Литтона) для расследования конфликта.

Можно представить себе озабоченность тогдашнего рейхсканцлера Брюнинга. Что могла бы предпринять Лига Наций против возможной агрессии Франции, Польши и Чехословакии? Кто должен был бы осуществлять санкции против агрессоров, если бы они вообще были приняты? Маловероятно, чтобы Великобритания или даже Италия в таком случае сразу решились бы на экономические, тем более военные, санкции против «Малой Антанты». Судьба Абиссинии – еще один пример той «защиты», которую могла предложить странам, подвергшимся агрессии, пропагандируемая Лигой Наций так называемая «коллективная безопасность». Соединенные Штаты, упорствуя в декларативной изоляции, и без того не были в то время членом Лиги Наций.

В этом описании немецкой ситуации совсем не отражена опять-таки потенциально возможная агрессия Советского Союза. Военно-политический «horror vacui» (страх перед пустотой) выливался для отца в бессонные ночи, я знал об этом как по разговорам с ним, так и из бесед в моем присутствии между родителями и бабушкой Риббентропом. Уже упомянутое, неоднократно прозвучавшее при мне «Мы должны оптировать!», являлось выражением неприкрытой нужды. Кто не может или не хочет понять, что политика Гитлера должна была вначале вестись с позиции крайней слабости, для того останутся скрытыми истинные мотивы его внешнеполитических акций.

---

⁵⁶ Ср. Meinck, G.: а. а.О., S.13 или 194, Anm. 78; Polnisches Generalstabswerk, S.112 ff.

⁵⁷ ADAP, Serie C, Band I, 1, Dok. Nr. 83, 120, 180; Meinck, G.: а. а.О., S.18 f. и S. 196, Anm. 5, Roos, Hans: Die «Präventivkriegspläne» Pilsudkis von 1933, в: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 3/1955, S. 344 ff.; Rönnefarth, Helmuth/Euler, Heinrich (п/ред.): Vertrags-Ploetz. Konferenzen und Verträge (Teil II, Band 4: Neueste Zeit 1914–1959), Würzburg 1959, S. 125. ср. также: Scheil, Stefan: Logik der Mächte, Berlin 1999, S. 100–104.

⁵⁸ Ср. Vansittart, Robert: а. а.О., S. 412.

Дилемма

Однако вернемся к оценке военно-политической ситуации рейха в момент прихода Гитлера к власти. Генерал-лейтенант Адам излагает буквально следующее в своем меморандуме:

«В настоящее время вести войну мы не в состоянии. Мы должны сделать все, чтобы избежать ее, даже ценой дипломатических поражений. (...)

В упорной, терпеливой и тщательной работе мы должны укрепить нашу военную мощь, подготовив народ к тяжелому времени.

Но даже если нами будет сделано все возможное, чтобы избежать войны и лишить врага малейшего повода для ее развязывания, – мы не сможем предотвратить войну, если другие захотят начать ее превентивно. Бессмысленно создавать для этого случая планы операций и развертывания»⁵⁹.

В этой «отчаянной ситуации» – да будет мне позволено повториться – все говорило в пользу намерения Гитлера восстановить обороноспособность рейха путем политико-дипломатических соглашений с обеими западными державами.

Проследим за усилиями правительств Германского рейха добиться равноправия в вопросе о вооружениях, предпринятыми начиная с 1932 года, – года созыва так называемой Конференции по разоружению. Она открылась наконец в Женеве 2 февраля 1932 года, – спустя двенадцать лет после Версаля (!). Германия потребовала «за своим обезоруживанием всеобщего разоружения». Французское правительство заблокировало конференцию условиями по безопасности прежде, чем разоружение стало бы возможным. Расстались безрезультатно⁶⁰.

В августе 1932 года правительство рейха при канцлере фон Папене вновь потребовало в ноте полного военного равноправия. Нота была в резкой форме отклонена правительством Франции. Правительство Папена выступило в конце концов с «заявлением о дистанцировании». Оно означало отказ от участия в работе Женевской конференции по разоружению до тех пор, пока в прямых переговорах не будет достигнут прогресс.

Премьер-министр Великобритании Рамсей Макдональд в итоге добился, как уже упоминалось, принятия в декабре 1932 года «Соглашения пяти держав» между Германией, Францией, Италией, Великобританией и США, признававшего за рейхом военное равноправие⁶¹. Тем не менее, его практическая реализация осталась прерогативой Конференции по разоружению и, таким образом, все возвращалось на круги своя, кроме всего прочего, потому, что там переговоры блокировались французским правительством. Немецкая позиция на переговорах – с юридической точки зрения – улучшилась, равенства де-факто, однако, по-прежнему достичь не удалось.

16 марта 1933 года Макдональд представил свой план, получивший известность как «план Макдональда». В сравнении с фактическим состоянием этот план означал некоторое улучшение. Ни о каком равноправии рейха, однако, не могло идти и речи, даже, как следует из приведенных ниже важнейших аспектов плана, об обеспечении достаточной обороноспособности.

В соответствии с планом Германия могла иметь 200 000 солдат, Франция – 400 000, Польша – 200 000, Чехословакия – 100 000, Советская Россия – 500 000, Бельгия – 75 000,

---

⁵⁹ Ср. также: Meinck, G.: a. a.O., S.19.

⁶⁰ Vertrags-Ploetz: Teil II, Band 4, S.119; «Der große Ploetz», 1991, S. 863.

⁶¹ Vertrags-Ploetz: Teil II, Band 4, S.119.

Италия – 250 000. Великобритания в плане не упоминалась, и, таким образом, сохраняла свободу рук вооружаться по собственному усмотрению.

Военно-воздушные силы разоруженным государствам вовсе не полагались, в то время как Франция могла иметь 500 самолетов, Польша – 200, Чехословакия – 200, Советская Россия – 500, Бельгия – 150, Италия – 500, США – 500. Также и в отношении военно-воздушных сил для Великобритании никаких ограничений не предусматривалось.

Что касается артиллерии, то планом вводились следующие правила: Германии разрешалось обзаводиться лишь орудиями калибра 115 мм, в то время как государствам, уже имевшим на вооружении орудия больших калибров, было разрешено их оставить. Следствием являлось значительное отставание Германии в области артиллерийского вооружения.

Продолжительность службы ограничивалась восемью месяцами, профессиональные армии в установленный период времени подлежали роспуску. Также и это положение было направлено в первую очередь против Германии. Она должна была бы преобразовать высококвалифицированный рейхсвер в армию краткосрочников, не имея, как все ее соседи, резервистов 15 лет и более призывных возрастов. Уже эти немногие цифры убедительно показывают, что страны-победительницы не были готовы признать достаточную обороноспособность Германии, не говоря уже о полном военном равноправии. Тем не менее, германская сторона соглашалась принять «план Макдональда» в качестве основы для переговоров. Гитлер произнес 17 мая в рейхстаге примирительную речь, «вознаграждением» от британцев явилась воинствующая, выдержанная в ультимативном тоне речь министра обороны лорда Дугласа Хейлшема, произнесенная 11 июня.

В сентябре 1933 года Великобритания и Франция существенно «ухудшили» свой собственный план – тот самый «план Макдональда». В теперешнем предложении были предусмотрены два этапа. В течение первых четырех лет должен был лишь совершиться переход от постоянных армий к милиционным; только на втором этапе избыточно вооруженные государства должны были приступить к разоружению в соответствии с британским планом. Для немецкой стороны план больше не являлся приемлемым в качестве основы для переговоров. Он ставил достижение равноправия и, вместе с тем, также восстановление обороноспособности рейха в зависимость от решений конференции, которая должна была собраться только через четыре года, и отодвигал окончательное решение вопроса сразу на восемь лет. Предложение было, впрочем, снова односторонне направлено против рейхсвера, высококвалифицированной немецкой профессиональной армии: в нем не учитывалось отсутствие каких-либо призывных возрастов, которыми государства с избытком вооружения располагали вот уже в течение 15 лет. Вновь сделать из них наскоро обученных милиционеров было невозможно.

Некоторые внутривнутриполитические компоненты также, возможно, сыграли определенную роль. Здесь стоит упомянуть, что отец с самого начала сотрудничества с Гитлером старался повлиять в положительном смысле на негативную установку последнего по отношению к Франции. Отец упоминал тогдашнего военного министра Бломберга, у которого его «профранцузская политика» всегда находила горячую поддержку. В свое время его огорчила отставка Бломберга. Отношения между внешнеполитическим руководством и руководством вооруженных сил часто складываются непросто. Французский политик Жорж Клемансо произнес однажды: «Война – слишком серьезная вещь, чтобы доверить ее военным!» Блюхер говорил о писаках! Отец, впрочем, пишет в этой связи из Нюрнберга: «Я должен здесь упомянуть, что тогдашний шеф штаба СА, Эрнст Рем, ... существенно способствовал тому, что Адольф Гитлер постепенно пересмотрел свое отрицательное отношение к Франции»⁶².

---

⁶² В лагере для интернированных Бад Айблинг на нарах подо мной лежал верховный прокурор Хаттинген, принадле-

Старания Рема преобразовать рейхсвер в милиционную армию, тесно связанную с СА, широко известны. Я хорошо помню, как отец после событий 30 июня 1934 года высказался, что «Рем должен был состоять в связи с некой иностранной державой». Контакты Рема с французскими кругами казались неоспоримыми, поскольку и французы, и Рем при преобразовании рейхсвера в милицию преследовали идентичную цель. Во всяком случае, Рем встречался с Франсуа-Понсе, французским послом в Берлине, что бы там ни обсуждалось при этих встречах.

Тогдашний министр финансов рейха Шверин фон Кросигк сообщает: «Барту (французский министр иностранных дел) получил весной 1934 года сообщение о предстоящем в Германии системном перевороте. Источник, как и содержание, в деталях неизвестны»⁶³. Черчилль не допускал в своих мемуарах сомнения, что СА представляли сильную потенциальную, вероятно, также актуальную, угрозу для господства Гитлера. Он сообщает: Шлейхер «по неосторожности намекнул Франсуа-Понсе о предстоящем падении Гитлера. Он собирався вновь действовать таким образом, как в свое время в истории с Брюнингом (...)»⁶⁴. Ходившие слухи были известны Шлейхеру. Считанные дни перед смертью он все еще оспаривал, что обсуждал с Франсуа-Понсе что-либо, кроме личных проблем⁶⁵.

Лишение Рема власти могло, с точки зрения Гитлера, являться необходимым для консолидации внутривластных отношений в рейхе, возможно, также и в упомянутом выше смысле. Однако манера, в которой Гитлер провел и, в конечном итоге, завершил свое столкновение с Ремом, с ее лишенной правового обоснования и, кстати, неоправданной жестокостью, без сомнения, оказала длительное роковое воздействие. Она рвала с правовыми традициями. Проявившийся беспрецедентный произвол неограниченного властителя, по собственному усмотрению применявшего расстрелы, частью среди своих старых соратников, не давая возможности приговоренным лицам оправдаться, явно не подходил для установления широкого внутривластного консенсуса, требовавшегося с учетом угрожающего положения страны. Проявившаяся непредсказуемость могла обернуться большим препятствием в сфере международной политики в смысле усилий отца внушить иностранным партнерам доверие к немецкой внешнеполитической концепции.

Не надеялись ли правительства Великобритании и Франции на смену режима в Германии? Если подобные расчеты присутствовали, то не могло ли «дипломатическое поражение рейха» (генерал Адам) – как, например, сильный нажим Главного комитета Конференции по разоружению – содействовать этому перевороту или даже вызвать его? В этом случае приходится оперировать предположениями, однако полностью отвергать их не стоит. Гитлер был, во всяком случае, полон решимости не отступить под давлением большинства в Женеве и тем самым быть обвиненным в неудаче «плана Макдональда» и Конференции по разоружению. Германия покинула Лигу Наций и Конференцию по разоружению 14 октября 1933 года.

Гитлер дал интервью всемирно известным журналистам – англичанину Джорджу Уорду Прайсу, газетная империя Роттермера («Дейли Мэйл»), и французу Фернану де Бри-

---

жавший в Париже к кругу Эрнста Юнгера, – в письме ко мне тот назвал его «своим дорогим другом». Он сообщил о написанном тогда Юнгером сочинении под заглавием «Мир». Когда я обратился несколько лет назад к Юнгеру с просьбой предоставить в мое распоряжение текст, что он любезно исполнил, Юнгер написал мне среди прочего: «Тогда Ваш отец пригласил несколько авторов, в том числе меня и Зибурга в Фушль, ему представлялся своего рода «brain-trust» («мозговой трест»). Каждый из них мог напрямую позвонить в Министерство иностранных дел и был волен выбрать себе пост корреспондента за границей – я этим не воспользовался». Отец хотел активировать и использовать близость Юнгера к французскому культурному кругу в смысле достижения немецко-французского взаимопонимания. К сожалению, напрасно. Интересный пример отказнической позиции части интеллигентов.

⁶³ Schwerin von Krosigk, Lutz Graf: Es geschah in Deutschland, Stuttgart 1951, S. 121/122.

⁶⁴ Churchill, W.: a. a. O., S. 127.

⁶⁵ Ср. Plehwe, Friedrich-Karl von: Reichskanzler Kurt von Schleicher, Esslingen 1983, S. 300.

нону, парижская «Матэн»⁶⁶, выразив свое огромное желание договориться с обеими странами о германском равноправии. Эти интервью были тогда восприняты в мире с большим вниманием. Они осуществились по инициативе отца и немало способствовали тому, чтобы шум, поднявшийся по поводу немецкого шага – оставления Лиги Наций и Конференции по разоружению, – несколько поулегся.

Оба журналиста начиная с 1933 года неоднократно посещали нас в Далеме, де Бринон еще чаще, чем Прайс. Последний – живой, общительный человек, несмотря на строгий темно-синий костюм в полоску, который он носил большей частью, скорее непохожий на англичанина. Де Бринона отличала большая сердечность, также по отношению к нам, детям: он расхваливал наши знания французского языка, что, ввиду постоянной критики отца – тот, как известно, свободно владел французским, очень шло нам на пользу. Меня де Бринон упомянул в одной из своих книг в качестве «мальчика из Юнгфолька», поместив мою фотографию⁶⁷.

Оба журналиста выступали за большее согласие между своими странами и Германией. Соответственно открытой, даже задушевной была атмосфера их посещений у нас. Интервью, данное Гитлером де Бринону, достойно внимания, в особенности потому, что Гитлер недвусмысленно выразил в нем свою незаинтересованность в Эльзасе и Лотарингии. «Профранцузская политика» отца нуждается в разъяснении. Я обращаюсь поэтому к его деятельности, которой он занимался сначала неофициально, а с 1934 года – официально в качестве «особого уполномоченного по вопросам разоружения».

В уже упомянутой первой внешнеполитической беседе, которую Гитлер, став рейхсканцлером, вел с отцом в феврале 1933 года у нас в Далеме⁶⁸, отец высказал убеждение, что «немецко-британское соглашение имеет предпосылкой компромисс между Германией и Францией (...)». Тогда, как пишет отец, Гитлер с этим не согласился.

В своей аргументации отец исходил из действительности британского принципа «Balance of Power» (баланса сил), так часто упоминаемого европейского равновесия, для актуальной английской политики. Великобритания не расстанется с союзной Францией, чтобы в одиночку противостоять Германии или даже мириться с немецкими выпадами в отношении Франции. Великобритания считает рейх сильнейшей – вернее было бы, собственно, говорить о «потенциально» сильнейшей – континентальной державой, хотя к тому времени об этом не могло идти и речи. В феврале в Далеме Гитлер завершил беседу просьбой к отцу использовать деловую поездку в Париж и Лондон, чтобы прощупать настроение и мнения в политических кругах обеих столиц. Отец рассказывает:

«После длительного пребывания в Париже и Лондоне я сообщил ему (Гитлеру) снова, что, по моему мнению, лишь успокоительный жест по отношению к Франции может вызвать разрядку международного положения в благоприятном для нас смысле. Всюду в Париже спрашивали меня, что думает Адольф Гитлер о Франции. Изложенные в его книге «Майн кампф», мысли о кровной немецко-французской вражде цитировались постоянно и завершали каждый разговор о политике»⁶⁹.

Когда Гитлер в крепости Ландсберг в 1924–1925 годах писал свою книгу, французы и бельгийцы заняли Рурскую область, установив довольно-таки жесткий режим⁷⁰. Книга, естественно, должна была подготовить его «Comeback» («возвращение») в политику –

---

⁶⁶ Ср. интервью Гитлера в «Le Matin» от 22 ноября 1933 года и в «Daily Mail» (Лондон) от 5 августа 1934 года.

⁶⁷ Через германский Юнгфольк мальчишки от десяти до четырнадцати лет были организованы в союзе Гитлерюгенд.

⁶⁸ Ribbentrop, J. v.: a. a.O., S. 51.

⁶⁹ Ribbentrop, J. v.: a. a.O., S. 51.

⁷⁰ Ср. книгу журналиста «Таймс»: Gedye, George E. R.: The Revolver Republic, London 1930.

отсюда он мог в то время артикулировать себя только антифранцузски. В своей книге он «заглянул», как говорят сегодня, «далеко вперед», резко отвергнув политику, нацеленную на возвращение потерянных в Версале немецких земель⁷¹. Стоит об этом вспомнить, когда речь пойдет о предложении Польше осенью 1938 года, включавшем, что характерно, гарантию ее границ, в том числе, следовательно, и «коридора» по территории рейха.

Глава делегации французских фронтовиков, направленных отцом к Гитлеру в рамках «акций по установлению доверия», Скарпини, потерявший зрение на войне, заговорив с Гитлером об антифранцузских главах в «Майн кампф», спросил «фюрера», собирается ли тот написать теперь новую книгу. «Я опровергну книгу моей политикой!», – ответил находчиво Гитлер, акцентируя слова. Отец, в моем присутствии, с большим удовлетворением рассказал об этом матери. Поворот Гитлера к «профранцузской» политике ему вполне можно было записать в счет своих заслуг, ведь он с самого начала придерживался мнения, что «дорога в Лондон ведет через Париж», а именно в том смысле, что разделить Францию и Великобританию было бы невозможно! Гитлер тем временем понял: ему, несмотря на то, что гегемом он считал Лондон, не удастся обойтись без Франции хотя бы только из-за добровольно выбранной зависимости французской политики от Лондона. Таким образом, на западной границе рейха не имелось территориальных проблем, плебисцит в Саарской области был предусмотрен Версальским договором. В крайнем случае, он мог бы привести лишь к временным неурядицам.

26 января 1934 года Гитлер заключил с Польшей пакт о ненападении. Престарелый маршал Пилсудский не смог в истекшем году договориться о поддержке западными державами планировавшейся агрессии против Германии и являлся «человеком или – или», как его характеризует печалющийся об упущенном случае Роберт Ванситтарт в своих воспоминаниях⁷². Он отдавал себе отчет в положении своей страны, в известном смысле сравнимом с положением Германского рейха. Польша, вклинившаяся между двумя могущественными соседями, находилась скорее под еще большей угрозой. Основой польской политики являлся союз с Францией, обращавшей внимание в первую очередь на западного соседа Польши, Германский рейх. Союз с Францией в соединении с «Малой Антантой» был призван нейтрализовать при случае рейх. Вторым краеугольным камнем польской политики было – в 1934 году далеко небезосновательное – допущение, что противоположность между национал-социалистической Германией и большевистской Россией останется непреодолимой. Отсюда в глазах польского правительства возникало состояние равновесия в Восточной Европе, сулившее полякам безопасность, приумноженную в 1932 году заключением польско-советского пакта о ненападении. Пакт о ненападении с рейхом мог только укрепить эту безопасность, к тому же он ничего не стоил, так как Пилсудский имел за плечами многолетний опыт тщетности усилий добиться политической поддержки агрессии против Германии. Гитлер, со своей стороны, мог надеяться облегчить этим соглашением французскому правительству решение пойти на разумные уступки в вопросе о равноправии. Здесь стоит упомянуть, что консервативные круги, близкие к Бюлову, государственному секретарю в Министерстве иностранных дел, выступали против соглашения с Польшей⁷³. Придется еще вспомнить об этом при оценке более поздних действий «консервативной» конспирации против пропольской политики немецкого правительства в 1938–1939 годы.

Мы, дети, проводили летние каникулы в Бюзуме. Мать посетила нас. Ее пребывание должно было стать особенно интересным для меня. Она получила сообщение: отец, воз-

⁷¹ Hitler, Adolf: Mein Kampf, Ausgabe München 1943, S. 736: «Требование восстановления границ 1914 года является политическим вздором в размерах и с последствиями, которые выдают его как преступление».

⁷² Vansittart, Robert: a. a. O., S. 412.

⁷³ Gesandter a. D. Dr. Paul Karl Schmidt (Presse): Ribbentrops Reise nach Warschau Ende Januar 1939, Hamburg 1963, S. 6; Ausarbeitung für das Auswärtige Amt (Bonn) – манускрипт, находящийся у автора.

вращаясь самолетом из Лондона, приземлится в Гамбурге. Желая провести несколько дней с нами в Бюзуме, он просил, чтобы его забрали оттуда. Мать взяла меня с собой в машине в Гамбург, чтобы встретить отца в отеле «Атлантик». В пути она дала мне понять: отцовская поездка во Францию и Англию была вызвана, главным образом, политическими причинами. Он должен был неофициально прозондировать, какие возможности имеются для достижения компромисса в вопросе равноправия между Германией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой.

Речь шла о возвращении из поездки, о которой отец с Гитлером говорили в Далеме в феврале 1933 года. Тогда, во всяком случае, в пути из Гамбурга в Бюзум, занимавшем в то время несколько часов, он с оптимизмом отзывался о проведенных в обеих странах беседах в том, что касалось шансов добиться равноправия путем переговоров с Великобританией – и, вместе с тем, вероятно, также и с Францией. Так для меня начала постепенно раскрываться проблематика, лежащая в основе немецкого стремления к равноправию. Политической целью являлось настоящее примирение на равноправной основе. Это значило для меня, двенадцатилетнего мальчишки, определенную ломку взглядов, так как в моих книгах о Первой мировой войне и «Версальском договоре» «врагами» всегда выступали, естественно, Франция и Англия.

С другой стороны, однако, воля к взаимопониманию в отношении к Англии и Франции не была для нас, детей, чем-то совершенно новым в нашей жизни. Три года у нас была французская гувернантка. Чувствуя себя связанной, благодаря судетской матери-немке, с обеими культурами, она, будучи, в принципе, пацифисткой, выступала за взаимопонимание между народами. В родительском доме вращались в 1920-е годы много иностранцев и дипломатов. Родители имели очевидную склонность как к Франции, так и к Англии. Отец говорил на обоих языках без ошибок и, по крайней мере по-английски, без акцента. До Первой мировой войны он жил время от времени в Швейцарии, учился в Гренобле и, в связи с коммерческой деятельностью, провел много лет в Англии и Канаде с промежуточной остановкой в США. Как французский, так и английский стили жизни нравились обоим родителям. Мать долгие годы имела в Висбадене милую английскую гувернантку, сохранившую до самой смерти в 1950-е годы верность нашей семье и в счастье и в беде. Деловые связи отца в обеих странах, которые он завел после мировой войны, были связями в кругах, определявших там также и политику. Всегда интересовавшийся политикой, он стал глубоким знатоком политической сцены в Париже и Лондоне. Опыт, приобретенный за десять и более лет тесных коммерческих связей, прямо-таки идеально подходил для поручения провести зондаж.

Привожу здесь небольшое личное воспоминание для характеристики извечного присутствия политики в нашем доме в Далеме. Должно быть, в 1930 году родители получили в подарок от одного из французских друзей-единомышленников настольную игру с фишками, которая должна была сделать наглядным уже для детей экономический абсурд европейских таможенных барьеров. Она начиналась с очень большим количеством игровых денег; выигрывал тот, кто наилучшим образом преодолевал таможенные барьеры и у кого, таким образом, в конце оставалось больше денег, чем у остальных. Уплачиваемые таможенные сборы исчезали в большом горшке. Мы часто играли в нее с «мадемуазель», как мы называли нашу французскую гувернантку. Лишь примерно 70 лет спустя «игра» обернулась реальностью!

Оглядываясь на прошлое, скажу, что политическая атмосфера в родительском доме характеризовалась пониманием необходимости прийти к соглашению с обеими западно-европейскими державами. Это приказывал разум, чувство желало этого! «Равноправие» выступало предпосылкой как раз для того, чтобы согласие могло стать прочным.

Неофициальная деятельность отца соответствовала неофициальному статусу его гостей. Два англичанина стоят так отчетливо перед моим умственным взором, как если бы

я расстался с ними вчера. Они часто бывали у нас в гостях, мистер Теннант и профессор Конвелл-Эванс.

На Эрнеста Теннанта мы смотрели с тайным восхищением – высокий грузный шотландец рассказал отцу: он был одним из, пожалуй, считанных людей, которые тяжелоранеными побывали в лапах льва и могли быть спасены. Собаки отвлекли хищника, так что его смогли подобрать. Однако с этим он еще нисколько не ускользнул бы от смерти. Опасность в ранах, нанесенных львиными когтями – они разорвали ему грудь, – заключается в трупном яде, образующемся в остающихся на когтях гниющих остатках мяса последней добычи. От этой смертельной опасности его спасли кристаллы или соль, которую местный знахарь втер в раны. Отец слегка посмеивался над шотландской бережливостью Теннанта, подтверждавшей, казалось, клише скопидомного шотландца: в сомнительных случаях платить, с его позволения, приходилось отцу.

Теннант путешествовал по свету и собирал бабочек. Он был богат и независим. Как многие англичане с международными связями он предоставил себя в распоряжение *Интеллидженс Сервис* – в этом случае в качестве контакта к отцу. Родители разъяснили мне, что немало англичан за границей сотрудничают с секретной службой, поскольку это воспринимается как естественный долг по отношению к своей стране – установка, редко встречающаяся в Германии. Мои родители сожалели об этом, признавая, однако, что немецкие профессиональные дипломаты не слишком побуждают земляков с международными связями предоставлять в распоряжение «службе» свои знания, наблюдения и связи. Отец полагал, как раз торговые агенты, журналисты, ученые и т. д. зачастую располагают лучшим знанием страны пребывания и ее отношений, чем карьерные дипломаты, задерживающиеся, кроме всего прочего, «на должности» в стране, где они были аккредитованы, всегда лишь относительно короткое время. Впрочем, представители экономики жаловались уже тогда на недостаточную поддержку их экспортных усилий дипломатическими филиалами рейха за границей.

Другой англичанин, Томас П. Конвелл-Эванс, называл себя «профессором», так как был приглашен на гостевую профессию в Кенигсбергском университете в Восточной Пруссии. Внешне – довольный, подвижный и любезный человек, свободно говоривший по-немецки. Его научной специальностью была, насколько помню, английская литература. Эта «крыша», как называют «деятельность под прикрытием» в разведывательных службах, позволяла ему вступать в самые различные контакты повсюду на свете и активировать их в интересе его страны. По оценке отца, Конвелл-Эванс занимал сравнительно высокий ранг в *Интеллидженс Сервис*⁷⁴. Мы, дети, легче находили контакт с ним, чем со сдержанным шотландцем. В Лондоне он часто появлялся в посольстве.

Лучше всего мы ладили с де Бриноном, так как он не обходил нас вниманием и занимался с нами. После 1940 года он стал послом правительства Виши в Германии. Для Франции это был хороший выбор, так как продолжительный тесный контакт с отцом обеспечивал де Бринону наилучшие возможности эффективно представлять интересы своей страны перед германским правительством. Вслед за «Libération» его ожидала на родине расстрельная команда. Отец пишет о нем:

«Характерным было замечание, сделанное мне послом де Бриноном в день встречи в Монтуар: “Мы не проиграли войны. Мы всего лишь не хотели драться!”».

---

⁷⁴ См. также: Colvin, Ian: *Admiral Canaris – Chef des Geheimdienstes*, Wien 1955 (первое английское издание: *Chief of Intelligence*, London 1951, также New York 1952, под заглавием «Master spy»).

С назначением отца «особым уполномоченным по вопросам разоружения» гостей у нас прибавилось. Прославленного автора передовиц изданий Ротермера, Уорда Прайса, я уже упоминал. Теперь появился Ротермер собственной персоной. Он вел себя, как невозмутимый и достойный представитель империи. Лорд Ротермер и лорд Лотиан, обоих я хорошо помню, являлись, среди прочих, партнерами отца по переговорам в ходе широко задуманной попытки поставить германо-английские отношения на более доверительную основу. Пресса Ротермера проявляла в этом смысле активность. Совсем другим типом был лорд Ллойд, производивший, как мне помнится, жесткое впечатление. В то время он еще не выглядел агрессивным противником Германии, каким показал себя позже. Любопытно было бы узнать, что должен был думать лорд Лотиан, когда ему, как британскому послу в Вашингтоне во время войны, пришлось, с подачи Черчилля, заняться распродажей Британской империи. Каковы были ощущения британского «ястреба» лорда Ллойда, пропагандировавшего войну против Германии, когда он во время войны протестовал перед Черчиллем против бесцеремонности, с которой правительство Рузвельта принуждало британцев расставаться с капиталовложениями за границей, чтобы оплачивать американские поставки?⁷⁵

Многие иностранные посетители в Далеме искали контакт с отцом, новым актером на дипломатической сцене, о котором быстро разошлись слухи, что он, в известном смысле, являлся доверенным человеком Гитлера! Желали выяснить, что он может предложить и как нужно оценивать политику Гитлера. Отец понимал свою роль, без устали предлагая соглашение. Беседы в Далеме подтверждали немецкое желание договориться с Великобританией и Францией в самом широком смысле.

Однако самым впечатляющим из гостей того времени в Далеме являлся для нас, детей, Жорж Скарпини, потерявший на войне зрение председатель французского объединения ветеранов. Достоинство, с которым этот человек сносил удар судьбы, впечатляло, как и его неподдельное стремление предотвратить повтор тех событий, которые лишили его зрения. Он был очень мил с нами, детьми. Забавна также история о том, как моя сестра Бетина пыталась объяснить ему звук токования глухаря. Ее французский язык не был достаточен для этого, так что в конце концов она сказала Скарпини: «C'est un oiseau qui crie toujours je t'aime, je t'aime». Скарпини веселился от души, он, конечно же, сразу понял, какую птицу имела в виду тринадцатилетняя девчонка. По окончании западной кампании Скарпини, согласно указанию отца, был предоставлен дипломатический статус и организация в Германии для осуществления центрального руководства уходом за французскими военнопленными. Отец продолжал также и после победы над Францией политику согласия, ему пришлось, однако, при ее осуществлении столкнуться с большими трудностями; их добавляла грызня по поводу сфер влияния в Третьем рейхе, естественно, в высшей степени негативно сказывавшаяся на оккупированной территории Франции.

Позиция отца в качестве «особого уполномоченного по вопросам разоружения» являлась типичной для Третьего рейха или, вернее, для Гитлера конструкцией. Как уже упоминалось, отец не подчинялся Министерству иностранных дел. Он располагал вследствие этого, с одной стороны, большей свободой действий, с другой стороны, однако, в его распоряжении не имелось возможностей министерства. Он был вынужден создать собственную организацию, так называемый «аппарат Риббентропа». Согласно указанию главы правительства, отец затребовал от имперского министерства финансов бюджет для нее. Кратко упомяну в этой связи фантастические рассказы Райнхарда Шпици⁷⁶ о финансировании «аппарата Риббен-

⁷⁵ Ср. Charmley, John: Churchill. Das Ende einer Legende, Berlin 1995, S. 472.

⁷⁶ Райнхард Шпици был до 1938 года секретарем моего отца. Он собирался жениться на молодой даме из английского света, поэтому, по тогдашним правилам, ему пришлось покинуть дипломатическую службу. В то время предполагали, что связь со стороны дамы возникла по соображениям разведывательного характера, так как она окончила ее, как только Шпици уволился со службы.

тропа» – они так же недостоверны, как и его изложение политических событий в то короткое время, что он работал у отца.

Я уже упоминал, отец со своей небольшой организацией развил интенсивную деятельность по проведению, пользуясь современным языком, «мероприятий по укреплению доверия». Совместно с английскими и французскими друзьями были основаны, соответственно, «германо-английское» и «германо-французское» общества, в них входили влиятельные в этих странах персоны. Сэр Роберт Ванситарт также являлся членом германо-английского общества. Задним числом приходится сомневаться в том, имелись ли у сэра Роберта, когда он к нему присоединился, искренние намерения в духе целевой установки общества; однако в качестве постоянного помощника госсекретаря в Форин офис он не мог быть обойден. «Аппарат Риббентропа» организовывал, что вовсе не радовало французского посла Франсуа-Понсе, встречи ветеранов войны из трех стран.

Работа «аппарата Риббентропа», однако, не ограничивалась способствованием достижению «благоприятной атмосферы»; речь шла о получении конкретных результатов. Проблема вооружения, в формулировке «немецкое равноправие», должна была, принимая во внимание угрожающее положение рейха, быть каким-то образом решена, будь то всеобщее разоружение или признание восстановления обороноспособности рейха. Контакты отца в Париже должны были способствовать организации встречи Гитлера с французским премьер-министром Эдуардом Даладье. Отец пишет об этом:

«Чтобы использовать благоприятную с обеих сторон атмосферу (после знаменитого интервью Гитлера де Бринону с недвусмысленным отказом от Эльзаса и Лотарингии), я спросил вскоре после него Адольфа Гитлера, готов ли он встретиться с французским премьер-министром Даладье. От друзей в Париже я слышал, что господин Даладье был бы не против такой встречи. Фюрер дал согласие на конфиденциальное неформальное свидание. Местом для него был выбран охотничий домик в Оденвальде. Я поехал в Париж в твердой надежде осуществить его и сделать тем самым следующий шаг в направлении улучшения взаимопонимания и сближения между обеими странами – цель, ради которой я уже с 1919 года трудился в рамках своих возможностей.

В Париже я встретил господина Даладье на квартире одного друга к завтраку (обеду) ... Председатель совета министров заявил мне прямо с порога: «Я не могу прибыть, я нахожусь в системе, не позволяющей мне передвигаться так же свободно, как это может господин Гитлер»⁷⁷.

Этот отказ явился для Гитлера и отца больше, чем просто разочарованием, это был еще один симптом недостающей готовности решить проблемы путем переговоров, доказательство французской замкнутости в отношении немецкого желания к достижению взаимопонимания.

Немецкое правительство, не падая духом, пыталось и дальше достичь успехов в непосредственных переговорах. Проблема обороноспособности рейха должна была быть рано или поздно разрешена. Совещание отца со Стэнли Болдуином, в то время являвшимся Lord President of the Council (приблизительно: Председателем Тайного совета), министром иностранных дел Джоном Саймоном и премьером Рамсеем Макдональдом имело следствием речь Болдуина в Палате общин, в которой он предложил компромисс где-то посередине между вооруженными и разоруженными государствами. Отец пишет, тогда это было больше, чем он ожидал бы, разумеется, в Париже этой речью были меньше довольны⁷⁸.

---

⁷⁷ Ribbentrop, J. v.: a. a.O., S. 52f.

⁷⁸ Ibid, S. 56f.

В то время именно Париж блокировал любой прогресс в жизненно важном для Германии вопросе вооружения. Эту политику проводил французский министр иностранных дел Луи Барту. В 1913 году он ввел трехлетнюю воинскую повинность во Франции, в 1921-м – подготовил франко-польский военный союз и, наконец, в 1923 году в качестве министра юстиции в кабинете Пуанкаре голосовал за оккупацию Рура⁷⁹. В переговорах с отцом Барту оставался на позиции, представленной до сих пор его правительством, и, в дипломатичной манере, уклонялся от обсуждения вопросов вооружения, явно строя расчеты на французских связях в Восточной Европе. Об этом у отца:

«Некоторое время спустя я вновь повстречался с Барту в прекрасном замке Шато д'Орсей старика Бюно-Варильи, владельца «Матэн», за ужином с дамами – в этот раз и моя жена пришла со мной. Барту искрился остроумием и хорошим настроением, вечер удался очаровательным и крайне интересным. Когда я уже опасался, что Барту вновь захочет избежать политических переговоров, ради которых я и прибыл, он предложил мне пройти в сад. Здесь у нас состоялась продолжительная, в этот раз очень серьезная, беседа. Французский министр иностранных дел готовился к поездке в Восточную Европу, он желал ковать новое союзное кольцо вокруг Германии. Напрасно я заклинал его, вместо того, чтобы направляться в Варшаву, Прагу, Бухарест и Белград, побывать все же сначала в Берлине... Французского министра иностранных дел было невозможно переубедить. Его неизменным ответом являлось: прежде чем он сможет начать переговоры с нами по вопросам вооружения, он должен привести в порядок свои восточные союзы».

Через несколько недель после ухода с Конференции по разоружению правительство рейха сформулировало свои пожелания в ноте от 18 декабря 1933 года. В ноте справедливо утверждалось: разоружение в Европе мыслимо было бы только в рамках всемирного разоружения, оно в настоящий момент не является реальным. Поэтому государства с избытком вооружений должны были бы их заморозить. Для Германии нота требовала «равноправие», что включило бы «оборонительное оружие», соответствующее «обычному вооружению современной оборонной армии».

Немецкое правительство признавало в ноте международный, периодически и автоматически функционирующий и общий контроль, распространяющийся также на так называемые «военизированные формирования» (здесь имелись в виду СА, СС, Имперская трудовая повинность и т. д.). Немецкое правительство обещало преобразование рейхсвера в армию с коротким сроком службы, что соответствовало первоначальному французскому требованию. В отношении общей численности оно требовало 300 000 человек. Наконец, соглашение предлагалось подкрепить пактами о ненападении⁸⁰.

Французское правительство вновь отвергло немецкую ноту в резкой форме, в то время как британское правительство представило предложение о посредничестве, отодвигавшее, однако, начало создания немецких военно-воздушных сил как минимум на два года, в том случае, если сразу не случится всеобщего разоружения в воздухе. Последнее являлось, однако, иллюзией. Примечательно, что как раз в эти дни американский президент Рузвельт внес в конгрессе законопроект, задуманный в качестве основы для значительного усиления американских военно-воздушных сил. Стоит запечатлеть в памяти дату: мы говорим о январе 1934 года!⁸¹

---

⁷⁹ Meinck, G.: a. a.O., S. 70 и 208, Anm.238, Loosli-Usteri, Carl: Geschichte der Konferenz für die Herabsetzung und die Begrenzung der Rüstungen 1932#1934. Ein politischer Weltspiegel, Zürich 1949, S. 643.

⁸⁰ Meinck, G.: a. a.O., S. 60f.

⁸¹ Meinck, G.: a. a.O., S. 69 и 208, Anm.235, Loosli-Usteri, Carl: Geschichte der Konferenz für die Herabsetzung und die Begrenzung der Rüstungen 1932#1934, S. 679.

Энтони Иден, посетивший 19 февраля 1934 года Берлин, чтобы обсудить с немецкой стороной британское предложение, нашел готового к разговору Гитлера, который сделал встречные предложения лишь в вопросе авиационных вооружений. Он был готов ограничить мощь немецких военно-воздушных сил до 30 % совокупных военно-воздушных сил своих соседей, притом она не должна была превосходить 50 % мощи французского воздушного флота. Он собирался совершенно отказаться от бомбардировщиков. Однако Германия должна была бы получить право немедленно начать соответствующую подготовку, что, по причине времени, требующегося для создания военной авиации, являлось оправданным⁸².

17 марта 1934 года французское правительство отвергло также британские предложения компромисса. Политика французского правительства, упорствовавшего в отказе пойти на благоразумные уступки рейху, была необъяснима. Оно повязало себя Версальским договором, воспринятым как догма, упустив шанс удержать Гитлера на определенном, контролируемом уровне вооружения. Если бы он нарушил соглашения, противная сторона имела бы возможность раньше среагировать соответствующим образом, ее превосходство в вооружении было огромно и, таким образом, она всегда располагала бы средствами ультимативно принудить Германию к соблюдению договоренностей. Так как Гитлер изъявил согласие допустить контроль, куда включались даже СА, СС и Имперская трудовая повинность, тайное вооружение явилось бы неосуществимым. Согласие на контроль Гитлеру далось не тяжело, так как действительно до самого начала войны никакого допризывного военного обучения этими, по мнению французов, «военизированными формированиями» не производилось. Вполне возможно, что Рем носился с планами слить СА и рейхсвер в милиционную армию; однако даже до попытки реализовать эти планы дело не дошло. После расстрела Рема СА зачахли, деградировав до «кружка завсегдатаев пивной». Неиспользование потенциала СА и, до определенной степени, также Гитлерюгенда для начального военного обучения и переподготовки, относится к явным недочетам в смысле последовательного вооружения, в них нужно скорее упрекнуть Гитлера. Однако эти просчеты можно привести и как доказательство того, что как раз на военное столкновение он не рассчитывал. Принимая во внимание геополитическую ситуацию рейха, очерченную выше, сложно обойти признание его готовности к компромиссу как далеко идущей. Повторное отклонение немецких предложений вызвало у Гитлера сомнение в осуществимости немецкого равноправия на пути переговоров соглашением с Великобританией и Францией.

16 апреля 1934 года правительство рейха вручило Идену в ходе его визита в Берлине для передачи британскому правительству меморандум с изложением ранее устно сделанных предложений. Текст, ввиду его важности, стоит привести здесь дословно⁸³:

«Правительство рейха не может ждать два года до получения безопасности воздушных рубежей при помощи средств, представляющихся ему для этой цели необходимыми. С момента вступления соглашения в силу оно желает иметь воздушный флот в составе самолетов с ограниченным радиусом действия и при полном отсутствии бомбардировщиков. Мощь этого воздушного флота не должна превосходить 50 % французского воздушного флота в метрополии и в колониях или 30 % всех военно-воздушных сил примыкающих к Германии держав, причем из обоих чисел должно быть взято наименьшее.

---

⁸² Meinck, G.: а. а.О., S. 61f.; Отчеты Министерства иностранных дел о визите Идена в: ADAP, Serie C, Band II, Dok. Nr. 270 и 271 от 20 февраля 1934 года.

⁸³ Benoist-Méchin, Jacques: Auf dem Wege zur Macht 1925–1937, Oldenburg 1965, S. 156; см. также: Dokumente zur Deutschen Politik und Geschichte, Band 4, Nationalsozialistische Diktatur, I, 1933#1938, Dok. Nr. 57, S. 145 f.

Правительство рейха готово установить меры, гарантирующие невоенный характер СА и СС. Оно, далее, готово передать осуществление этих мер под надзор контрольной комиссии. Под этими мерами имеются в виду следующие:

1. СА не должны иметь оружия.
2. Они не должны обучаться обращению с оружием.
3. Они не должны сосредотачиваться или проходить обучение на военных полигонах.
4. Они не должны ни прямо, ни косвенно обучаться армейскими офицерами.
5. Полевые учения, так же, как и участие в них отдельных лиц, должны быть запрещены.

Немецкое правительство добровольно соглашается с тем, что разоружение других держав начнется лишь по истечении пяти лет после подписания соглашения. Правительство рейха принимает также все другие условия британского меморандума, включая учреждение контроля».

Отклонение Францией переговоров на этой основе лорд Лотиан назвал «“нет” рокового исторического значения»! В этой оценке он не был одинок. Французский посол в Берлине, Андре Франсуа-Понсе, советовал своему правительству 9 апреля, согласно его воспоминаниям, поймать Гитлера на слове:

«(...) Было ясно, как день: если не прийти к соглашению, позволяющему рейху ограниченное перевооружение под международным контролем, Гитлер рассматривал себя свободным от всяких обязательств по отношению к Версальскому договору и вооружался по собственному усмотрению, без ограничения и контроля, опираясь на восторженное одобрение своего народа»⁸⁴.

Примечательным в утверждении Франсуа-Понсе является то, что он вместе с тем подтверждает обязательство стран – гарантов Версальского договора разоружиться со своей стороны. У Барту он встретил якобы взаимопонимание в этом вопросе, но резкий отказ у Андре Тардье, некогда советника Жоржа Клемансо, и премьер-министра Гастона Думерга. Бельгийский министр иностранных дел Эмиль Вандервельде, кстати, заявил уже в 1931 году в Лиге Наций:

«Либо другие державы должны сократить свои армии в отношении к рейхсверу, либо мирный договор окажется неустойчивым и Германия заявит право иметь вооруженные силы, способные защитить неприкосновенность ее территории».

Отец выразился, впрочем, однажды в моем присутствии, он считает Франсуа-Понсе умнейшим французским политиком, однако недругом Германии, хотя Гитлер и любил его, при случае они по-дружески каламбурили между собой. От матери я слышал, после западной кампании Гитлер имел в виду Франсуа-Понсе в качестве посла правительства Виши в Берлине, однако отец имел сомнения в связи с принципиальной установкой Франсуа-Понсе по отношению к Германии. Кто знает, возможно, благодаря этому Франсуа-Понсе избежал затруднений после войны. Мать рассказала мне также, отец предложил Гитлеру освободить одного из сыновей Франсуа-Понсе, оказавшегося в немецком плену.

7 марта 1934 года глава бельгийского правительства, Шарль де Брокевиль, выступив перед бельгийским сенатом с достойной внимания речью, заявил:

---

⁸⁴ François-Poncet, André: Als Botschafter in Berlin 1931–1938, Mainz 1949, S. 178.

«Всю горечь положения я ощущаю так же сильно, как и Вы. Она является следствием большого заблуждения людей, не заметивших в Версальском договоре уроков и правды истории и полагавших, что можно удержать великую нацию на неопределенный срок в состоянии разоружения. Мы должны распрощаться с этой иллюзией. Неизменный закон истории гласит, что побежденный рано или поздно восстанет вновь...»

Со времени формального признания немецкого военного равноправия Великобританией, Францией, Италией и США 11 декабря 1932 года вот уже полтора года прошло в бесплодных переговорах. Конкретного результата не предвиделось, наоборот, установка французского правительства не идти ни на какие уступки рейху еще больше окостенела. Сверх того, обозначилась союзная политика Франции, имевшая целью включение Советского Союза во французскую систему пактов и могущая тем самым обернуться несравненно большей угрозой рейху. Постепенно крепла убежденность, что обе западные державы вовсе и не собирались предоставить рейху подлинное равноправие.

В этой ситуации правительство рейха предприняло исключительный шаг. Оно опубликовало имперский бюджет на 1934–1935 годы, устанавливавший, в сравнении с прошлыми годами, существенно более высокие расходы на армию, флот и авиацию. В ответ на запрос британского правительства министр иностранных дел Нейрат выступил с заявлением: ассигнования на армию необходимы в связи с запланированным переходом от профессиональной армии к армии с коротким сроком службы, расходы на флот обуславливаются необходимыми затратами на модернизацию устаревших судов, в то время как бюджет министерства авиации должен увеличиться из-за расширения зимних и ночных полетов и, таким образом, не имеет отношения к оборонному бюджету⁸⁵.

Совершенно очевидно, что правительство рейха желало продвинуть этим шагом переговоры по соглашению о вооружении. Если бы оно намеревалось тайно вооружиться, то публикация была бы необъяснима. Ведь не поверить же, что у него не было бы возможности скрыть перевооружение, если бы оно этого захотело. Публикация бюджета является дальнейшим подтверждением, что Гитлер желал продолжения переговоров с обеими западноевропейскими державами, рассчитывая решить вопрос о вооружении в согласии с ними. 16 апреля 1934 года⁸⁶ правительство рейха в очередной раз официально подтвердило свою готовность к заключению договора о вооружении. Соглашаясь с британским планом от 29 января, оно повторило февральские предложения Гитлера Идену относительно военно-воздушных сил⁸⁷.

Нужно четко прояснить для себя: немецкая сторона непременно желала достичь договоренности о военном паритете с обеими западными державами. Она рассматривалась в качестве предпосылки соглашения с Великобританией, к которому, вероятно, присоединилась бы тогда и Франция. Ради реализации «западного соглашения» Гитлер был готов на уступки и выполнение предварительных условий. Нельзя утверждать, что, предлагая поправки к соглашению по военно-воздушному флоту, он выступал с чрезмерными требованиями, так как в то же самое время он примирялся со значительной слабостью своих военно-воздушных сил, как раз для того, чтобы достичь желаемого взаимного согласия. Годом позже, при заключении англо-германского морского соглашения, он вновь урежет

---

⁸⁵ RGB1 1934 Teil II от 26 марта 1934 года; ADAP, Serie C, Band II, Dok. Nr. 378.

⁸⁶ См.: Siehe ADAP, Serie C, Band II, Dok. Nr. 402. Запись министра иностранных дел фон Нейрата от 16 апреля 1934 года.

⁸⁷ Немецкая военная авиация могла достичь 30 % сил всех ее соседей, но не больше 50 % французских военно-воздушных сил. ADAP, Serie C, Band II, Dok. Nr. 399; см. также: Meinck, G., а. а.О., S. 81 и 211, Anm. 283, Wheeler-Bennett, John: Documents on International Affairs, Oxford 1929, S. 384.

себя и, подчинив немецкие военно-морские силы лимиту в 35 % от британских, поставит их максимальный тоннаж в зависимость от решений из Лондона.

17 апреля 1934 года французское правительство отвергло переговоры по британскому плану от 29 января. Это кажется абсурдным: Гитлер без конца пытался прийти к соглашениям, ограничившим бы и подчинившим бы международному контролю его вооружение, в то время как французское правительство вновь и вновь противодействовало им. Для этой непонятной политики французского правительства имелись и имеется множество попыток объяснения. Штреземанн выразился якобы уже в середине 1920-х годов: «Страх при виде вновь поднимающейся Германии, парализуя волю французских политиков, мешает им думать объективно». Не требует доказательств, что определенная военная «минимальная мощь» для государства величины и значения Германии являлась условием приобретения союзников. Это являлось справедливым также и для Федеративной республики, совсем не случайно Аденауэр занялся перевооружением Германии. Нейтрализованная Федеративная республика, даже если бы она была «воссоединена», едва ли нашла бы союзников, которые представляли и защищали ее интересы.

Однако к состоянию переговоров о взаимном разоружении или военном паритете европейских государств. Теперь прошло уже более двух лет с Женевского заявления пяти держав о военном равноправии Германской империи без того, чтобы реально был достигнут самый незначительный прогресс. Наоборот, французское правительство подготавливало законопроект о продлении воинской повинности на два года. Де-факто оно должно было привести к значительному увеличению армии. В любом случае, однако, продление срока воинской службы не является знаком серьезной озабоченности соответствующего правительства соображениями разоружения.

В начале 1935 года Германии были направлены совместные предложения Франции и Великобритании на основе так называемого «Лондонского коммюнике» от 3 января 1935 года, выработанного французскими и британскими министрами. Снова оспаривалось право рейха на вооружение, однако выражалась готовность на переговоры о нем. «Коллективная безопасность» вновь вводилась в игру предложением «восточного пакта», означавшего бы полное признание германских восточных границ (включая «коридор»). Признание немецко-польских границ (как раз коридора) было даже Штреземанном недвусмысленно отклонено, в правильном понимании того, что «германское правительство, которое решилось бы на это, было бы сметено»⁸⁸. Мы еще вспомним о нем, когда Гитлер в 1938 году предложит полякам гарантию их границ, включая коридор, с тем чтобы достичь окончательного оздоровления германо-польских отношений.

В англо-французских предложениях содержалась инициатива конвенции, о которой нужно было бы вести переговоры с Италией, Бельгией и Германией и согласно которой «подписавшиеся обязуются предоставить поддержку своих военно-воздушных сил каждому из тех, кто станет жертвой неспровоцированного воздушного налета со стороны одной из заключивших договор сторон».

Сегодня дело представляется так, как если бы Гитлер являлся автором текста ноты с немецким ответом. В действительности речь шла о проекте моего отца. Я помню очень отчетливо его рассказ, как при подготовке немецкой ответной ноты Гитлер, вытащив отцовский проект «из кармана», предложил к обсуждению, не поставив, однако, в известность об авторстве отца. Отец смело формулировал в нем, что правительство рейха «в принципе

---

⁸⁸ Штреземанн заявил 18 мая 1925 года в рейхстаге: «В Германии нет никого, кто мог бы признать, что граница на востоке, протянутая в очевидном противоречии с правом народов на самоопределение, останется навсегда неизменным фактом».

готово применить свои военно-воздушные силы как средство устрашения против нарушения мира». Мать, слегка злорадно улыбаясь, обратила мое внимание на этот пассаж в тексте.

4 марта 1935 года британское правительство направило палате общин «белую книгу», содержащую программу значительного усиления британских военно-воздушных сил. 10 марта французское правительство объявило о проекте продления на два года срока службы во французских вооруженных силах. Из военного планирования британских и французских правительств можно сделать единственный вывод: они не были готовы решить проблему вооружения путем сокращения своих вооруженных сил до уровня разоруженных государств. Следовательно, разоруженным государствам не оставалось иного выхода, кроме как перевооружение. Требованием момента для Великобритании и Франции было бы теперь ограничить рост вооруженных сил рейха договорными рамками. Неофициальная и, с 1934 года, официальная деятельность отца были направлены, в первую очередь, на поиск подобного соглашения с западными державами.

Разве не должно было германское правительство прийти к выводу, что его лишь сдерживают? Ведь фактически готовность вооруженных государств предоставить Германии эффективное военное равноправие или предпринять всеобщее разоружение отсутствовала полностью. Ввиду этих фактов глава германского правительства сделал то, что, как упомянуто выше, Франсуа-Понсе предвидел в качестве логического последствия, а именно вооружился в одностороннем порядке, возможно, «опираясь на восторженное одобрение своего народа»⁸⁹, в любом случае, однако, по меньшей мере, с согласия его большинства.

Отец одобрял шаг, предпринятый 16 марта 1935 года также и потому, что ему стали известны усилия французского правительства по заключению направленного против Германии союза с Советской Россией. Его инициатором явился французский министр Эдуард Эррио. Ввиду целевых установок Эррио возникла опасность «критической ситуации», приобретающей тем большую остроту, чем дольше затягивались переговоры, не принося реального равноправия. Фактор времени начал играть все большую роль, принимая во внимание общие тенденции вооружения Великобритании, Франции и, не в последнюю очередь, также США, и уж совсем умалчивая о Советской России. Примерно четыре недели спустя после введения всеобщей воинской повинности в Германии представители Великобритании, Франции и Италии встретились в Стресе, постановив «препятствовать всеми надлежащими средствами каждому одностороннему отказу от договоров». На том и закончилось!

Одно Стреза, во всяком случае, снова внушительно продемонстрировала, а именно внешнеполитическую изоляцию рейха. Она существовала с конца Первой мировой войны. Вряд ли будет ошибочным предположение, что Муссолини ко времени конференции в Стресе уже носился с планами экспансии в Абиссинии. Кто мог бы ему помочь или, по крайней мере, не нанести ему удар в спину? Великобритания и Франция в течение прошедших лет выдвинули на передний план «коллективную безопасность», гарантом выступала контролируемая ими Лига Наций. Муссолини, однако, считал еще в то время, в апреле 1935 года, возможным настолько пренебрегать дружбой с рейхом, что затесался в ряды держав, полагающих, что они смогут и далее отказывать Германии в военном равноправии.

Для меня дни до 16 марта были исполнены большого напряжения. Стереотипное выражение матери – скорее дать себя «четвертовать», звучало в этот раз исключительно интенсивно и настойчиво, когда она поверяла мне первые размышления отца и Гитлера, ввести всеобщую воинскую повинность, если этого не удастся достигнуть соглашением о вооружении, при необходимости в одностороннем порядке. Мать обосновала мне этот шаг «фазой риска», в которую мы теперь вступили. Немецкое правительство обнародовало свои пожелания в отношении минимально необходимого оборонительного вооружения и совершает

---

⁸⁹ François-Poncet, André: a. a. O., S. 178.

приготовления к тому, чтобы его в один прекрасный день осуществить. Введение всеобщей воинской повинности было отмечено парадом на центральной берлинской улице Унтер-ден-Линден. Впервые в жизни я увидел немецкий военный парад. Гитлер принимал его тогда еще перед Цейхгаузом. Прозвучали знаменитые прусские военные марши, несравненные по своему порыву и музыкальности. Полагаю, что исключительность вальсов Штрауса для танца соответствует таковой немецких военных маршей для маршевой музыки, к ним я отношу, не в последнюю очередь, и пресловутый Баденвейлерский марш. Политический «лицедей», Гитлер выбрал его за проникновенный ритм «своим» маршем, распорядившись, что он должен исполняться только в его присутствии. Этим распоряжением, которое не было отменено, некий судья из Баварии, очевидно, большой шутник, после войны обосновал запрет исполнения марша. Ему, по всей вероятности, не было известно, что Баденвейлерский марш был создан в 1914 году капельмейстером баварского лейб-гвардейского полка по имени Георг Фюрст в память боя при Баденвейлере, где полк отличился. Точно так же наверняка лишь немногим жителям Вены известно, что презрительная кличка пруссаков – «пифке» – происходит от имени Иоганна Готфрида Пифке, которому венцы рукоплескали с большим воодушевлением. В 1865 году прусский король в сопровождении Бисмарка побывал с визитом в Вене. В ходе этого визита музыкальный корпус прусского гвардейского полка дал в Вене концерты. Капельмейстера звали Пифке.

Во главе музыкального корпуса воодушевленно печатал шаг «тамбурмажор», выбрасывая ноги вперед до горизонтального положения. Его можно было описать как своего рода балерину в солдатской форме. Ход тамбурмажора был единственным неестественным движением во время парада, притом исключительно трудным. Я до сих пор помню британский киножурнал от мая 1938 года, где крупным планом был показан немецкий тамбурмажор, репетировавший свой парадный шаг. Естественно, он имел напряженный вид, производя несколько воинственное впечатление. Он был заснят с самого неблагоприятного ракурса и выглядел символом германского милитаризма, без сомнения, эффект, которого и хотели добиться. Английская пропагандистская машина была в 1938 году уже запущена против Германии.

Замечательное впечатление произвел кавалерийский полк – все на лошадях рыжей масти – прошедший на рысях под легкую музыку парадного марша. Мир лошадей не был нам чужд. Отец и дед были страстными наездниками, мы, дети, рано получили уроки верховой езды и вольтижировки. Отец, владевший несколькими скакунами, еще малыми детьми брал нас время от времени на скачки в Карлсхорст или Хоппегартен. На Гитлера, вероятно, это чудесное кавалерийское представление не произвело особого впечатления. К лошадям, как и к охоте, он не имел никакого отношения. За несколько месяцев до того французский министр иностранных дел Барту и король Югославии, несмотря на конный конвой, были застрелены в Марселе в автомобиле. В то время прессу обошла фотография конного полицейского, зарубившего саблей убийцу. Гитлер сказал тогда отцу, увидев перед собой в очередной раз в качестве эскорта «зад» лошади: он прикажет наказать ответственного сотрудника полиции. На подсознательном уровне здесь, возможно, сыграло роль различие точек зрения Гитлера и армейского командования на значение моторизации. В этой связи стоит привести запомнившееся высказывание Гитлера об использовании крупных моторизованных соединений, сделанное у нас в Далеме на дне рождения отца 30 апреля 1939 года. По какой-то причине разговор вертелся вокруг материальных сражений Первой мировой войны. Гитлер констатировал, что обороняющийся неизменно находился в то время в лучшем положении, так как нападавшему надо было с трудом пробиваться через поле, изрытое воронками собственной артиллерии. Это, в свою очередь, давало обороняющемуся время ликвидировать вклинения введением резервов, так как, в отличие от нападающего, он рас-

полагал исправными дорогами и железнодорожной сетью⁹⁰. Поскольку полк Гитлера на протяжении всей Первой мировой войны находился на Западном фронте, он сделал эти наблюдения на личном опыте. Крупные моторизованные единицы, с другой стороны, были бы в состоянии быстро расширить вклинение до оперативных прорывов, не давая обороняющемуся времени для осуществления контрмер. Однако движение этих моторизованных соединений требует серьезной подготовки и большого искусства вождения. Из военной литературы, имевшейся у меня, я приобрел некоторое представление о теориях по поводу оперативного использования крупных моторизованных соединений. По словам Гитлера можно было понять, что они уже реализованы в немецкой армии. Гитлер продолжал, вступление моторизованных частей в Австрию обернулось отчасти настоящим хаосом, но отсюда был извлечен урок. В тот чудесный апрельский день в 1939 году я и не догадывался, что здесь открыто излагалась совершенно новая стратегическая концепция, сделавшая возможными сенсационные военные успехи немецкой армии в 1939–1941 годах. Год спустя, почти день в день, я и сам, воином в составе такого крупного моторизованного соединения, «покачу» на бронетранспортере по Северной Франции в направлении Ла-Манша.

16 марта 1935 года на Унтер-ден-Линден все это, разумеется, еще невозможно было представить. Весь парад, собственно, продемонстрировал и без того лишь только военную слабость рейха, хотя всеобщий энтузиазм от этого нисколько не уменьшился. В разговорах родителей, впрочем, чувствовалось напряжение – воздействие риска перевооружения. Немецкое оружие, показанное на этом параде в берлинском Лустгартене, в самом деле не впечатляло. Малые 105-мм орудия – естественно, на конной тяге, – полное отсутствие танков, тяжелого вооружения, зениток и самолетов, сопровождающих парад в воздухе. Взамен только что лошади.

Отец писал, оглядываясь на прошлое:

«К сожалению, эти усилия зимой 1934/35 года остались безрезультатными, и мы должны были прийти к заключению, что достижение путем переговоров пересмотра положений Версальского договора в отношении вооружения является бесконечно трудным делом. Весь этот опыт послужил для Адольфа Гитлера основанием объявить в марте 1935 года о введении всеобщей воинской повинности и создании немецкого вермахта»⁹¹.

Шанс удержать Гитлера «на поводке» соглашением по вооружению, вдобавок под установленным контролем, был западными державами упущен.

Главнокомандующий армии, генерал-полковник барон фон Фрич, сказал якобы Гитлеру ввиду его решимости ввести всеобщую воинскую повинность: «Вооружение не должно происходить слишком поспешно». Если Фрич действительно заявил такое Гитлеру, мы должны, конечно, согласиться с ним, так как любое дело не годится делать сгоряча. Здесь, однако, не стоит забывать, что на данном этапе речь шла о том, чтобы как можно быстрее достичь или продемонстрировать определенный уровень вооружений, дав понять странам – гарантам Версальского договора, что превентивное выступление против рейха будет и для них чревато риском.

Процитированное высказывание Фрича показывает также, что «черное» или тайное перевооружение не могло к тому времени продвинуться далеко. Это важно, так как лишает оправдания дальнейшее вооружение, в первую очередь Франции. Жуткие цифры о тайном немецком вооружении, представленные французскому кабинету Эррио и Петеном, ни на чем

---

⁹⁰ По поводу справедливости этого утверждения см.: Duppler, Jörg/Groß, Gerhard P. (п/ред.): *Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung*, München 1999, S. 57.

⁹¹ Ribbentrop, J. v.: a. a.O., S. 60.

не основаны. Простоты ради политические организации, такие, как СА, СС и т. д., были ничтоже сумняшеся добавлены к численности немецких войск⁹².

Риббентроп в докладной записке от 3 апреля 1935 года, таким образом, приблизительно через три недели после введения всеобщей воинской повинности, будет рекомендовать Гитлеру повторное вступление в Лигу Наций при условии, что статья V Версальского договора, накладывающая на Германию ограничения в области вооружений, будет без каких-либо условий вычеркнута. Одновременно он должен был бы предложить идею военно-воздушного пакта⁹³. Далее дословно:

«Задача доказать английским государственным деятелям и английскому общественному мнению, что национал-социализм не является экспансионистским, теперь приобретает поэтому особое значение (подчеркнуто от руки).

Отсюда я рекомендую следующее:

1) Фильм о партийном съезде не допускать в настоящее время к показу в зарубежных странах, поскольку он явился бы подачей для травли⁹⁴.

2) (...)

3) Избегание любого радикального решения в церковном вопросе, но дальнейшее замедление конфликта. (...) избегание самих по себе бесполезных арестов священников, поскольку, ввиду обратного воздействия на архиепископа Кентерберийского, имеющего особый голос у короля и в кабинете, в настоящее время нельзя арестовывать всех, кого попало.

4) Заграница знает теперь (...), чего мы хотим в военном отношении, поэтому, чтобы воспрепятствовать производству сенсаций в мировой прессе, по возможности, предотвращение чрезмерно открытого показа военных вещей⁹⁵.

В этом документе прозвучала, кроме внешнеполитических проблем, также идеологическая проблема, с которой отец сталкивался на протяжении всей своей внешнеполитической деятельности, а именно внутригерманские контрверзы вокруг церкви. Он стоял на позиции христианской религии. Высказывая свое отношение к арестам пасторов, он должен был подыскивать аргументы, способные повлиять на Гитлера, – момент, который в общении с Гитлером приходилось учитывать всегда, когда требовалось избежать негативной реакции в смысле желаемого. Для того, кто способен вдуматься в условия того времени, критическое отношение советника по внешней политике к арестам священников очевидно. Идеология Гитлера, которую он чувствовал себя обязанным навязать немецкому народу, скрытой тяжкой ипотекой обременяла германскую внешнюю политику. Упомяну кстати, что родители крестили сестру и меня в 1932 году. По их убеждению, крещение имело больший вес, если оно совершалось в сознательном возрасте. Так как мы жили в Далеме, крестил нас тогда бывший командир подводной лодки, позднее получивший известность в качестве противника режима, пастор Мартин Нимеллер. Родители не возражали, когда я в 1936 году выразил желание участвовать в подготовке к конфирмации.

Можно задать вопрос, почему в самом деле ни одному Веймарскому правительству не удалось восстановить некоторый военный потенциал рейха в качестве неперемennого условия проведения союзной политики и преодоления изоляции? Задать такой вопрос равносильно ответу на него. В данных внутривнутриполитических условиях Веймарской респуб-

---

⁹² Meinc, G.: a. a. O., S. 76f и 210, Anm. 267, Herriot, Edouard: Jadis, Band 2, D'une guerre à l'autre 1914–1936, Paris 1952; S. 399.

⁹³ Записка для фюрера от 3 апреля 1935 года. Louis Lochner Papers, Hoover Library, accession # XX031–9.12. Box #1.

⁹⁴ Имеется в виду фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли».

⁹⁵ Herbert Hoover Archives, Louis Lochner Papers, Hoover Library, accession # XX031–9.12. Box # 1 (переданные курсивом слова добавлены отцом от руки).

лики ни одно парламентское правительство не имело возможности реализовать больше, чем незначительные шаги в направлении укрепления доступного ему оборонительного потенциала. Стоит вспомнить о безнадежном парламентском расколе политической воли, большом и воинствующем блоке коммунистов, частичном отсутствии готовности к обороне и пацифистской установке партий центра и, наконец, о полностью разрушенной экономике. В атмосфере классовой борьбы Веймарской республики необходимое единство народа, условие прохождения рискованной фазы перевооружения, являлось недостижимым. Как раз наоборот: постройка единственного крейсера дозволенного Версальским договором водоизмещения привела в 1927–1928 годах под броским лозунгом «детское питание вместо крейсеров» к многомесячной блокаде бюджета рейха со стороны левых партий.

Безудержная похвальба Гитлера достижениями режима, постоянный акцент на «воле к сопротивлению», восхваление храбрости немецких солдат в мировую войну, милитаристский фасад, демонстрировавшийся режимом при любом случае, в сочетании с впечатляющими и неоспоримыми результатами созидательной экономической деятельности его правительства – достаточно вспомнить ликвидацию безработицы⁹⁶ – все это создавало видимость мощи рейха, в действительности несуществующей. Она способствовала, однако, прохождению фазы риска. Риторика Гитлера, его инсценированная зловеющая решимость означали на этом фоне своего рода «гавканье со страху», соединенное с известным даром производить впечатление, в очень слабой и потому в высшей степени рискованной позиции. Массовые, без конца повторявшиеся демонстрации единства народа под его руководством должны были дать понять: выступление против рейха не будет «прогулкой»⁹⁷. В таком смысле мать объяснила мне тогда затраты на Нюрнбергские партийные съезды. В уже упомянутой «записке для фюрера» содержится также:

«В то же время наш долг сделать все возможное, чтобы избежать возникновения (...) кризиса и, в любом случае, сначала дожить до 1936 года (...)».

Слабость немецкой позиции невозможно выразить яснее. Затем следуют вышеупомянутые рекомендации Гитлеру, не слишком подчеркнуто выставляя напоказ постепенно начинающееся усиление военной мощи рейха.

---

⁹⁶ Быстрая ликвидация безработицы была достигнута не благодаря перевооружению, а за счет налоговой политики, поощрявшей инвестиции, но в первую очередь благодаря вновь возникшему доверию к общим условиям, что привело к капиталовложениям в экономику, см. на эту тему, среди прочих: Reinhardt, Eritz (Hrsg.: Ralf Wittrich): Die Beseitigung der Arbeitslosigkeit im Dritten Reich. Das Sofortprogramm 1933/34, Straelen 2006.

⁹⁷ На тему о том, в какой степени немецкое вооружение было в действительности переоценено, когда преувеличение не служило пропагандистским целям, см.: Klein, Burton: Germany's Economic Preparations for War, Harvard 1959.

Морское соглашение с Англией

Первые политические итоги введения всеобщей воинской повинности явились благоприятными, английские министры Саймон и Иден прибыли с визитом к Гитлеру в Берлин. Отец описал британскую реакцию следующим образом:

«(...) Адольф Гитлер разъяснил британским государственным деятелям необходимость введения всеобщей воинской повинности, он предпринял этот шаг, чтобы установить, наконец, ясные отношения. По-прежнему он выражал готовность заключить с иностранными государствами соглашения об ограничении морского и воздушного вооружения. Кроме того, он подчеркнул свое неподдельное желание прийти к великодушному соглашению с Великобританией. Договорились по вопросу соглашения в области морских вооружений поддерживать связь по дипломатическим каналам. В течение следующей недели имели место различные контакты, и в конце мая 1935 года поступило приглашение прислать в Лондон уполномоченного по ведению переговоров по морским вооружениям. Фюрер хотел, чтобы я вел эти переговоры и назначил меня послом по особым поручениям»⁹⁸.

В моей памяти сохранилось ясное и отчетливое воспоминание о тех июньских днях 1935 года. Я лежал с загипсованной ногой под солнцем на балконе нашего дома в Далеме. Пополудни появились родители, присев ненадолго ко мне. Отец заботливо, хотя и заметно слегка «absent-minded», осведомился об успехах лечения. Мать, устремив задумчивый взгляд в сторону цветущего летнего сада, почти не приняла участия в короткой беседе. Я отчетливо ощущал несколько скованное душевное состояние родителей и чуточку удивлялся тому, что мать сама собиралась везти отца в Темпельхоф, тогдашний аэропорт Берлина. Она была, к слову пришлось, замечательной и страстной автомобилисткой.

По возвращении с аэродрома мать вновь присела ко мне, рассказав, что отец летел в Лондон, чтобы выторговать с англичанами договор о взаимной мощи флота. Гитлер и он надеялись добровольным ограничением немецких морских вооружений создать предпосылки для долгосрочного соглашения с Великобританией. Мне было в то время 14 лет. В этом возрасте раскрываются миру. Я был глубоко поражен исторической перспективой, развернувшейся передо мной. Я прямо-таки чувствовал пресловутое «дыхание истории». Германо-английское сотрудничество означало существенное обеспечение безопасности для моей страны в ее неизменно рискованном центральноевропейском положении. Вновь выдвигались на передний план основы немецкой внешнеполитической концепции: договоренность с Англией о совместной политике.

Отец сообщал о переговорах среди прочего:

«Первым заседанием руководил сэр Джон Саймон. По опыту прежних переговоров с британцами мне казалось верным с самого начала выдвинуть желаемое фюрером соотношение сил английского и германского флотов 100: 35 в качестве «*conditio sine qua non*». Далее я считал необходимым прийти сразу к твердому, немедленно вступающему в силу соглашению с Англией. (...)

Сэр Джон Саймон ответил: такое требование допустимо, пожалуй, только в конце переговоров, как результат, однако едва ли представляется возможным принять его в самом начале в качестве основы для обсуждения.

Последующие заседания проходили в знаменитом здании Адмиралтейства с историческими ветряными часами. Они были установлены во времена Нельсона. Часы должны были показывать командовавшему адмиралу направление ветра с тем, чтобы он в любой момент знал, может ли французский флот выйти из гавани в Булони или нет.

---

⁹⁸ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 61.

После некоторых затруднений мои требования были приняты английской стороной»⁹⁹.

Некий немецкий фельетонист и биограф (Иоахим Фест) считает своей обязанностью представить эту переговорную тактику в своей биографии Гитлера следующим образом:

«У самонадеянного и ограниченного, каким он (Риббентроп) был, напрочь отсутствовало чувство такта, он, очевидно, не отдавал себе отчета в том, что навязывает другой стороне (...)». Несколькими строками далее говорится: «Тем большим сюрпризом явилась два дня спустя просьба англичан о повторной встрече, которую они открыли заявлением: британское правительство решило признать требование рейхсканцлера в качестве основы последующих переговоров о морских вооружениях между обеими странами»¹⁰⁰.

Каждый, кому в жизни приходилось вести трудные переговоры, осведомлен о проблемах, возникающих в их ходе, и о переговорной тактике. Часто занятая вначале позиция предопределяет успех переговоров. Возможностей много – от жесткого выдвижения своих требований вплоть до мягкой, скрывающей истинные цели манеры ведения переговоров. Все решает успех, и здесь он был однозначен! Самому Фесту, без сомнения, никогда не доводилось вести важные дипломатические переговоры в рамках большой политики, отсюда опыт у него, очевидно, в этом отношении отсутствует. Ему нужно, однако, отказать в важной для историка способности вдумываться в исторические ситуации и, прежде всего, описывать их непредвзято. Ясные и твердые договоренности помогли в этом случае преодолеть сопротивление, блокировавшее в Женеве в течение долгих лет любое соглашение¹⁰¹.

«Fait accompli» введения всеобщей воинской повинности имел следствием большой внешнеполитический успех, вызвав конкретную договоренность о вооружениях с Англией, де-факто и де-юре отменявшую ограничения, навязанные Версальским договором. Отец, по его словам, очень доволен результатом своих переговоров – Гитлер, кстати, назвал день подписания соглашения «самым счастливым днем своей жизни»¹⁰² – считал, кроме того, что ими создана важная предпосылка утверждения долгосрочных хороших отношений с Англией, что и являлось целью немецкой внешней политики. Так удовлетворившая обоих надежда на шаг приблизиться к соглашению с Великобританией, безусловно, не была на тот момент изначально несбыточной. Гитлер видел рейх континентальным государством без особых морских амбиций, отсюда скрепленный договором отказ от любой конкуренции с британской морской державой. Неудивительно, что с немецкой стороны строились надежды на достижение на этом пути дальнейшего прогресса в переговорах. Отец думал о воздушном пакте.

Он видел в британцах трезвых «коммерсантов». Не просто так британцы представляются в своем популярном *Understatement*, с которым они могут умно кокетничать, как «nation of shopkeepers» (нация лавочников). В глазах отца, бывшего в свою очередь успешным коммерсантом, эта самохарактеристика и без того всегда имела положительный оттенок. Когда он два с половиной года спустя напишет Гитлеру, он никогда не был согласен с обозначением англичан как «nation of shopkeepers», он будет иметь в виду нечто другое, а именно то, что эти «лавочники» готовы к жесткой – «вплоть до развязывания войны» – борьбе за свои интересы в мире. После заключения морского соглашения он надеялся, британцы, взвесив

---

⁹⁹ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 62.

¹⁰⁰ Fest, Joachim: a. a.O., S. 675.

¹⁰¹ Следует попутно заметить: Фест в своей биографии Гитлера постоянно ссылается на Германа Раушнинга. Раушнинг (1887–1982), одно время политик от НСДАП, в 1933 году, после победы НСДАП на выборах в Данциге, являлся, кроме всего прочего, президентом данцигского сената. Его мнимые «беседы с Гитлером» (датируемые 1940 годом) были убедительно разоблачены как подлог швейцарским преподавателем и историком Вольфгангом Хэнелем в 1983–1984 годах. В еженедельнике *Die Zeit*, номер 30 от 19 июля 1985 года, можно было прочесть в этой связи: «Только в биографии Гитлера Иоахима Феста выдуманные разговоры и высказывания Раушнинга цитируются более 50 раз».

¹⁰² Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 64.

прибыли и убытки, предпочтут союз с Германией новому противостоянию. Уже в ходе Первой мировой войны с рейхом они потеряли свое доминирующее положение в мире. Новое глобальное столкновение обошлось бы им – такова была точка зрения отца – даже как победителям в утрату их мировой империи.

За два с небольшим года удалось достичь военного равноправия, о чем в течение долгих лет напрасно старалась Веймарская республика. Кто отрицает необходимость заполнения вакуума власти в Центральной Европе к этому времени, должен был бы также отвергать нужду в американской защите Европы от советско-российской угрозы после Второй мировой войны. Прекращения агрессивной советской экспансии в конце 1980-х годов невозможно было бы вызвать без превосходящего военного потенциала Соединенных Штатов одними, как выразился бы Бисмарк, «речами и постановлениями парламента»¹⁰³. Для предотвращения выступления «Малой Антанты» против рейха достаточно было обладать определенным минимальным военным потенциалом. Советской опасности, однако, можно было противопоставить лишь сильный в военном отношении центральноевропейский блок. Год спустя Гитлер подробно представит эту угрозу в своем «меморандуме о четырехлетнем плане».

Ввиду этого развития вновь возникает вопрос, почему Англия и Франция не использовали период фазы риска, в котором находилось немецкое вооружение, чтобы попытаться ограничить вооружение рейха договорными рамками. Очевидно, к этому времени в определенных политических кругах Великобритании уже существовало направление, разделявшее тезис сэра Айры Кроу 1907 года, никогда не действовать заодно или даже заключать пакты с Германией. (Тогдашний британский министр иностранных дел Эдуард Грей – он оставался им также и при начале войны в 1914 году, – охарактеризовав меморандум Кроу как «инструкцию для политики» и «в высшей степени полезный»¹⁰⁴, распорядился огласить его в кабинете.) Одним из наиболее значительных приверженцев этой «инструкции» являлся уже упомянутый постоянный помощник госсекретаря в Форин офис Ванситтарт.

По поводу морского соглашения отец посетил также и его. Ванситтарт, скрывая свое истинное мнение, вел себя сдержанно. От дружественной стороны отец тогда получил информацию, что Ванситтарт протестовал против немедленного вступления соглашения в силу и что затруднения в день перед подписанием возникли благодаря его вмешательству.

Отцу был знаком его идейный вдохновитель Кроу, в чьем меморандуме 1907 года, изобилующем оборотами с глаголами в сослагательном наклонении, рейху приписывалось намерение «установления гегемонии сначала в Европе и, в конце концов, в мире» наряду с возможным доминирующим положением в качестве морской державы и созданием «немецкой Индии в Малой Азии». Он возвещает, что мир объединится для защиты от этого «кошмара». Год спустя, в сентябре 1936 года отец еще раз будет говорить с Ванситтартом с глазу на глаз. Мы увидим, с каким результатом.

После заключения морского соглашения отец планировал продолжать на этой основе, он думал о воздушном пакте. Также и в желаемом воздушном пакте можно распознать немецкую концепцию и готовность считаться с британской потребностью в безопасности, а с ней автоматически также и с французской. Развитие авиационной техники делало островное государство уязвимым не только с моря, но и с воздуха. Возможные опасения Великобритании перед воздушной угрозой со стороны Германии, континентальной державы, необходимо было рассеять, как это уже удалось в отношении к морю. Эрхард Мильх¹⁰⁵

---

¹⁰³ Формулировки из знаменитой – «кровь и железо» – речи перед прусским ландтагом во время конституционного конфликта вокруг увеличения армии.

¹⁰⁴ Ср. текст меморандума Кроу в Lutz, H. (Hrsg.): Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898#1914, S. 645 ff и 685.

¹⁰⁵ Эрхард Мильх (1892–1972) – в 1933–1945 годах государственный секретарь Имперского министерства авиации

по поручению Гитлера ознакомил англичан в 1936 году с умеренным планированием немецкого воздушного вооружения, так как Черчилль уже в это время страдал призраком внезапного немецкого воздушного налета на Лондон¹⁰⁶. Данные, предоставленные Мильхом, были подтверждены англичанами после войны по захваченным немецким документам.

Встреча Гитлера с главой британского правительства Болдуином запрашивалась в качестве следующего шага. Отец, исходя из морского соглашения, рассчитывал приобрести через него дальнейшие импульсы для своих усилий по достижению фундаментального германо-английского соглашения. Гитлер с таким предложением «сразу бы согласился», как пишет отец, продолжая:

«Болдуина, однако, было сложно расположить в пользу этой идеи. Я пользовался поддержкой всех своих английских друзей, чтобы осуществить эту встречу. Мистер Болдуин колебался. Тогда Гитлер предложил встречу на корабле в Северном море и даже объявил о своей готовности прилететь к английскому премьер-министру в Чекерс. Мне передавали, мистер Болдуин был бы не против, но он медлителен в принятии решений. И тут я услышал о заявлении Болдуина: он должен сперва переговорить с «Ваном», подразумевался Ванситтарт. Меня это озаботило: я не ожидал от Ванситтарта положительного ответа. В конце концов Болдуин распорядился сообщить мне через своего друга, мистера Т. Дж. Джонса, что такая встреча требует «еще больше времени на подготовку» – практически отказ. Несколько позже я слышал, Болдуин якобы выразился, он не знает, «как говорить с диктаторами»¹⁰⁷.

Отказ Болдуина встретиться с Гитлером явился для отца, как и для Гитлера не только разочарованием, но, прежде всего, опять-таки симптомом. Мне остается только подытожить: попытки рейхсканцлера обсудить с главами правительств Великобритании и Франции возможности общего соглашения не были приняты ни французским, ни британским главами правительств. Отец:

«Как и другое немецкое правительство до него, Третий рейх также стоял перед бесспорным фактом, что добиться ревизии посредством мирных переговоров с государствами Лиги Наций совершенно невозможно. Поэтому Германия и покинула Женеву, вступив на путь прямых переговоров с великими державами, прежде всего с Англией и Францией. Морское соглашение было единственным соглашением, где ревизия Версальского договора была достигнута путем дружеских переговоров, по крайней мере, с одной великой державой. К сожалению, оно так и осталось исключением. (...) Я неоднократно слышал в это время, что со стороны английской профессиональной дипломатии под руководством сэра Роберта Ванситтарта оказывалось сильное давление на британский кабинет, с тем чтобы исключить любое развитие в сторону свободных переговоров вне версальской системы»¹⁰⁸.

Отказ Болдуина переговорить с Гитлером явился, возможно, сигналом, предупреждающим, что английская политика рано или поздно может вернуться к той линии, которую она проводила перед Первой мировой войной, следовательно, занять непроницаемую и, в конечном итоге, антигерманскую позицию. Немецкая политика связала себя, со своей стороны, с «западным соглашением». Гитлер еще в 1933 году отклонил идею выбора русской опции в беседе с немецким послом в Москве, Рудольфом Надольны, советовавшим правительству рейха этот путь в составленном им меморандуме и говорившим с Гитлером по этому поводу. СССР был снова включен в европейскую игру благодаря Франции.

(RLM) и, одновременно, генерал-инспектор Люфтваффе; после самоубийства Эрнста Удета в ноябре 1941 года стал по июль 1944 года его преемником в качестве генераллюфтваффе [начальника Технического управления министерства, курировавшего авиационную промышленность].

¹⁰⁶ Irving, David: Churchill, München 1990, S. 71, Anm. 2 и 3.

¹⁰⁷ Ribbentrop J. v.: a. a. O., S. 67f.

¹⁰⁸ Ribbentrop J. v.: a. a. O., S. 70f.

Франко-русский пакт 1935 года, ратифицированный весной 1936-го, представлял собой фактически военный союз, направленный односторонне против рейха. Военный союз между Францией и Советским Союзом означал при включении «авианосца» Чехословакии серьезную военную угрозу рейху. Важные промышленные районы Центральной и Восточной Германии оказывались в сфере досягаемости военно-воздушных сил противника с территории Чехословакии, в то время как западные промышленные районы вследствие полной демилитаризации зоны до 50 км к востоку от Рейна являлись открытыми и беззащитными перед любой франко-бельгийской оккупацией. Долгом и правом любого немецкого правительства в сложившемся положении являлось осуществлять политическое планирование, основываясь на этих фактах. Сверх того, включение Советского Союза было настоящей культурной изменой. Это осознавали и ответственные лица в Париже. Эррио сравнил союз с СССР ни много ни мало как с турецкой политикой короля Франца I, объединившегося с турками против христианских Габсбургов¹⁰⁹.

Положение Германского рейха являлось, даже если бы немецкое перевооружение зашло существенно дальше, чем это могло случиться в короткое время, безусловно еще более угрожающим, чем в начале Первой мировой войны. Система пактов, сформированная Францией – так называемая «Малая Антанта» (Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния, Бельгия), – окружала рейх, превратившись с включением Советского Союза в мощную угрозу. Все усилия, направленные на заключение основополагающего договора с Великобританией, оставались после подписания морского соглашения бесплодными. По отношению к установке президента Соединенных Штатов Рузвельта насчет Германии с немецкой стороны не стоило предаваться иллюзиям. Уже в ноябре 1933 года США, как упоминалось выше, пошли на дипломатическое признание Советского Союза, от которого они отказывались 16 лет. Признание Советского Союза следовало рассматривать в качестве первого сигнала, так как для последовательно антисоветской политики Германии оно уже в это время не представляло позитивного момента. Для Запада большевистская опасность была далеко, много дальше, чем для Германии, поэтому ее недооценивали, полагая, что обязаны видеть большую, чем в советской империи, опасность во вновь окрепшей Германии. Этой империи нужно было придвинуться на тысячу километров, прежде чем была признана польза Германии для обороны от нее.

К этому времени, однако, то есть в конце 1935-го – начале 1936 года, значение Германского рейха в качестве политического фактора власти нельзя было оценить высоко: восток рейха поделен пополам коридором, запад до 50 км на восток от Рейна полностью демилитаризован, иными словами, полностью открыт любой западной военной инициативе. Тем самым большая часть немецкого промышленного потенциала подвергалась угрозе захвата. Немецкое правительство не было хозяином в собственном доме. Даже видимости надежды изменить это состояние путем переговоров после заключения франко-русского военного пакта не имелось. Если правительство рейха желало вновь обрести полную свободу действий, став вместе с тем интересным для других государств в качестве партнера, оно могло это сделать только по собственной инициативе – и все же немецкая сторона продолжала удерживать в поле зрения Великобританию как идеального партнера. От французского правительства, находившегося под сильным влиянием левых партий (включая коммунистов) и заключившего односторонне направленный против рейха военный пакт с Советским Союзом, нельзя было ожидать ни малейшего шага навстречу в вопросе об изменении статуса Рейнской области в смысле восстановления нормального положения вещей, то есть неограниченного суверенитета немецкого правительства.

---

¹⁰⁹ Ср. Scheil, Stefan: Fünf plus Zwei, S.172.

Отец пишет об этой фазе немецкой внешней политики, завершившейся восстановлением неограниченных суверенных прав правительства рейха в так называемой «демилитаризованной зоне» Рейнской области:

«Как для Адольфа Гитлера, так и для меня представлялось несомненным: если военный суверенитет в Рейнской области должен был быть восстановлен – и после заключения франко-советского союза Гитлер придерживался этой точки зрения, – то на пути переговоров он являлся недостижимым. Наоборот, существовала опасность, что в случае долгих дискуссий по проблеме может возникнуть чрезвычайная ситуация, которая скорей бы привела к настоящему кризису и конфликту, чем если бы за граница была поставлена перед fait accompli. Таковы были размышления, занимавшие нас тогда и окончательно побудившие Адольфа Гитлера предпринять этот шаг»¹¹⁰.

Франко-советский пакт о взаимопомощи, подписанный уже 2 мая 1935 года, был ратифицирован французской стороной 27 февраля 1936 года. Непосредственно вслед за этим был заключен военный пакт между Францией и Чехословакией, в свою очередь, дополненный договором между Советским Союзом и Чехословакией, чье вступление в силу, однако, ставилось интересным образом в зависимость от действий Франции.

Ввиду ратификации этого договора, провозглашенный в прошедшем году военный суверенитет был распространен Гитлером на всю территорию рейха. Это означало отмену демилитаризованной зоны на западе рейха и учреждение немецких гарнизонов в до той поры демилитаризованной Рейнской области. Он провозгласил этот шаг.

Отец комментировал:

«Он (Гитлер) часто объяснял мне позже, что это было для него одним из самых трудных решений, что он, однако, после заключения франко-русского военного союза иначе действовать не мог.

В течение зимы 1935/36 года в Париже и Лондоне я имел контакты с большим количеством влиятельных персон. В разговорах я выражал открыто и недвусмысленно, что либо должно быть достигнуто взаимопонимание между западными державами и Германией путем оговоренной программы ревизии, либо Германия снова возьмет в собственные руки оборону своей страны, то есть Локарнский договор должен быть в какой-то форме пересмотрен (...)»¹¹¹.

Соответственно велик был риск, который была готова взять на себя немецкая сторона, связанный с предотвращением в любой момент возможного захвата Францией западной области рейха и вместе с тем существенной части немецкого промышленного потенциала. Так называемое «заяятие Рейнской области» было вызвано стесненным внешнеполитическим положением, тяжелее которого едва ли можно вообразить.

Отец на эту тему:

«Заяятию предшествовали часы, исполненные больших волнений. Сообщалось, что на французской стороне сосредоточена моторизованная армия численностью примерно в 250 000 человек, и было ясно, что при нашем «малом вермахте»¹¹² заяятие могло быть, собственно, только символическим. Также и для меня это были тяжелые часы, все же я дал совет фюреру, что в Англии с восстановлением немецкого военного суверенитета в Рейнской области, в конце концов, примирятся»¹¹³.

---

¹¹⁰ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 79.

¹¹¹ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 77f.

¹¹² Klein, Burton: a. a.O., S. 17: «Up to the time of the German reoccupation of the Rhineland in the Spring of 1936, rearmament was largely a myth».

¹¹³ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 78.

После того как немецкое правительство восстановило полный суверенитет рейха в Рейнской области, оно получило приглашение изложить немецкую точку зрения перед Лигой Наций. Отец пишет: Гитлер поначалу намеревался сам выступить перед собранием в Лиге Наций. Ему и рейхсминистру фон Нейрату удалось его отговорить. Мой отец был назначен представлять Германию на заседании Лиги Наций. Оно состоялось в Лондоне, и Германия, в конечном итоге, была признана «виновной» в нарушении Локарнских соглашений. Это решение было принято единогласно, при одном воздержавшемся (Бразилия). За него голосовала и Италия, причем итальянскому представителю – по наблюдению отца¹¹⁴ – было слегка не по себе.

Атмосфера оставалась двусмысленной, разрыва с Германией не последовало, осуждение якобы за нарушение договора на деле последствий не имело. Отцу вновь представился случай обменяться мнениями с Робертом Ванситтартом:

«Перед отъездом я получил приглашение от Ванситтарта, которого посетил вместе с немецким послом фон Хешем. Ванситтарт проживал в добротном старом английском загородном доме, чья ухоженность на редкость гармонично сочеталась с изысканным современным убранством, явно выбранным в соответствии со вкусами его жены-американки. За столом о политике говорилось мало. Я в особенности приветствовал и охотно принял это приглашение, поскольку по-прежнему видел своей важнейшей задачей найти путь к установлению окончательной дружбы с Англией и поскольку сэръ Роберт Ванситтарт в вопросе германо-английского примирения по-прежнему – в этом не было никаких сомнений – занимал важное, если не ключевое положение. На эту тему я долго говорил по дороге домой с господином фон Хешем. Он также подтвердил мне большое значение Ванситтарта и охарактеризовал его как человека, очень скептически настроенного против Германии, кажущегося довольно непроницаемым и очень сложно поддающимся переубеждению. Его большое личное влияние на членов кабинета мне было Хешем также подтверждено. Господин фон Хеш, вне всякого сомнения, хорошо знавший Лондон, был по отношению ко мне неизменно доброжелателен. На обратном пути после посещения Ванситтарта между нами возникло нечто вроде начала дружбы, мы условились вместе сделать все, чтобы способствовать улучшению германо-английских отношений. Мы договорились в будущем поддерживать тесный контакт.

Вскоре я вылетел для доклада Гитлеру, находившемуся в отеле «Дрезден» в Годесберге. Там я получил на следующий день известие, что господин фон Хеш внезапно скончался от разрыва сердца. Я искренне сожалел о кончине этого способного посланника»¹¹⁵.

Непредубежденный наблюдатель сделает из изложенного вывод, что оба «fait accomplis» – введение всеобщей воинской повинности и восстановление военного суверенитета в Рейнской области – явились для Германии значительными и важными шагами к обретению внешнеполитической свободы действий мирным путем. К тому времени, когда Гитлер в 1936 году открывал Олимпиаду в Берлине, им за три с половиной года правления была заложена совершенно иная основа немецкой внешней политики.

Британская опция являлась для Гитлера и отца по-прежнему абсолютным приоритетом. Консолидация отношений в Германии должна была бы, как на то надеялись, вызвать у британского правительства соображения, не является ли, в конечном счете, соглашение с рейхом предпочтительней новой конфронтации. Благодаря улучшившейся позиции Германии «попытки сближения» со стороны немецкого правительства теперь не выглядели просительством, но предложением партнерства на равноправной основе. Не в последнюю очередь поэтому отец предложил Гитлеру отправить его послом в Лондон. Охотно принятое

---

¹¹⁴ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 83.

¹¹⁵ Ibid, S. 85f.

Гитлером предложение представляло собой новую, широко задуманную попытку вступить с британцами в серьезные переговоры о союзе в европейской политике.

Определенное изменение в европейском соотношении сил наступило, когда, из-за предприятия в Абиссинии, у Италии возникло противоречие с Великобританией и Францией. Лига Наций приняла санкции против Италии, хотя Муссолини полагал, что его образ действий встретит одобрение западных держав. Отсюда напрашивалось сближение между Германией и Италией, причем антибольшевистская грань фашизма представляла лишь один аспект общности интересов.

Сотрудничество с Италией (договор от 26 октября 1936 года) ни в коем случае не рассматривалось в Берлине как альтернатива усилиям по соглашению с Великобританией. И уж совсем не имелось намерения стравливать Италию с Великобританией. Это доказывает конфиденциальное письмо отца в качестве немецкого посла в Лондоне Хасселю, немецкому послу в Риме. Поводом для него явились утверждения итальянцев, дошедшие до отца, он будто бы проводит в Лондоне «антиитальянскую» политику. Хассель, очевидно, ничего не предпринял, чтобы опровергнуть эти утверждения.

Отец представляет в этом письме Хасселю немецкую политику между Англией и Италией следующим образом:

«Что касается заданной для Германии внешней политики, то ясно, что первостепенное значение в каждом внешнеполитическом расчете отводится противоположности фашизма и национал-социализма, с одной стороны, и большевизма, с другой. В соответствии с этим сотрудничество между национал-социализмом и фашизмом – неизбежно, что и определяет коренным образом отношение Германии к Италии.

Я никогда не дал англичанам повода сомневаться в этой моей точке зрения, одну из главных задач нашей дипломатии в Лондоне я вижу в том, чтобы просветить англичан в отношении реальной опасности большевизма, удержать их от присоединения к большевистскому фронту и содействовать усвоению мысли, что *à la longue* их мировой империи грозит существенно большая опасность от дальнейшей экспансии большевизма, чем от ее разногласий с Италией в Средиземном море»¹¹⁶.

Из этого служебного письма, глубоко личного по содержанию, в очередной раз проясняются основные линии немецкой политики: сближение с Италией не должно заслонить возможность соглашения с Великобританией. С немецкой точки зрения антибольшевистская платформа приемлема как для Англии, так и для Италии. То же самое принималось в Берлине в отношении сотрудничества с Японией. С ней первой был заключен Антикоминтерновский пакт.

Отец все время: «Мы должны оптировать, то есть мы должны найти партнеров, даже если Великобритания на длительный срок отвернется от нас, не захочет, чтобы “мы ее любили”». Неизменно затруднительное положение в Центральной Европе принуждало рейх «активно вмешиваться в мировую политику». «Антикоминтерновская политика» являлась способом выхода из изоляции, не теряя из виду цель соглашения с Англией.

В то время как большая политика продвигалась по пути, который вскоре должен был полностью изменить также и нашу семейную жизнь, заботы другого рода, в свою очередь, не обошли нас стороной. В начале лета 1936 года у меня возник повод роптать на судьбу – незначительную обыденную судьбу слегка, пожалуй, не по годам вымахавшего акселерата: некий осторожный терапевт запретил мне участие в походе Юнгфолька из-за предположительного диагноза «спортивное сердце» (гипертрофия сердца). Родители предлагали мне сопровождать их в Бад-Вильдунген, где отец собирался подлечить свою единственную почку. Вторая была ему удалена еще перед Первой мировой войной: в Канаде он заразился

---

¹¹⁶ Hoover-Archives, Louis Lochner Papers, Hoover Library, accession # XX031–9.12. Box #1.

через молоко больной туберкулезом коровы. Нетрудно представить, что это предложение не вызвало у меня особого восторга: провести летние каникулы «на водах», вместо того чтобы отправиться странствовать! С другой стороны, провести три недели в самом тесном контакте с родителями было очень заманчиво. В уединении Бад-Вильдунгена я мог рассчитывать на чрезвычайно интересные разговоры о политике. Я в то время ненасытно вбирал в себя все, что касалось политики, жадно интересуясь также историей – это увлечение сформировало мой внутренний мир, недоступный для посторонних. Одновременно я узнавал многое о личной или человеческой проблематике, которой подчинены актеры на политической сцене.

Мы много гуляли в Бад-Вильдунгене, по большей части втроем, нередко, однако, вдвоем с отцом. Наши разговоры вращались преимущественно вокруг внешнеполитического положения рейха в центре Европы. Отец ни в коем случае не считал, что настало время успокоиться. Рейх был по-прежнему изолирован. Какой ответственный иностранный государственный деятель смог бы представить себе, связать судьбу своей страны с таким жалким сооружением, каким Германский рейх все еще оставался к тому времени? Немецкое вооружение, всего лишь год назад провозглашенное, во всех областях еще находилось в «фазе риска». Возможному в любой момент выступлению «Малой Антанты» (Франция, Бельгия, Польша, Чехословакия и Югославия) против рейха со стороны Германии можно было бы пока еще мало что противопоставить. Как поведет себя в таком случае Великобритания, не было однозначно ясно; и, наконец, в тылу стоял, винтовка «к ноге», Советский Союз, с которым пошли на открытое соперничество. Поистине ситуация, подходящая для того, чтобы вызывать у руководства рейха большие заботы. Я помню, какое большое впечатление произвело на меня описание слабости немецкой позиции, сделанное отцом во время наших прогулок. Он упоминал мимоходом и стратегические проблемы, например удастся ли переправившиеся через Рейн французские ударные группы атаковать с фланга и отсечь их.

Требовалось, однако, не только устранить крайнюю военную слабость, но и прорвать внешнеполитическую изоляцию. Объявленным идеальным партнером являлась Англия; но какой выход мог бы найтись, если она и дальше будет отвергать немецкие усилия по сближению – на этот вопрос сложно было ответить. Еще не наступило время распрощаться с надеждой, но заранее продумать такую ситуацию следовало. Мы увидим, какой путь выбрали Гитлер и отец, должны были выбрать. Поэтому меня не удивляло время от времени видеть у нас в Далеме тогдашнего японского военного атташе Осиму.

Отец раскрывал мне во время прогулок также и проблематику своего положения относительно Гитлера, партийного и государственного руководства и Министерства иностранных дел. Для всех он был аутсайдером, в своей работе целиком замкнутым на Гитлера, и воспринимался поэтому в качестве «конкурента», с которым нужно было вести борьбу. Стиль руководства Гитлера, не придерживавшегося ясного делегирования ответственности и разграничения сфер компетенции, означал для руководителя «аппарата Риббентропа» следующее затруднение в его деятельности, не говоря уж о том, что Гитлер довольно охотно наблюдал соперничество среди своих сотрудников и часто, пожалуй, даже по-настоящему разжигал его.

Это в высшей степени интересное для меня совместное пребывание с родителями внезапно окончилось, так как ими было получено приглашение «фюрера и рейхсканцлера» принять участие в фестивале Рихарда Вагнера в Байройте в качестве его личных гостей. Родители, к моей большой радости, были готовы взять меня с собой в том случае, если для меня найдутся билеты и квартира. Это, к счастью, удалось. В открытом кабриолете мы ехали в Байройт по прекрасному, напоенному летним солнцем краю. Благодаря фройляйн Мундинг наилучшим образом просвещенные, мы еще в Берлине видели и слышали большую часть опер Вагнера. Таким образом, я не был вовсе не подготовлен к встрече с музыкальными

удовольствиями. Известное изречение Гете «видят лишь то, что знают», справедливо также и для слуха. Слышат не что иное, как лишь то, что знают (если, конечно, исключить гениальных музыкантов); знание, между прочим, является важной предпосылкой того, чтобы наслаждаться услышанным.

Сначала, однако, еще раз заявила о себе большая политика. Мы еще не успели расстаться с Бад-Вильдунгеном, как стало известно о военном путче генерала Франко. Отец за завтраком высказал мнение, что нам следует держаться в стороне от этого дела. В смысле концепции немецкой политики, вмешательством на Иберийском полуострове, классической зоне английских интересов, невозможно было добиться какого-либо выигрыша. По Средиземному морю пролегли магистральные артерии Британской империи, так что от вмешательства в этой сфере приходилось в любом случае ожидать отрицательного воздействия на германо-английские отношения. То же самое относилось также и к французской внешней политике, и без того тесно связанной с британской. Достаточно в этой связи вспомнить предысторию Франко-прусской войны 1870 года¹¹⁷. Для отца в то время принципиальное германо-английское соглашение все еще стояло на первом месте в списке внешнеполитических приоритетов. Он попросил еще из Бад-Вильдунгена о разговоре с Гитлером, однако по прибытии в Байройт ему сообщили, что Гитлер еще не прибыл на виллу Ванфрид. У отца были, вероятно, причины пожелать узнать, так ли это на самом деле – он попросил меня, не могу ли я попробовать это проверить. Я смог сообщить ему, что Гитлер как раз подъехал, когда я подходил к вилле Ванфрид. Он немедленно получил прием у Гитлера, что я так же удовлетворенно, как и заинтересованно принял к сведению, поскольку мне было совершенно очевидно, что немедленное исполнение желания отца о разговоре является знаком положения, которое он занимал при Гитлере, и что для него отсюда открывается возможность обсудить с Гитлером свой, мне уже знакомый, взгляд на вещи, в данном случае «испанский вопрос». Когда сегодня историки презрительно распространяются на тему того, что отец часто искал общества Гитлера, они доказывают этим, собственно, лишь свою неспособность почувствовать условия времени, о котором пишут. Тот, кто хотел увидеть свои политические представления осуществленными, должен был быть услышанным всемогущим диктатором, следовательно, присутствовать при том, когда он принимал решения.

Из записей отца следует, что этот разговор в Байройте обернулся «дискуссией». Он пишет:

«Он (Гитлер) принял меня, будучи довольно предубежденным, сразу перевел разговор на Испанию и сообщил мне: Франко запросил некоторое количество самолетов с тем, чтобы перебросить войска воздушным путем из Африки в Испанию и задействовать их против коммунистов. Спонтанно я высказал, нам лучше держаться в стороне от испанских дел... Я опасаюсь новых осложнений с Англией, так как там немецкое вмешательство увидят с большой неохотой. Гитлер упорно держался противоположного мнения...»¹¹⁸

Несмотря на беспокойство отца по поводу возможных осложнений с Англией, Гитлер обратил, в конце концов, внимание на возможность советского проникновения и разложения изнутри испанского правительства. Дословно он заявил:

«Если действительно удастся создать коммунистическую Испанию, то при нынешней ситуации во Франции большевизация также и этой страны – лишь вопрос короткого времени, и тогда Германия может «смаывать удочки». Зажатые между громадным советским блоком на востоке и сильным коммунистическим франко-испанским блоком на западе,

¹¹⁷ Внешним поводом для конфликта в 1870 году между Пруссией и Францией, приведшего к Франко-прусской войне 1870–1871 годов, явилось намерение испанских Кортесов отдать испанский трон представителю Дома Гогенцоллерн-Зигмаринген.

¹¹⁸ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 88.

мы едва ли сможем что-либо исправить, если Москва пожелает выступить против Германии»¹¹⁹.

Это отвечало соображениям, сформулированным Гитлером в эти дни в меморандуме о четырехлетнем плане.

Отец по этому поводу:

«Я видел вещи иначе. Особенно в отношении Франции, все же французская буржуазия, как мне казалась, являлась надежной гарантией против окончательной большевизации этой страны. Я высказал это фюреру, но мне было бесконечно трудно привести решающие доводы наперекор его идеологическим принципам, которые я, по его мнению, не понимал. Он довольно раздраженно реагировал на мои возражения и оборвал беседу, заявив, что уже принял решение. Речь будто бы шла здесь об очень принципиальном вопросе, в котором моего только лишь реально-внешнеполитического мышления недостаточно. С появлением великого социального вопроса нашего столетия все актуальные политические вопросы должны быть подчинены этой основополагающей проблеме, иначе в один прекрасный день с внешней политикой окажемся в тупике. Здесь обнаружило себя неизменно повторявшееся расхождение, имевшееся у меня с Адольфом Гитлером во внешнеполитической области. Типичнейшим образом оно выразилось в словах, переданных мне по его указанию послом Хевелем, в ответ на мой, в очередной раз высказанный в 1943 году в меморандуме, совет немедленно заключить мир со Сталиным: «В борьбе против большевизма нет компромисса. Я не могу одобрить торгашескую политику Риббентропа. Эта война не может решиться дипломатическими средствами!»¹²⁰.

Прежде чем Гитлер занял эту крайнюю позицию, должны были, тем не менее, пройти годы и последовать многочисленные дальнейшие попытки установить контакт с Англией. Уже на следующий день он сделал первый шаг, вновь пригласив отца к себе, чтобы сообщить ему назначение государственным секретарем Министерства иностранных дел:

«Тогда он перевел беседу на замещение поста английского посла, вакантного по смерти господина фон Хеша, и спросил меня, кого нужно было бы послать в Лондон. Отсюда возникла продолжительная беседа о немецко-английских отношениях. Фюрер хотел знать, как я оцениваю шансы все же прийти еще к соглашению с Англией; я ответил, что, без сомнения, английская сторона не воспользовалась некоторыми возможностями. Поэтому, по трезвом размышлении, я нахожу, что перспективы в настоящее время являются неблагоприятными. Все же из всего того, что я слышал, король Эдуард VIII не настроен против Германии недружелюбно. При его большой популярности в английском народе можно допустить приход к соглашению, если бы король поддержал идею немецко-английской дружбы, хотя английский суверен обычно и оказывает незначительное влияние на политику своего правительства»¹²¹.

Этот сценарий не слишком обнадеживал. Гитлер также выразился скептически в отношении осуществимости его идеи союза с Англией. Поэтому отец принял решение:

«Я предложил поэтому, не было ли бы правильной послать меня в Лондон вместо того, чтобы сделать государственным секретарем. Мысль понравилась Гитлеру настолько, что он, сразу подхватив ее, заявил о своем полном согласии. (...) Я подчеркнул тогда Адольфу Гитлеру еще раз, что перспективы союза с Англией невелики, скорее нужно считаться с обратным, но я все же хочу еще раз все испробовать. Я знаю англичан достаточно хорошо, чтобы быть в состоянии докладывать ему о британской позиции совершенно трезво и объективно. Впрочем, многое зависит, естественно, от дальнейшей германской политики.

---

¹¹⁹ Ibid. S. 89.

¹²⁰ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 89f.

¹²¹ Ibid. S. 90f.

Тогда же я выразился недвусмысленно, что Англия – во всяком случае, по опыту до сих пор – будет настаивать на своем принципе равновесия и выступит против нас, если будет опасаться, что Германия становится слишком сильной»¹²².

Две точки зрения в этом изложении заслуживают особенного внимания.

Во-первых, переданные высказывания Гитлера однозначно подтверждают его озабоченность большевистской угрозой, являющуюся определяющим моментом его внешней политики. Он видит необходимость обеспечить надежный тыл – предотвращение испанско-французской комбинации в предзнаменовании наступления коммунизма – невзирая даже на опасность нарушения провозглашенной им же политики, нацеленной на германо-английское соглашение. Переоценивал ли он опасность большевизации Франции, является, с точки зрения исторической ретроспективы, вопросом второстепенного значения. В 1936 году возможность угрожающей рейху с запада франко-испанской комбинации в коммунистическом варианте нельзя было, во всяком случае, запросто списать со счета.

Важным, однако, является и постепенно ощутимый скепсис у Гитлера и его будущего посла по поводу достижимости соглашения с Англией. Я также чувствовал постепенное изменение оценки перспектив родителями в сравнении с их надеждами в 1933 и 1934 годах и, в особенности, после заключения морского соглашения в июне 1935 года. Кошмар нового окружения рейха являлся постоянной темой в разговорах с родителями и, если он присутствовал, с дедушкой Риббентропом. Эта опция, несомненно, наличествовала для обеих западноевропейских держав, ведь почти все вновь возникшие в 1919 году восточные и юго-восточные соседние государства Германского рейха были обязаны своим существованием исключительно англо-французской милости.

---

¹²² Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 91–93.

Лондон

Опубликование назначения отца немецким послом в Лондоне в августе 1936 года¹²³ пришлось на неделю перед Олимпиадой. «Агреман» принимающей страны был немедленно выдан. Еще перед поездкой в Байройт родители, по случаю Олимпиады, пригласили гостей к нам в Далем на праздник под открытым небом. Речь шла о том, чтобы принять у себя многочисленных иностранных друзей и деловых партнеров отца, приглашенных им на Игры, углубить личные контакты и установить новые. Отец:

«Только из одного Лондона я ожидал настоящее небольшое нашествие друзей. Обещал прибыть лорд Монселл, с которым мы заключили морское соглашение, лорд Ротермер, лорд Бивербрук и другие люди прессы хотели приехать, все друзья были приглашены, также и из Парижа, из Италии, Испании, из всех европейских стран и из Америки я ожидал личных гостей. Спортивные мероприятия предоставляли на редкость благоприятный случай, чтобы встретиться с политиками и влиятельными персонами из самых различных лагерей. К моей радости, сэр Роберт Ванситтарт с супругой также приняли приглашение... Праздник продолжался вплоть до раннего утра. Одними из самых поздних гостей были сэр Роберт Ванситтарт и его жена, много танцевавшие и выглядевшие довольными и веселыми. Хорошее предзнаменование? (...) К сожалению, вышло иначе»¹²⁴.

Поймут ли в Великобритании значение, даже шанс, который предоставлялся Британской империи через искательство Гитлером ее дружбы? И если его распознали, захотят ли им воспользоваться? Еще перед его отъездом в Лондон отец вновь нашел случай побеседовать с человеком, который мог, пожалуй, скорее всего ответить на эти вопросы. Он встретился за ленчем с Робертом Ванситтартом в берлинском отеле «Кайзерхоф», изложив ему представления Гитлера о союзе между обеими странами:

«К сожалению, говорил, по большей части, один я, и у меня было чувство, что с самого начала обращаю свои речи к стенке. Ванситтарт спокойно выслушал все, однако оставался замкнутым и уклонялся от любой моей попытки вызвать на откровенный обмен мнениями. В своей жизни я беседовал с сотнями англичан на эту тему, но никогда разговор не был настолько бесплодным, безответным и неинформативным, без малейшего поползновения со стороны собеседника затронуть то, о чем, собственно, и шла речь. Когда я попросил сэра Роберта поделиться со мной своим мнением по определенным пунктам, спокойно и откровенно высказать критику моих слов или объяснить мне, где мы принципиально или в деталях расходимся во мнениях, то услышал в ответ одни шаблонные фразы и больше ничего, буквально ничего. В последующие годы мне пришлось часто вспоминать этот разговор. (...) Я увидел воочию, насколько тяжела задача, ожидавшая меня в Лондоне»¹²⁵.

В действительности Ванситтарт издавна питал незыблемые предубеждения в отношении Германии и немцев, доминировавшие над любой политической рациональностью. Они основывались сперва на его личном отношении к Кроу – с этим наставником целого поколения германофобски настроенных дипломатов мы уже имели случай познакомиться – Ванситтарт, до самой кончины Кроу в 1925 году, был с ним тесно связан. Взгляды Кроу, благодаря Ванситтарту и другим в английском Министерстве иностранных дел, оставались по-прежнему заразными. Сотрудничество с Германией, безразлично, от какой стороны оно предлагалось, было для них немыслимо. Ванситтарт являлся противником любого

---

¹²³ Michalka, W.: a. a.O., S.154; Ribbentrop, Annelies von: Die Kriegsschuld des Widerstandes, Leoni am Starnberger See 1974, S.16ff.

¹²⁴ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 94f.

¹²⁵ Ribbentrop J. v.: a. a.O., S. 96ff.

соглашения с Германией и всех немецких устремлений, в чем откровенно признавался в своих мемуарах¹²⁶. Этого консервативная «конспирация» в германском Министерстве иностранных дел не смогла понять даже после окончания войны. Ванситтарт, жаловался Эрих Кордт в 1948 году, «легкомысленно» уничтожил «шанс избежать мировой катастрофы в союзе с немецкими патриотами». В исторической ретроспективе представляется очевидным, что здесь нужно говорить не столько о легкомыслии, сколько о вековой последовательности во взглядах, не гнушавшейся рассчитывать в качестве средства на войну против Германии и, вместе с тем, на большую европейскую войну, рискуя при этом, как показала история, сохранением империи!

Достоин упоминания присутствие этим вечером на празднике родителей Геринга и Гесса, обоих заместителей Гитлера. Отец к этому времени явно не относился к высшему руководству в государстве и партии. Он оставался, правда, и после назначения в качестве «посла при дворе Сент-Джеймс», как официально назывался его пост, «чрезвычайным и уполномоченным посланником Германского рейха», располагавшим собственным «аппаратом», однако его позицию нельзя было и приблизительно сравнить с положением Геринга или Гесса. Так как назначение отца послом в Лондоне было обнародовано за день до праздника и в нем приняли участие много видных гостей из Англии, присутствие Геринга и Гесса подчеркнуло значение, придававшееся отцовской миссии с немецкой стороны.

От этого праздника сохранился снимок, запечатлевший мать в разговоре с Герингом. Она тогда рассказала мне, о чем шла беседа. У отца вновь случился конфликт с Гитлером. Их столкновения вызывались либо действительным расхождением во мнениях, либо интригами. Мать в тот вечер откровенно заговорила с Герингом об отношениях между Гитлером и отцом. Геринг довольно любезно успокоил ее, указав, что подобные фазы дурного настроения периодически возникают в совместной работе с Гитлером, всем им пришлось испытать их. Все уляжется. По мнению матери, отцу следовало бы заручиться большим количеством союзников в государственной и партийной иерархии и выигрывать «друзей», чтобы укрепить и уберечь ненадежный базис своего – в смысле отцовских политических представлений и оценок – влияния на Гитлера. Этому совету, как мы еще увидим, отец следовал нечасто и безусловно. Влияние – необходимое условие осуществления собственных идей. Это справедливо для всех политических систем, для демократии в особенности. Отец прекрасно сознавал, что со своим предложением направить его в Лондон он идет на большой риск, удаляясь от центра принятия решений, то есть от Гитлера. Он полагал, что обязан пойти на это в интересах дела.

Насколько серьезной являлась для Гитлера новая попытка достичь принципиального союза с Великобританией свидетельствует его указание перестроить и роскошно отделать немецкое посольство в Лондоне. Этот жест был призван подчеркнуть, какое политическое значение придается им замещению посольского поста в Лондоне. Невольно возникает искушение заметить, что на большее «объяснение в любви» к Англии страстный, почти маниакальный архитектор Гитлер вряд ли был бы способен. О его личной заинтересованности в ходе работ свидетельствует то, что он как-то раз прислал в Лондон Альберта Шпеера для надзора и экспертизы. Мать, с ее знанием стиля и вкусом внесшая солидную лепту в дело, была его приговором – Шпеер выразился: «удачно решено» – довольна. В качестве временной квартиры для родителей был снят дом на Eaton Square. Интересно, что собственником дома являлся Невилл Чемберлен, позднее ставший премьер-министром.

Небольшой анекдот в этой связи. Отец, чтобы экономить валюту, предписал: все работы по перестройке посольства, насколько это было возможно и разумно, должны выполняться немецкими фирмами и ремесленниками. Новая мебель, предметы убранства

---

¹²⁶ Vansittart, Robert: *The Mist Procession*, S. 525f.

и т. д. изготавливались Объединенными мастерскими в Мюнхене. Некий господин Пэпке являлся там ответственным за деловые отношения с высшими государственными и партийными учреждениями. Случайно я находился рядом, когда позвонил Геринг, заявивший отцу в полном душевном расстройстве, что написал письмо с упреками по поводу якобы больших затрат валюты, в которые обходится перестройка посольства (затеянная, между прочим, по указанию Гитлера). Он настоятельно просил отца уничтожить письмо, не вскрывая. Его будто бы неверно информировали, лишь от господина Пэпке он узнал, что делалось все возможное для экономии валюты. Отец распорядился принести письмо Геринга, доставленное в тот же день курьерской почтой. Геринг, очевидно, написал его спонтанно, под влиянием возбуждения, без того, чтобы привести конкретные цифры или вообще каким-то образом обосновать свои оскорбительные упреки. Формулировки выдавали сильную личную неприязнь к отцу. Тот же лишь пробормотал: «Какая наглость!», никак не употребив, согласно обещанию, данному Герингу, свое знание текста письма. Он мог бы использовать этот случай в качестве повода для налаживания отношений с Герингом, бывшим как-никак вторым человеком в государстве. Главной заботой Геринга являлось, что отец мог ему этим письмом навредить у Гитлера, по чьему указанию производились работы в Лондоне. Однако такой образ действий, нередкий в окопных боях за благосклонность Гитлера, не был в стиле моего отца.

Сообщение родителей, что и меня затронет переселение в Лондон, поначалу было воспринято мной без особых эмоций. После грандиозного для пятнадцатилетнего мальчишки переживания Олимпийских игр, впечатляющим образом завершившихся церемонией вечерней зари на стадионе, осознание того, что принятие отцом посольского поста в Лондоне означает перелом во всей нашей жизни, мало-помалу приобретало и для меня все большую отчетливость. Родители решили, что я должен буду в течение года посещать одну из известных английских Public Schools, не только затем, чтобы улучшить мой школьный английский, но и, прежде всего, чтобы познакомиться с принципами воспитания в знаменитых Public Schools, о которых родители отзывались неизменно с одобрением. В то время они видели в них глубокие корни Британской мировой империи. По поводу письма из гимназии Арндта, моей далемской школы, с жалобой на какой-то мой проступок, отец выразился, насколько достойно сожаления, что учитель в Германии не занимает такого же почетного положения в обществе, как в Англии. Я не хочу быть здесь превратно понятым, мне повезло в мое школьное время учиться по большей части у замечательных в отношении профессионализма и в человеческом плане учителей. Это относится в равной степени как к гимназии Арндта в берлинском районе Далем, так и к национально-политическому воспитательному учреждению (Narola) в Ильфельде. Учителя являлись зачастую подлинными оригиналами, не ограничиваясь материалом учебных программ, они, сверх того, придавали большое значение передаче общего образования и слегка держали в поле зрения формирование характера. В Ильфельде, естественно, этому аспекту воспитания придавалось намного большее значение.

Родители хотели бы поместить меня в самую знаменитую английскую традиционную школу, в Итон. Это оказалось, однако, невозможным: в те времена детей туда нужно было записывать уже с момента рождения, при условии, что отец также учился в Итоне. Критерии приема были изменены лишь в последние годы. Теперь, с помощью стипендий, принимаются также одаренные дети из семей, не принадлежащих к кругам, откуда традиционно рекрутировались молодая смена для Итона и руководство страны. В сравнительно недавнем времени почти все английские премьер-министры являлись выпускниками Итона. В кабинете Мейджора лишь один-единственный министр являлся питомцем Итона, но и «он хотел бы, по возможности, сохранить это в тайне», как мне слегка злорадно поведала некогда одна «консервативная» дама. Ныне в Итоне проходит обучение также определенный

контингент допущенных учащихся-иностранцев. Интересное исследование, предпринятое несколько лет назад, показало, что и сейчас примерно 55 процентов кандидатов на выборы в нижнюю палату окончили Public School, из одного Итона вышли 43 кандидата. В общей сложности 18 английских премьер-министров получили школьное образование в Итоне. Последним был Дуглас-Хьюм, премьер-министр до 1964 года.

Сыграли ли в этих условиях в отказе принять меня в Итон какую-то роль политические причины, установить, разумеется, не имелось возможности. Я был, однако, без труда – при посредничестве Конвелл-Эванса – зачислен в Westminster School в Лондоне. Westminster School, где мне теперь предстояло пробыть три семестра, то есть почти год, претендует на то, чтобы считаться старейшей Public School Англии. Название Public School нуждается в объяснении, так как здесь речь идет или, по меньшей мере, шла тогда о чем угодно, только не о «публичной школе», как звучит это название в буквальном переводе. Public Schools являлись совершенно эксклюзивными, забронированными для определенного социального слоя институтами, по крайней мере, постольку, поскольку речь шла о известных и традиционных.

В дальнейшем я изложу впечатления, полученные мной в Вестминстере. Родители очень интересовались ими. Большая часть семей, из которых ученики поступали в Вестминстер, принадлежала к кругам, в значительной степени определявшим политическую жизнь. Head of House того дома, в который меня определили, носил фамилию Асквит. Он еще встретится нам вместе со своей матерью в этих записках.

В 1937 году Вестминстер и Итон были единственными школами в Великобритании, чья форма все еще состояла из визитки, цилиндра и зонтика. После войны этот школьный костюм был упразднен, пожалуй, по той причине, что воспринимался слишком дорогостоящим. Для меня было неожиданностью узнать, что в Англии все школы имели что-то вроде «формы», которую полагалось носить. Ссылка на ношение формы британскими школьниками использовалась время от времени как аргумент в дискуссиях о введении подобного «униформирования» в Германии.

Несложно представить себе мои – мягко выражаясь – слегка противоречивые чувства, когда я, в ознакомительной поездке в Лондон, получил, как подобало, от весьма любезного, преклонного возраста портного в очень старой мастерской свою «школьную форму». Эта мастерская, вероятно, в течение столетий, во всяком случае, если судить о ее возрасте по ветхости обстановки, шила школьную одежду для Вестминстера и, отсюда, гарантировала строгое соответствие предписаниям. И в таком убранстве я должен был ежедневно ходить по улицам Лондона в школу? К моему удивлению, никто не обращал на меня внимания, когда я утром ли, вечером ли шагал по дороге в школу сперва по оживленной Victoria Street, затем по St. James Parks. Лондонцы знали «Westminster boys», их вид был им привычен.

Мое поступление в Westminster School получило после войны еще раз маленькое «Publicity» благодаря актеру Питеру Устинову, желающему быть одновременно со мной в Вестминстере. Я его припомнить не могу, хотя он и утверждает, что сидел между мной и сыном нефтяного шейха – никаких таких сыновей нефтяных шейхов в оные времена в школе не водилось. Я должен быть благодарен ему, так как он хвалит меня за способности, которыми я, к сожалению, не владею. По Устинову, я должен был нарисовать триптих с «древними германцами, чьи белокурые женщины были закованы в панцири и сияли отвратительным оптимизмом!» К сожалению, на уроках рисования мне так и не удалось подняться выше уровня «палка-палка-огуречик, вот и вышел человечек». Устинов воспринял, вероятно, кое-что от известного ирландского писателя по имени Оскар Уайльд, совершенно правильно установившего, что люди не желают быть информированными – они хотят, чтоб их развлекали. Также и «рыжие волосы», которыми он меня наделил, к сожалению моей матери, очень любившей волосы такого оттенка, никогда не замечались на моей голове. Однако такой

остроумный человек, как Оскар Уайльд, не обратился бы, вероятно, к примитивному клише посольского сынка, которого отвозили в школу на огромном, к тому же белом «Мерседесе», разумеется, с шофером, на прощание щелкавшим каблуками и, вздергивая руку, оравшим «хайль Гитлер». Небольшое количество «name dropping», возможно, сумеет послужить доказательством тому, что Устинов – уроженец Восточной Европы – все же принадлежал к этой очень известной школе. Интересно, что Устинов сыграл позднее в одном из своих фильмов роль русского мошенника, влезającego в доверие с помощью выдуманных «общих» воспоминаний такого рода¹²⁷.

За несколько дней до моего поступления в Вестминстер перед домом появились фоторепортеры, чтобы сделать снимки сына нового немецкого посла. Британскую прессу всегда, в те времена, как и сегодня, сильно занимала частная жизнь видных деятелей, к чему также относится и семейная сфера.

Мне пришлось привыкать к тому, что и дети видных персон были тоже втянуты в это дело. Очень неохотно я дал себя уговорить и «позировал» (как выразился отец несколько дней позже по телефону) для журналистов. При этом, естественно, я сделал неправильно все, что только можно было, представ с недовольным лицом и скрещенными на груди руками на лестнице дома. Что я смог знать в свои пятнадцать лет об обращении с международной прессой? Увидев на следующий день свой портрет в газетах, я сам испугался, насколько недружелюбное впечатление производила фотография. Одно до меня дошло сразу: если уж предстаешь перед фоторепортером, следует позаботиться о том, чтобы снимок для публикации вышел симпатичным и располагающим к тебе. Случай осуществить этот вывод на деле не заставил себя ждать.

Естественно, я ходил в Вестминстер пешком. Никому бы и в голову не пришло катать меня на посольском автомобиле. Ни разу меня не отвезли в школу. Кроме всего прочего, в то время, когда родители переселялись в Лондон, единственным шофером в посольстве был англичанин, ветхий сморщенный человечек, якобы ни слова не понимавший по-немецки. (Родители были несколько более высокого мнения о британской «Secret Service» и потому взяли с собой позже при переселении немецкого водителя.)

Они оставили, однако, английского шофера при посольстве, так как он возил в течение многих лет предшественника отца, господина фон Хеша. Излишне упоминать, что ни от него не ожидалось, ни он, вероятно, не согласился бы на «нацистское приветствие». Когда господа садились в машину, он снимал шапку, как это было принято в те времена на всем свете.

Но вернемся к началу моего школьного пути. Когда я покидал утром наш дом на Итонсквер, на меня набросились толпы репортеров, вспышки фотоаппаратов сверкали беспрерывно со всех сторон. Однако по фотографиям, подаренным мне на семидесятилетие одним архивом прессы, я имею право заключить, что мне удалось быстро усвоить урок. Как можно по ним убедиться, отныне я дружески улыбался в объективы камер.

Наконец, я и сам находил, что у меня получается неплохо. У входа в школу, в «Little Dean's Yard» вновь выстроился ряд фоторепортеров. Сперва меня и вовсе прозевали. Вероятно, они, как Устинов, ожидали встретить «белый “Мерседес”» и не обратили поэтому на меня, незаметно подошедшего пешком из-за угла, никакого внимания. Под ухмылки также находившихся здесь учеников снова разыгрался фейерверк вспышек камер, мне, однако, быстро удалось увильнуть от него.

Моей удовлетворенности самим собой не суждено было продлиться навеки. Два или три дня спустя мне позвонил вечером отец из Берлина, не на шутку раздраженно спросивший, «что мне взбрело в голову позировать для прессы?». Он, кажется, воображал, его сыночек получил вкус к независимой, как это бы сейчас назвали, «Public-Relations-

---

¹²⁷ В фильме «Сиреневое такси» (1977) вместе с Фредом Астером, Шарлоттой Рэмплинг и Филиппом Нуаре.

работе». Я был возмущен: мне казалось, я ничуть неплохо справился со всем. В свою защиту я привел встречный вопрос, а что же мне оставалось делать.

Что так разгневало отца? Министерство пропаганды – не будет ошибкой утверждать, «друг» Геббельс – предоставило снимок, изображающий меня в цилиндре и с зонтиком, немецкой прессе; он, очевидно, был опубликован в различных листках. Несложно представить себе сопровождающие такую публикацию пересуды, для Риббентропов, мол, наши школы в Германии чересчур просты, неизысканны. Эта версия, уверен, была доведена также и до Гитлера. Подобные умело рассчитанные удары ниже пояса никогда не промахивались по своему воздействию на него¹²⁸.

Таким образом, без всякого содействия с моей стороны, я сделался «nucleus» (ядром) интрижки против отца. Мне стало ясно: все, что бы я ни делал теперь, возможно, отзовется в политической сфере. Отныне недостаточно было сдержанности, речь шла также о том, чтобы правильно реагировать. Берлинское время моего детства и начала юности ушло безвозвратно. Теперь мне пришлось иметь дело с вызовами иного рода, чем те, с которыми я сталкивался дома в Далеме, в гимназии Арндта или в отряде Юнгфолька. В то время я не мог себе представить, что отныне и до конца своих дней мне удастся свидеться с моим любимым городом только лишь на школьных каникулах, как раненому на войне или в деловых поездках в послевоенное время! Каждому довелось раз в жизни узнать на собственном опыте: мы научаемся что-либо по-настоящему ценить и любить, лишь потеряв. Так случилось с Берлином моего детства и юности. В конце 1941 года, залечивая тяжелое ранение в находившемся поблизости от Берлина военном госпитале, я еще смог немного подышать знаменитым «берлинским воздухом» (он и сегодня еще входит в поговорку из-за близлежащих лесов и озер), прежде чем город постепенно утонул в мусоре и пепле. Объятый пожарами правительственный квартал после воздушного налета 3 февраля 1945 года и мрачная встреча с Гитлером в бункере – впечатления того дня в их фатальной интенсивности поставили точку под моим отношением к Берлину как к «родимому дому».

Но вернемся к «Little Dean's Yard», входу в Westminster School. Школа была разделена на пять так называемых «домов», в которых и протекала, собственно, школьная жизнь, исключая занятия. Они проводились в так называемых Forms (мы бы сказали «классах»). Здания школы – частично постройки «времен оных», то есть очень древние, частично имитировавшие старинный стиль, – располагались вокруг «square», мощенной внушительного размера каменными плитами. На определенные плиты могли наступать только избранные ученики, очевидно, древний ритуал, который, однако, строго соблюдался. Все отдавало традицией, чему значительно способствовал внешний вид одетых в черное учеников. Преподаватели носили «цивильную одежду», поверх нее в школе набрасывался своего рода талар, который они живописно обвивали вокруг плеч.

Меня определили в дом Эшбернхэм. «Houses» разделялись по возрастным группам на «upper», «middle» и «under». Ребята из «upper», то есть старшие, выбирали между собой «Head of House», имевшего далеко идущие дисциплинарные функции и права, вплоть до ударов тростью. В мое время там мне, правда, не пришлось пережить подобную экзекуцию. Лишь однажды – случился как раз предлог критиковать дисциплину в «under» и поговорить о некоторых нарушениях – «headboy» пригрозил со злобной ухмылкой, размахивая тростью в мою сторону: «Если в доме нет порядка с демократией, придется разок попробовать с диктатурой!»

---

¹²⁸ Отец рассказал как-то: Гитлер очень плохо отзывался об одной на редкость красивой даме из дипломатического круга в Берлине. На вопрос отца о причине такого суждения Гитлер ответил, что она якобы зачала своих детей в опьянении шампанским. Отец вполне имел представление о том, какая другая красавица-блондинка из берлинского общества запустила эту интрижку.

Мне сразу бросилась в глаза прямо-таки спартанская обстановка в трех общих комнатах. На выбитом кирпичном полу вокруг стола для пинг-понга – несколько грубых деревянных скамей. На стенах висели так называемые «Locker», запиравшиеся ящички, в которых можно было хранить свои школьные принадлежности. Комната для «middle» была обставлена не лучше, в то время как «upper», насколько помню, могли наслаждаться комфортом в виде потертого ковра и нескольких стульев. У «headboy» «дома» находилось в распоряжении старое шаткое кресло. Я не знаю сегодняшних условий жизни в Вестминстере, для того времени, однако, их обозначение как «спартанские» не было преувеличением, скорее наоборот.

Когда хотелось уединиться, в распоряжении школьников находилась уютно обставленная библиотека с большим выбором книг, где, однако, запрещалось разговаривать. Ее пожертвовал состоятельный бывший ученик. Зимой теплым просторным залом библиотеки усиленно пользовались, так как в обычных общих комнатах домов было зачастую по-настоящему холодно.

Когда я рассказал родителям об условиях жизни в Вестминстере, отец нашел в рассказе подтверждение своего мнения: английский правящий слой никоим образом не является изнеженным и декадентским, но спортивным, жестким и упорным. Отец тогда поведал о своей беседе с одним высокопоставленным, принадлежавшим к «Establishment», чиновником из Форин офис, чей сын посещал Итон. То, что он рассказал, лишило мать дара речи. Из Итона чиновнику написали, он должен запретить сыну играть в футбол, так как у того имелась сердечная недостаточность и нагрузки могли оказаться для него опасными. Он, однако, этого не сделал, так как положение сына среди приятелей существенно зависело от спортивных успехов, он в этом смысле не желал ему повредить. К сожалению, сын скончался на футбольном поле. Мать, как нетрудно представить, была потрясена этим рассказом. Для отца, выслушивавшего мои отчеты о школьной жизни в Вестминстере с неизменным интересом, эта история послужила еще одним доказательством тому, что Public Schools, в которых воспитывалась правящая элита империи, выпускали отнюдь не слабаков. Я мог подтвердить это впечатление по опыту в Вестминстере.

Не прошло и двух лет, как однажды, на банкете по поводу визита Гитлера в Италию, Муссолини поинтересовался у матери ее оценкой англичан. (Она сидела справа от Муссолини, так как за границей ей – Гитлер не был женат – приходилось играть роль «первой» дамы Германии, внутри страны эту позицию занимала фрау Геринг.) Спонтанно мать поведала «дуче» историю о смерти юноши на футбольном поле, внушая этим представление о жесткости английских руководящих кадров. После банкета она, слегка озабоченно, рассказала отцу о состоявшемся разговоре, так как не была уверена, что ее ответ на вопрос Муссолини пришелся кстати. Отец успокоил ее: в принципе, всегда лучше переоценить противника, чем недооценивать его. Дурацкие пропагандистские выдумки «in the long run» нередко приводили к результатам, противоположным ожидаемому, принося больше вреда, чем пользы.

Как уже говорилось, школьная жизнь в основном протекала в рамках домов. Прежде всего спортом занимались в кругу дома. Футбол и крикет, как командные игры, являлись основными видами спорта, в школьной жизни им придавалось чрезвычайное значение, неважно, шла ли речь о соревнованиях между домами или о выступлениях против других школ. Организация спорта находилась, как и многое в другое в Вестминстере, целиком в руках учеников.

House возглавлял преподаватель, так называемый «housemaster». Многочисленные функции в пределах дома выполнялись учениками «upper», без больших формальностей получавшими как бы «начальствующее положение» над другими обитателями дома и рас-

полагавшими соответствующим авторитетом, который, однако, в целом применялся осторожно. Все происходило в традиционных и потому твердо установленных формах.

Часть учеников принадлежала, как и я, к приходящим, вечерами возвращавшимся домой. Размещение учеников в интернате соответствовало уже описанному «спартанскому» стилю. Обедали все вместе. Обед ни в чем не уступал древней «Спарте» и был в том, что касается незатейливости и неаппетитности, превзойден лишь едой в Ильфельде, во всех отношениях заслуживавшей обозначения «Супер-Спарта». Старшие поколения всегда полагают, что им жилось тяжелее, чем молодежи, но я охотно посмотрел бы однажды на реакцию сегодняшних учеников и, не в последнюю очередь, их родителей, когда бы им была предложена пища из Вестминстера или Ильфельда.

В обеих школах культивировалась неприхотливость! В моих глазах очень важный педагогический момент, с тем чтобы подготовить молодых людей к жизни, которая, как известно, кормит не одними только сливками!

Школьная жизнь в Вестминстере являлась необычайно многосторонней и разнообразной при условии пользования предлагавшимися возможностями. Существовали различные учреждения в областях искусства, спорта, науки, вплоть до «Debating Club». Участие в мероприятиях всегда было добровольным. Ими руководили выбранные ученики. Так «Debating Club» устроил однажды риторическое состязание на тему, выбранную, очевидно, в мою «честь»: «Должна ли Германия вновь получить колонии или нет?» Тема в 1936 году и впрямь актуальная! «Discussion-Meeting» проводился в соответствии со следующим регламентом: из числа школьников выступали два «proposers» и два «opposers» в качестве представителей тех, кто одобрял возвращение колоний или тех, кто придерживался противоположной позиции. Им отводилось по пять минут времени и, естественно, они должны были говорить не по бумажке. Потом любой мог взять слово и имел право на таких же условиях держать речь в течение двух минут. В конце происходило голосование.

Поскольку я также присутствовал, используя возможность изложить немецкую точку зрения, большинство любезно проголосовало за возвращение колоний. Остается только пожелать немецким школьникам учреждения подобных «Debating Clubs», где они смогли бы приобрести и развить способность выдержанно и по-деловому подвергать обсуждению несхожие мнения.

Это мероприятие произвело на меня в то время большое впечатление. Меня так и подмывало улыбнуться, когда какой-нибудь десятилетний «малец», заложив большой палец за отворот визитки, преважно обращался к соученикам со словом «Gentlemen», излагая им свое мнение по поводу предложенной темы. С другой стороны, воспитательная ценность подобной тренировки речи для меня была полностью очевидной. Весь «Meeting» проходил, так сказать, в парламентских формах, являя собой великолепный способ воспитания дисциплины и находчивости и, не в последнюю очередь, готовности принять чужую точку зрения и, при случае, спокойно снести поражение при голосовании. У моих школьных товарищей ощущалось английское предпочтение остроумно и находчиво ведущейся дискуссии. Британское «don't argue» для предотвращения ожесточенных и назойливых и, в конечном итоге бесплодных дебатов, говорит за себя¹²⁹.

В будничной жизни Вестминстера политика, в общем, не являлась особенно важной темой. Со своей стороны, я не провоцировал и не начинал никаких разговоров о политике, если никто не заговаривал со мной на эти темы, что случалось крайне редко. Мне удалось, несмотря на серьезные проблемы с языком, влиться в коллектив в «моем доме» и, когда в различных соревнованиях, в том числе и между школами, я смог добиться некоторых успе-

---

¹²⁹ Имеется в виду: Don't argue with an idiot; people watching may not be able to tell the difference. – Никогда не спорь с дураком, может статься, слушатели не уловят разницы (приписывается Марку Твену).

хов в легкой атлетике, меня стали окончательно рассматривать как «своего». Тем не менее, в моем открытом положении сына немецкого посла в то политически бурное время требовалось неизменно «держат ушки на макушке», т. е. не терять бдительности. Вскоре со мной произошел в этом смысле забавный случай.

Однажды друзья обратили мое внимание на то, что один Member of Parliament¹³⁰, то есть депутат нижней палаты парламента, будет читать очень интересный доклад о Лиге Наций, который мне непременно стоит прослушать. Выяснилось, что этот депутат – некий мистер Гарнетт – являлся президентом так называемой «Лиги союза наций», своего рода неформального объединения, видевшего свою задачу в пропаганде идеи Лиги Наций. Мероприятием в порядке исключения руководил учитель, мистер Блейк, вероятно, потому, что выступавший являлся членом парламента. В отношении мистера Блейка меня неоднократно предупреждали друзья: он не благоволил к моей стране. Этот доклад мог явиться для меня увлекательным делом: в конце концов, Германия за три года до того покинула Лигу Наций, чтобы не подвергаться нажиму в вопросе о немецком равноправии. После выхода ряда других государств Лига Наций потеряла всякое значение – не слишком приятное положение, как можно себе представить, для функционера объединения в поддержку Лиги Наций.

В придачу Гитлер совсем недавно объявил свой четырехлетний план, призванный решить проблемы немецкого снабжения сырьем. Целью являлось достижение, по возможности, далеко идущей автаркии. Существовали две причины добиваться экономного обращения с сырьем и продовольствием: нехватка валюты и опыт Германского рейха в Первой мировой войне с осуществлявшейся Великобританией морской блокадой, то есть с блокадой снабжения по морю, от которого бедная сырьем Германия зависела как в военное, так и в мирное время, – обстоятельство, чреватое опасностью шантажа.

Лишь в течение 1936 года Гитлер решился на урегулирование проблем обеспечения рейха в сырьевом секторе (включая снабжение пищевыми продуктами) в форме «четырёх-летнего плана». Этот момент включает в себе дальнейшее указание на его первоначальную внешнеполитическую концепцию союза с обеими западноевропейскими державами. В случае ее осуществления, при тесном международно-политическом сотрудничестве в Европе, сырьевое снабжение рейха было бы без проблем гарантировано также и в случае кризисов в Восточной Европе. «Четырёхлетний план» повлекла за собой неясность в отношении политики Великобритании – три с половиной года спустя с прихода Гитлера к власти.

Участие в мероприятии такого рода являлось, как всегда, добровольным. Мне, однако, после разговора с друзьями выбирать не приходилось, надо было появиться на докладе. Кроме того, не уклоняться от представителя «идеи Лиги Наций» было и «политически» правильно, поскольку немецкая политика также стремилась, как известно, к западноевропейскому сотрудничеству. От Лиги Наций с немецкой стороны отказались лишь как от инструмента увековечения «Версаля» через нажим, оказываемый на Германию! Доклад происходил в «Library», «как бы невзначай» меня усадили на место в первом ряду напротив трибуны для докладчика. Вместительный зал был заполнен до предела, свободных мест не было.

Принимая во внимание позицию докладчика, я не особенно рассчитывал услышать приветливые слова в адрес Германии и ее правительства, но то, что он нес, своей агрессивной односторонностью попирало элементарные – по отношению к иностранцу – правила такта и вежливости. До меня быстро дошло: я обязан, если такая возможность предоставится, попросить слова после доклада мистера Гарнетта. Я не мог безмолвно снести грубые нападки на свою страну. Это явилось бы разочарованием для друзей, напряженно ожидав-

---

¹³⁰ Сокращенно: МР.

ших моей реакции. Наибольшая трудность заключалась в моих ограниченных познаниях языка, явно недостаточных для дискуссии, которая, возможно, случится.

Когда докладчик закончил, мистер Блейк действительно пригласил присутствующих задавать вопросы. Пропустив вперед нескольких слушателей с их вопросами, я также попрощал слова, чтобы указать, что истоки «четырёхлетнего плана» и нынешних немецких стремлений к автаркии – они были резко раскритикованы докладчиком, видевшим в них доказательство отсутствия в Германии стремления к сотрудничеству, – в конечном итоге, находятся в Версальском договоре, по которому, как известно, Германия потеряла все свои колонии. Нехватка сырья, вследствие отсутствия его заокеанских источников, вынуждает мою страну использовать любые возможности его добычи и экономии. Для того и только по этой причине и был разработан «четырёхлетний план».

Ответ мистера Гарнетта не был ни особо удачным, ни искусным, но исключительно полемическим. Не разбирая моих аргументов по существу, он заявил мне, что я не должен касаться Версальского договора, «поскольку если бы Германия выиграла войну, то немцы продиктовали бы своим противникам куда более тяжелые условия – это доказывает Брест-Литовский договор, заключенный рейхом с русскими».

За этим ответом угадывались кое-какие угрызания совести в отношении Версаля. Мне в тот момент пригодилось знание истории: я смог возразить мистеру Гарнетту, что Брест-Литовский договор все же подарил свободу и независимость народам Восточной Европы – полякам, латышам, эстонцам, литовцам, финнам и т. д. Он не нашелся, что возразить. Эти государственные образования соответствовали, между прочим, идеям плана из 14 пунктов американского президента Вильсона.

Вместо того чтобы ответить мне, мистер Гарнетт, обратившись к мистеру Блейку, произнес тому шепотом что-то, побудившее мистера Блейка встать и объявить: «We don't want to hear speeches, we want to hear questions»¹³¹. Мой английский был в то время, о чем уже говорилось, каким угодно, только не совершенным, но я ухватил достаточно, чтобы понять, меня лишают слова.

В этот момент за моей спиной произошло нечто странное. Я услышал гул множества отодвигаемых стульев и, обернувшись, установил, к моему изумлению, что почти все присутствовавшие уже покинули зал; запоздавшие как раз собирались это сделать, покидая мистера Гарнетта и мистера Блейка в компании трех-четырёх оставшихся слушателей. Поскольку и для меня не было смысла задерживаться, я также покинул зал собраний, чтобы забрать свои вещи и пойти домой.

Когда я подошел к «Эшбернхему», меня ожидал там «Head of House». Он имел очень британскую наружность: высокий, сухопарый, с огненно-рыжей шевелюрой. Его звали Асквит. Некий Асквит, а именно Герберт Генри Асквит, в 1914 году, когда началась Первая мировая война, являлся британским премьер-министром. «Head of House» был в компании весьма привлекательной женщины. Он представил ее как свою мать, она, очевидно, также находилась среди слушателей доклада. Заговорив со мной без обиняков и очень любезным тоном о дискуссии, прерванной мистером Блейком, она назвала его поведение «непростительным». Прерывать такую интересную дискуссию – неслыханное дело, не считая того, что это мое право и обязанность вступить за свою страну, когда на нее нападают. И, впрочем, я был абсолютно прав. Я ни в коем случае не должен считать поведение мистера Блейка типичным для Англии, напротив, это не английский стиль. Я находился под сильным впечатлением оказанного мне великодушия, будучи, одновременно, в изумлении от того, насколько серьезно трактовалось дело. Это маленькое происшествие вскоре стало известно в Лондоне, так как спустя короткое время со мной заговорил о нем профессор Конвелл-Эванс, старый

---

¹³¹ «Мы не желаем слушать речей, мы желаем слушать вопросы».

собеседник отца, – он считал, что я достойно ответил мистеру Гарнетту, державшему «silly speech». Однако больше всего меня тогда поразила фундаментальная враждебность к немцам, сквозившая в словах этого парламентария. Речь по сути не шла о немецком стремлении к автаркии, от которого, заключив основополагающее соглашение с западными державами, можно было в любой момент отказаться. За его высказываниями просматривалось традиционное правило британской политики, принципиально выступать против сильнейшей континентальной державы. Такой предикат на рубеже 1936–1937 годов влиятельные круги Великобритании уже отнесли к рейху, хотя этой мнимой «силы» еще и приблизительно не имелось в наличии. Замечательной являлась также спонтанная реакция моих соучеников, из великодушия покинувших зал после того, как преподаватель лишил меня возможности аргументировать в пользу моей подвергшейся нападкам страны. Как по команде они встали и ушли. В последующие дни со мной неоднократно заговаривали в тоне матери Асквита.

Известные Public Schools были полностью интегрированы в политическую систему и занимали определенное место в общественной жизни. Осознание школьниками, что они до определенной степени находятся в центре внимания общественности, придавало им самообладания и чувства собственного достоинства. О событиях в школе большая лондонская пресса сообщала зачастую в деталях. Так, к моему немалому изумлению, о моей победе в толкании ядра было напечатано даже с фотографией. Постоянно организуемые «Competitions» являлись важным моментом воспитания характера. Они укрепляли нервы, приучая невозмутимо принять поражение, поздравить выигравшего противника, в конечном итоге, победа или поражение не воспринимались больше чересчур серьезно.

Придя утром в школу, спустя несколько дней после начала занятий, я решил, что заблудился, угодив по недоразумению в одну из расположенных неподалеку гвардейских казарм. Всюду бегали солдаты, в безупречной форме цвета хаки, при более близком рассмотрении они оказались учениками Вестминстера в британской офицерской форме. На мой удивленный вопрос, не случилась ли где-то в «Empire» война, мне со смехом разъяснили: те, что в форме, – это ученики, решившие принять участие в ОТС. Сокращение ОТС расшифровывалось как «Officer Training Corps». Участники проходили допризывную военную подготовку и предусматривались, на случай реальной опасности, в качестве офицерского резерва.

В тот же день симпатичный молодой преподаватель, облаченный по случаю в форму капитана британской армии, обратился ко мне с вопросом, не хотел бы я также принять участие. Можно себе представить, насколько я был озадачен. В 1936 году получить в качестве сына немецкого посла в Лондоне приглашение принять участие в британском допризывном военном обучении, имевшем целью подготовку офицеров на случай войны, не было повседневным событием!

Естественно, мне очень хотелось бы познакомиться с этим обучением – ведь ничего сравнимого в Германии не имелось. Насколько я мог установить на «square», речь шла об упражнениях с легким оружием пехоты. Никаких тайн, следовательно, не было и в помине. Однако по опыту с Геббельсом и фотографиями для прессы в визитке и цилиндре я полагал за лучшее, прежде чем вступить в «His Majesty's Army», получить на это согласие отца. Одно, во всяком случае, было ясно: от удовольствия вынести на первые полосы газет фотографию сына немецкого посла в форме английского пехотинца тамошняя пресса ни за что бы не отказалась.

Отец был так же удивлен, как и я. Он полагал, что было бы, вероятно, очень интересно однажды взглянуть на это. Он также не думал при том о военных тайнах, которые я смог бы разузнать, его интересовал принцип. В Германии до самого разгара войны не имелось допризывной военной подготовки молодых людей. По моему мнению, огромное упущение! Насколько быстрее и интенсивнее могло бы идти обучение наших рекрутов, если бы они до военной службы смогли познакомиться с определенными основными понятиями ору-

жейной техники и «поведения на поле боя». Даже в «Narola» ничего не делалось в этом отношении. По коротком размышлении, отец предложил, принимая, очевидно, во внимание осложнения «дома»: «Запроси согласие школы принять участие в обучении в немецкой форме». Учитель-капитан не видел возможности удовлетворить эту просьбу, так что перспектива в пятнадцать лет поиграть в «солдата Его Величества», к сожалению, не осуществилась.

В Великобритании с некоторого времени начали интенсивно вооружаться. В высшей степени важный, исходя из собственного опыта, я бы сказал важнейший, фактор успешного и эффективного вооружения – это всегда наличие хорошо подготовленных офицеров. Обучение офицера длится дольше, оно, однако, является необходимой предпосылкой формирования боеспособной армии. Каковы командиры, таково и войско! В Великобритании к решению этой задачи подходили последовательней, чем у нас. В Германии только к концу войны было организовано допризывное обучение на базе гитлерюгенда. Его глава, Бальдур фон Ширах, разъяснил после войны: он отказал вермахту – в лице офицера связи между вермахтом и имперским руководством гитлерюгенда Роммеля (позднее знаменитого генерала) – в допризывной подготовке гитлерюгенда, так как она не соответствовала его представлениям – что бы он под этим ни разумел – о национал-социалистической молодежи. После 1933 года Ширах написал книгу под названием «Гитлерюгенд, идея и облик». Никто из нас этой книги не читал, говорили о ней несколько пренебрежительно, как об «идее без облика». Разумеется, такое принципиальное решение, как допризывная подготовка в молодежной организации, должен был, в конечном счете, принимать и отвечать за него сам Гитлер. Я утверждаю, кое-какие кровавые потери нам удалось бы на войне избежать, если бы уже в мирное время начали военную подготовку молодых людей. Снова и снова мы, офицеры, вдалбливали как нашим новобранцам, так и имеющим боевой опыт солдатам: «Обучение сберегает кровь». Этот пример также не свидетельствует в пользу агрессивных вождельных Гитлера; наоборот, его следует упрекнуть в том, что неизбежный риск проводимой им внешней политики не был согласован с последовательным и полным вооружением. Я еще возвращусь к этому.

В своем рассказе о Вестминстере я должен почтить память одного из товарищей по классу и дому. Он, его звали Энтони Нейл Веджвуд Бенн, прославился в качестве «крайнего левого» Лейбористской партии. Его отец – стоит заметить – позднее лорд Стэнгейт, Уильям Веджвуд Бенн. Однако в моем доме и классе речь шла, пожалуй, о его брате, который, как свидетельствует школьный регистр, погиб на войне, будучи летчиком-истребителем. Но и этот брат также был достойным упоминания явлением в нашем «under», и я убежден, он сделал бы после войны политическую карьеру, когда бы захотел заняться ею. Мальчик был уже в 15 лет прирожденным политиком. Обладавший даром речи, находчивый, дерзкий, но также весьма искусный и интеллигентный, он занимал в нашем «under» особое положение. Ничто не обходилось без него. Что бы ни затевалось, Веджвуд Бенн был во всем замешан и оказывал влияние на многие дела. Когда он выходил перед классом, заложив большой палец за отворот визитки и обращаясь к классным товарищам со словом «Gentlemen», что, кстати говоря, никого не удивляло, казалось, он уже стоит перед Нижней палатой, давая разъяснения или произнося речь. Меня не слишком удивляет то, что его брат Тони принадлежал к крайнему левому крылу Лейбористской партии, поскольку в Вестминстере имелся в то время, как помню, определенный леволиберальный налет. Не в последнюю очередь этим объяснялся резонанс, вызванный моим указанием мистеру Гарнетту на свободу восточноевропейских народов, которую дал им договор в Брест-Литовске между Германией и Россией. Веджвуд Бенн из моего «under» казался мне все же довольно прагматичным и обладающим в надлежащей мере «common sense». Леволиберальная или даже частично социалистическая

тенденция в Вестминстере не ослабила готовности школьников сражаться за свою страну, о чем говорит большое число павших среди выпускников школы.

Об «Отечестве», то есть «Empire», собственно, никогда не говорилось. Глубокая привязанность к монархии и королю, как персонификации этой мировой державы, была настолько самоочевидна, что о ней не требовалось и упоминать. По-настоящему живая традиция сообщает глубокую внутреннюю уверенность. Эту связь с короной можно было впечатляющим образом ощутить – в Вестминстере и вне его – летом 1937 года по случаю коронации Георга VI.

Впечатления, полученные в Вестминстере, врезались в память и, будучи углубленными и осмысленными в беседах с родителями, стали частичкой моих знаний и опыта. Родители слушали с большим вниманием, когда я делился впечатлениями о школе. Они находили в моих рассказах подтверждение своему мнению, что Public Schools, по крайней мере, старинные и известные, являлись, в конечном счете, одним из корней британской мировой империи. Из них и – на следующей ступени обучения – из Оксфорда и Кембриджа рекрутировались активные деятели и политики, собравшие воедино мировую империю и затем в течение трехсот лет удерживавшие ее. Смогут ли эти традиционные институты и в 21-м столетии породить великие личности, обладающие дальновидностью, силой духа и смелостью, необходимыми для того, чтобы создать в быстро меняющемся мире предпосылки той роли, которую Великобритания и сегодня хотела бы играть в мире?

Руководство британской мировой державы всегда выросло из небольшого, но властного слоя, очень дисциплинированно и, когда требовалось, беспощадно и беззастенчиво представлявшего интересы империи. Его воспитание не было отдано на волю случая, но осуществлялось в рамках вековой традиции университетами и Public Schools, к которым относился и Вестминстер. Известный английский писатель и дипломат Гарольд Джордж Никольсон однажды охарактеризовал принципы отбора британской руководящей элиты приблизительно следующим образом: он исходит из того, что английский народ по природе своей великодушен. Воспитание великодушия является фундаментом воспитания характера в школах и университетах. Это обуславливает четкие правила, и отсюда неизбежный конформизм. Великодушием, однако, не завоюешь и не удержишь мировой империи. Для этой задачи годны лишь персоны, способные освободиться от этого воспитания и конформизма. Лишь они в состоянии править мировой империей с неизменно требующейся «хваткой» и, если понадобится, с беззастенчивостью.

Мне повезло в мое школьное время поучиться в трех замечательных школах. Одной из них был Вестминстер. Значение года, проведенного в этой школе, заключалось для меня не столько в полученных знаниях, сколько в ознакомлении с важными принципами воспитания, ориентированными, в конечном итоге, на подготовку к политической жизни в широком смысле. Этот опыт означал для меня в 15/16 лет необыкновенное расширение моего горизонта, в первую очередь, также потому, что мне суждено было приобрести его на фоне начинающихся драматических международно-политических перемен.

Headmaster написал под моим выпускным свидетельством: «Good ambassador for his country». Родители были очень обрадованы, я видел в этих словах забавную и любезную формулировку. Во время войны, в связи с врученной мне наградой, британскую прессу обошло сообщение о «british educated son of German Foreign Minister». Это уже, естественно, было большим преувеличением. Готовность сражаться за свою страну была в то время в Великобритании также само собой разумеющейся, как и в Германии. В списке бывших учеников, присланном мне после войны, были в том числе приведены мое воинское звание и полученные боевые награды.

Моя былая принадлежность к Westminster School не помешала, однако, землякам моих школьных товарищей запереть меня в одну из так называемых «murder cage» в Гам-

бурге-Фишбеке и гноить там месяцами без вызова на допрос, не говоря уж о предъявлении обвинения. В Дахау я был приведен к некоему канадскому капитану-десантнику, спросившему меня, знаю ли я, за что сижу. Я только и мог ответить, что надеялся узнать причину у него. Оказалось, я будто бы застрелил двух канадских пленников, не желавших давать показания. На мой вопрос об обстоятельствах дела он наплел мне следующую небывлицу. Я якобы вел допрос военнопленных в одном французском доме и, так как они не желали давать показаний, расстрелял их из пистолета. Одного я будто бы убил наповал, другого лишь ранил в бедро – он притворился мертвым и ночью вернулся к своим.

От такой дури меня потянуло на дерзости, я заявил: он и сам, поди, не верит в то, что расписал. Я задал ему уточняющий вопрос, где и когда это должно было случиться. В ответ получил, он мне этого не скажет, я должен составить ему точный перечень, где и когда я находился на Западном фронте. Я лишь расхохотался ему в лицо. Это являлось обычной практикой, применявшейся также и американскими обвинителями в Дахау. Не вызывая на допрос, они держали бедного заключенного по два года и больше в Дахау. Затем следователь дружелюбным тоном обнадеживал, следствие будет окончено, если тот точно и подробно опишет, где и когда находился. Поддавался человек на эту уловку в надежде, что его дело придет в движение, тут же мобилизовывались профессиональные «свидетели», клявшиеся, что видели его тогда-то и тогда-то, там-то и там-то – и вот уже готов приговор «смертная казнь через повешение». Эту практику в Дахау во время тамошних процессов мы имели возможность неплохо изучить¹³².

В этом британском концлагере летом 1947 года – как раз прошло десятилетие со времени моего ухода из Вестминстера – мне вспомнился мой любезный Headmaster, и я решил обратить его внимание на свою судьбу в руках его земляков. «Технически» это было сделать непросто. Вся почта заключенных, хотя они и являлись в юридическом смысле разве что «подследственными», подвергалась в Гамбурге-Ральштедте строгой цензуре. Не требовалось буйной фантазии, чтобы представить неприятные последствия, которые имело бы это письмо с жалобой, не говоря уж о том, что оно до адресата наверняка бы не дошло. Письмо, следовательно, нужно было отправить тайком.

Так называемая «murder cage» являлась своего рода «особым лагерем» внутри лагеря. С большим размахом огражденная колючей проволокой и электрическим забором, она охранялась толпой польских и югославских надзирателей, то есть поляков и югославов, не желавших после войны возвратиться на родину. Заключенные «особого лагеря» были полностью лишены контакта с внешним миром за одним исключением: им разрешались свидания. Они, однако, обставлялись так, что передать письмо было невозможно. С посетителем приходилось говорить через москитную сетку. При этом бок о бок как с заключенным, так и с посетителем сидели «польские охранники», почти всегда говорившие или, по крайней мере, понимавшие по-немецки. В качестве поблажки новый начальник лагеря, некий капитан (его предшественник, капитан Картер, был смещен из-за жестокого обращения с заключенными), разрешил, после досмотра польским охранником, возвращать посетителям для повторного употребления упаковку от передач. Это и был выход. Я обработал небольшую коробку из гофрированного картона, очень осторожно разрезав картон, и заложил письмо внутрь.

В письме я описал подробно свою ситуацию, указав прежде всего на то, что я до сих пор не знаю, в чем меня обвиняют, хотя мой адвокат неоднократно обращался с ходатайством в следственные органы. Я спрашивал его, не мог бы он мне помочь или, по крайней мере, узнать, в чем я виноват. Наконец, я просил его ни в коем случае не писать мне, поскольку

---

¹³² См.: книги монсеньора Карла Моргеншвайса, тюремного священника в американской тюрьме для военных преступников в Ландсберге, где происходили казни; Morgenschweis, Karl: Strafgefängener Nr. 9496, Pater Rupert Mayer S. J., München 1968.

наша почта подвергается цензуре и из его послания – если он мне захочет ответить – естественно, будет ясно, что я сносился с ним запрещенным образом, минуя цензуру. Это повлечет для меня серьезное наказание. В данных условиях он мог бы послать известие моей матери. Мое письмо действительно дошло до адресата, вскоре Headmaster написал матери, он провел «inquiries»; против меня ничего не имеется.

Поначалу казалось, что мое обращение к Headmaster (у) возымело действие – меня перевели из «murder cage» в «нормальный» лагерь. Затем проблема моего заключения под стражу (на основании «вины нации») была решена «испытанным» способом: спустя несколько недель меня выдали французам. Одновременно произошел похожий случай, однако с фатальным исходом. С нами в заключении находился граф Бассевиц, в прошлом высокопоставленный офицер полиции. Англичане устроили ему процесс по обвинению в якобы имевшем место расстреле «остарбайтеров». Поскольку вина подсудимого не была доказана, англичанам ничего не оставалось делать, кроме как признать его невиновным. Тогда они, сразу после оглашения оправдательного приговора, выдали Бассевица русским. Больше о нем никто ничего не слышал. Его защитником был известный гамбургский адвокат д-р Гримм, образцово ведший также и мое дело, так, что я был в курсе происшедшего.

Но не будем забегать так далеко вперед, возвратимся к прошлому в Лондон. Не только школа в Лондоне предъявляла требования ко мне, но и посольская жизнь родителей. Когда я, вскоре после зачисления в Вестминстер, однажды вечером возвратился домой, мать велела мне быстро переодеться – я был приглашен на коктейль к дочери королевского лейб-врача, в этом сезоне дебютировавшей в свете. В ответ на требование я бросил на мать недоуменный взгляд. «Нужно явиться на коктейль!» Еще пару недель назад моими занятиями в свободное время были походы с палатками и игры на свежем воздухе.

Я упомянул вскользь это маленькое происшествие, собственно, лишь в доказательство интереса, с которым мои родители были встречены в Лондоне¹³³, и позитивного резонанса, который получило назначение отца в Лондон в обширном кругу его друзей и знакомых. К планомерной клевете, уже в те времена систематически распространявшейся «заинтересованными кругами», относится утверждение, у отца развилась неприязнь к Англии, поскольку ему не удалось добиться успеха в обществе¹³⁴. Это не соответствовало действительности. Но, даже будь здесь доля правды, это в любом случае не имело бы большого значения. Когда, наконец, в Германии поймут, что задачей посла является представлять интересы своей страны и сообщать в отчетах объективную информацию, а вовсе не завоевание во что бы то ни стало популярности в принимающей стране, то есть достижение «успеха в обществе»? Британский министр по делам колоний, Джозеф Чемберлен¹³⁵, в одной из своих речей в преддверии Первой мировой войны констатировал по данному поводу: «Ни один

¹³³ В лондонском литературном журнале «Strand», в те времена очень известном, в марте 1937 года (номер 555, S. 511–519) появилась необычайно пространная статья об отце (Hitler's Man of Strength, A Character Study of Herr von Ribbentrop, The New German Ambassador to Britain). В ней, в частности, говорилось: «... He is unmistakably one of the most attractive spokesman of a regime... handsomely endowed both mentally and physically... Herepresents modern Germany to the world in its most attractive light...»

¹³⁴ В очередной раз выделяются клеветнические измышления Шпици (Spitzzy, R.: a. a. O., S. 99), на самом деле прекрасно знавшего подлинные связи и положение родителей в лондонском обществе. Завышенная оценка так называемого «успеха в обществе», здесь на примере Шпици, изобличает менталитет клеветников! Лишь для примера процитирую письмо американского писателя Джейсона Линдсея госпоже Марианне Штельцер из Бонна от 15 мая 1991 года. В нем, среди прочего, говорится: «[...] Before the second War, I was in London and was fortunate enough to be on Herr Ribbentrop's invitation list when he was Ambassador here. An invitation to the German Embassy during his tenure was the most sought after and most highly prized in London. My good friend Prince George (later Duke of Kent) never turned down an invitation from Ribbentrop and it had been through Prince George that I had been introduced to Ribbentrop. I thought he had great charisma and he was certainly a superb host. [...]»

¹³⁵ Джозеф Чемберлен (1836–1914), в XIX столетии – влиятельный английский политик, являлся отцом британского премьер-министра Артура Невилла Чемберлена.

британский министр, верно служивший своей стране, не был любим за рубежом»¹³⁶. Какую независимую позицию в интересах своей страны демонстрирует здесь Чемберлен! Нужно было бы вписать его слова в настольную книгу каждого немецкого дипломата.

Время от времени я должен был, насколько это позволяли мои школьные обязанности, «выходить на замену», когда матери требовался человек для соблюдения правил размещения гостей за столом. Так, мне пришлось не раз принять участие в официальных обедах. Один из них я помню особенно хорошо, так как я выступил на нем невольным «нахлебником» знаменитого Ага Хана. Моя мать ввела правило подавать основное блюдо лишь один раз. Я воспринял это нововведение с большим сожалением, поскольку в шестнадцатилетнем возрасте есть хочется, собственно, всегда. Ага Хан получал, как известно, раз в год от своей секты столько золота, сколько весил сам. Не знаю, по этой ли причине он был исключительным гурманом или он попросту любил поесть. Возможно, оба эти мотива совпадали. Во всяком случае, он попросил добавки основного блюда и затем еще добавки, что моей матери – какая домохозяйка воспримет это иначе – невероятно польстило как комплимент ее кухне.

Самым важным для меня в этом году, проведенном в Лондоне, явились, однако, особенно близкие отношения с родителями, сложившиеся под влиянием условий. Шел, о чем я тогда не догадывался, последний год в моей жизни, когда я находился «дома», то есть с родителями. Время от времени мать неожиданно появлялась в моей комнате, чтобы спросить меня, не хотел бы я пойти с ними куда-нибудь поесть. Меня не приходилось просить второй раз сопровождать их в какой-нибудь элегантный ресторан.

Мы проезжали по дороге, однако трущобы и Лондона и других городов оставляли своим унылым видом и грязью тяжелое впечатление. «Социальный вопрос» не имел в то время в Великобритании значения, сравнимого с тем, какое ему придавалось в Германии, где он прочно вошел в общественное сознание. Коммунистическая партия Великобритании была незначительной, лишь один депутат представлял ее в Нижней палате. Этот депутат, его, насколько припоминаю, звали Галахер или как-то в этом роде, оскорбил отца в момент его прибытия в Лондон утверждением, что руки отца были якобы в крови рабочих. Немецкое посольство, как принято, рутинно выразило демарш, предоставив мне, таким образом, повод узнать, о чем идет речь в случае демарша¹³⁷.

Считалось, что король Эдуард VIII очень восприимчив к социальным вопросам. В своей первой поездке по стране в качестве короля он самолично изменил маршрут в Уэльсе, желая составить непосредственное впечатление об условиях жизни в горняцких поселках. Отсюда, как говорилось, у него возникла определенная симпатия к Германии, где улучшение подобных условий являлось программой. Такие вольности не устраивали английский истеблишмент. Отец однажды выразился, когда мы проезжали квартал бедноты: «The British rule the world, but they have to pay for it!» Он подразумевал тогдашнюю безропотную покорность английских масс, направляемых искусной руководящей элитой, – отсюда следовал вывод о поддержке ими великодержавной политики руководства, вернее, о готовности послушно следовать ей. Косвенно слова отца означали: британский народ пойдет за своим руководством, если оно, возможно, решится возобновить борьбу с рейхом. Какое направление примет британская политика? Этот вопрос в наше лондонское время оставался неизменно актуальным.

По прибытии в Лондон отец подчеркнул в своем первом заявлении прессе антибольшевистскую направленность политики немецкого правительства и дал разъяснения по этому поводу. Оскорбление отца депутатом-коммунистом в нижней палате явилось «мстью»

---

¹³⁶ Цит. по: Reventlow, Ernst Graf zu: Deutschlands auswärtige Politik 1888#1914, S. 176; Rede des Kolonialministers Chamberlain in Birmingham am 11. Januar 1902; цит. по: Uhle-Wetter, F.: Alfred von Tirpitz in seiner Zeit, Hamburg 1998, S. 193.

¹³⁷ В данном случае речь идет об устно заявленном протесте в межгосударственных отношениях.

за это. И все же, однако, коренной вопрос и немецкой и британской политики состоял в том, осознает ли британское правительство опасность, исходящую от большевистской России, и передвинет ли оно дальше на восток «точку равновесия» своей политики «Balance of Power» (баланса сил), то есть будет ли оно не только лишь терпеть, но и поддерживать европейский противовес, чьей основой может стать лишь «готовая к обороне» Германия?

Как писал отец немецкому послу в Риме Ульриху фон Хасселю:

«Немецкая политика должна попытаться: разъяснить англичанам реальную опасность большевизма, предотвратить их присоединение к большевистскому фронту и поощрять представление, что для их мировой державы *à la longue* существенно большую опасность представляет дальнейшее распространение большевизма (...)».

Что имелось в виду под этой опасностью, можно было наблюдать в то время в Испании, где левое правительство в результате дворцового переворота было свергнуто коммунистами. «Политическое» лето 1937 года немецкого посла в Лондоне было посвящено беспрерывно заседавшему «Комитету по невмешательству» в Гражданскую войну в Испании. Он символизировал неопределенное состояние международных отношений и бесплодные совещательные дебаты не хуже, чем до него это проделывала Конференция по разоружению, ведь в действительности многие из представленных в нем государств, и это ни для кого не являлось секретом, энергично вмешивались в испанские дела. Неоднократно отец сокрушался по поводу немецкой военной активности на Пиренейском полуострове, приведшей, наряду с итальянским и русским военным присутствием, к тому, что ситуация естественным образом обострилась. С другой стороны, он спрашивал себя также, было ли бы немецкое невмешательство по достоинству оценено британским правительством в смысле германо-английского соглашения, когда и имеющее для Англии намного большее значение морское соглашение не привело к существенному изменению британской политики.

Коронация и отчет

Как ни прискорбно было отречение Эдуарда VIII для германской политики, мне оно дало возможность во время пребывания в Лондоне стать свидетелем коронации английского короля Георга VI. Естественно, у меня не было доступа в Вестминстерское аббатство, где проходила сама церемония, однако я в полной мере пережил всю многодневную процедуру, с одной стороны, благодаря школе (школьные здания соединялись проходом с Вестминстерским аббатством), с другой, из-за того, что немецкое посольство было, естественно, втянуто в празднества по случаю коронации. Здание посольства к тому же стояло в те времена на «The Mall», фешенебельной улице, соединявшей Букингемский дворец с Адмиралтейством; по ней двигалась коронационная процессия в сторону Вестминстерского аббатства. Отец видел в коронации возможность сообщить новые импульсы своим усилиям по установлению германо-английской дружбы. Вынужденное участие в «Комитете по невмешательству» в Гражданскую войну в Испании, заседавшем в Лондоне, не способствовало тому, чтобы облегчить его задачу. Я знал по рассказам матери о колебаниях Гитлера, должен ли он вообще кого-то посылать на празднества и, если да, то кого ему направить в качестве своего представителя. Принимая во внимание инциденты в Испании, затронувшие немецкий военно-морской флот¹³⁸, и к тому же английскую позицию в Комитете по невмешательству, обсуждался вариант, не назначать никого, а передать задание послу, то есть отцу. Отец прилагал все усилия к тому, чтобы Гитлер послал своего эмиссара на коронацию, все противные утверждения являются клеветой. Отца могло устроить все, что облегчало его задачу в Англии.

Самым большим «общественным» событием, в котором мне довелось принять участие, явился праздник, устроенный посольством в честь представителя Германии на коронации тогдашнего имперского военного министра Бломберга. Это было особенное переживание. Герцогиня Кентская – герцогская пара представляла на этом вечере в посольстве британский двор – показалась мне прекраснейшей женщиной во всем свете. К этой необыкновенно очаровательной и, в отличие от многих членов королевской семьи, очень элегантной даме был, на мой взгляд, применим любой превосходный эпитет. Мне выпала честь поцеловать ей руку! Герцогская пара представляла собой одну из красивейших «couples» той эпохи. Они оставались на празднике намного дольше, чем предполагалось. Представительские помещения посольства были забиты битком. Пришло намного меньше отказов, чем обычно ожидается в подобных случаях. Уже на следующий день Лондон обошло высказывание главы французского Генерального штаба Гамелена, делегированного французским правительством для участия в празднествах и, естественно, также приглашенного: «Этот праздник слишком удался, чтобы я мог радоваться по этому поводу!»

После праздника в посольстве состоялся большой морской парад в Спитхедде, в котором я смог принять участие вместе с гостями посольства, – еще один кульминационный момент этих дней. Протокольный отдел посольства арендовал для гостей прогулочный пароход, на нем мы объехали парадный строй британского флота и военных кораблей, присланных со всех стран света. Ровно сорок лет назад, 26 июня 1897 года, в Спитхедде уже проходил парад в те времена еще самого мощного в мире военно-морского флота. Тогдашним поводом послужил юбилей правления королевы Виктории. Опираясь на этот потенциал, английская политика проводила курс на столкновение с Германским рейхом, с которым, как с сильнейшей континентальной державой, в согласии с традиционными правилами британской политики нужно было вести борьбу. То, что эта континентальная держава оказалась весьма удач-

---

¹³⁸ К примеру, бомбардировка немецкого военного корабля, повлекшая человеческие жертвы.

ливым и потому обременительным конкурентом на мировом рынке и, сверх того, приобрела сильный, хотя ни в коем случае не сравнимый с английским, военно-морской флот, добавило направленной против рейха политике стимулов и аргументов.

Последовавшее в итоге противостояние в Первой мировой войне вынудило английский флот разделить с США первое место в мире по мощи военно-морских флотов. Да и в целом Британская империя не смогла после войны восстановить свое главенствующее положение в мире. Вопрос, неизменно актуальный к тому времени в 1937 году и буквально навязывавшийся еще раз ввиду впечатляющей демонстрации мощи, звучал так: применит ли Великобритания этот военный потенциал вновь для подавления сильнейшей в глазах англичан континентальной державы, то есть Германии? Двигутся ли мысли английских имперских политиков опять в том же направлении, которое лорд Бальфур, лидер Консервативной партии, в 1910 году в разговоре с американским послом в Лондоне Генри Уайтом охарактеризовал в следующих выражениях:

«Мы, возможно, свалюем дурака, если не найдем повода объявить Германии войну прежде, чем она построит слишком много кораблей и заберет нашу торговлю». На это Генри Уайт ответил: «В частной жизни Вы добросердечный человек. Как это вяжется с тем, что в политике Вы можете размышлять о таких жутких вещах, как спровоцировать войну с безобидной нацией, имеющей столько же прав обладать флотом, сколько и Вы? Если Вы хотите конкурировать с немецкой торговлей, работайте упорней». Бальфур ответил: «Это означало бы, что мы должны понизить наш стандарт жизни. Возможно, война была бы для нас проще». На это Уайт: «Я в ужасе от того, что, как нарочно, Вы можете выдвигать подобные принципы!» В конце еще раз Бальфур: «Является ли это вопросом права или беззакония? Возможно, это лишь вопрос сохранения нашего господства»¹³⁹.

Но вернемся в Спитхед. Корабли стояли на якоре в четыре ряда, последний ряд был отдан иностранным судам. На нашем прогулочном пароходе отставной британский морской офицер, вооруженный громкоговорителем, рассказывал о кораблях, которые мы проезжали. Во главе «Navy» находился линкор «Warspite», в то время сильнейший в мире линейный корабль. В ряду иностранных кораблей с некоторым злорадством были поставлены бок о бок немецкий и советский корабли, несомненно, ироническая задумка устроителей. Два года спустя, когда отец заключил в Москве германо-русский пакт, отсюда вышла ирония наоборот.

Парадное построение кораблей было к тому времени уже завершено и король с королевой уже осмотрели подготовленные к параду суда, стоявшие на якоре, так что матросы радостно махали нам в знак приветствия. Лишь на русском корабле матросы, уставившись на нас неподвижным взором, проигнорировали наше приветствие. Это побудило нашего комментатора обронить ироническое замечание: команда, вероятно, в этот момент занята выборами капитана на следующую неделю. Что за высокомерие! Этот человек воспроизвел симптоматичную для многих английских политиков позицию непризнания всерьез советской угрозы. Отсюда они имели на прицеле Германию, отказываясь включить Советскую Россию, евразийскую державу, в систему европейского равновесия и принять ее в расчет.

Рейх был представлен крейсером «Германия», построенным в конце концов во времена Веймарской республики, несмотря на все волнения по поводу детского питания. В соответствии с положениями Версальского договора он имел водоизмещение не свыше 10 000 тонн. Большие английские и иностранные корабли превосходили его по размерам в несколько раз. Тем не менее наш комментатор – и отнюдь не из вежливости – назвал его чудом военной техники: уму непостижимо, сколько этот легкий корабль вместил вооружения и брони, обладая

---

¹³⁹ Сообщено американским генералом Альбертом Ведемайером: *Wedemeyer Reports!* New York 1958, со ссылкой на Nevins, Allan: *Henry White, Thirty Years of American Diplomacy*, New York 1930.

при всем при том приличной скоростью. «Германия» являлась в то время все еще сильнее-шим кораблем Кригсмарине, в сравнении с большими военными кораблями, собранными в Спитхедде, она была, однако, лишь «лодкой». В международных морских кругах говорилось о ней как о «карманном крейсере». Она прямо-таки символизировала германскую политику, стремившуюся избежать военно-морской конкуренции с Англией.

Отец составил для Гитлера отчет о коронации и о состоявшейся одновременно в Лондоне Имперской конференции («Отчет о коронации»)¹⁴⁰. Отчет содержит очень позитивную оценку Бломберга и его пребывания в Лондоне. Однако главным образом речь в отчете идет о видах на заключение с Англией долгосрочного соглашения. Вкратце в нем говорится словами отца следующее:

«(...) В настоящий момент складывается впечатление, что структура Британской империи, несмотря на некоторые послабления в последние годы, все еще прочно закреплена в Лондоне и что в Англии намереваются с помощью вооружения, имперского плана обороны, учрежденного сегодня Комитета обороны и прочих организационных мероприятий вновь упрочить связи внутри империи. Отсюда в ближайшие годы придется считаться скорее с укреплением, нежели с ослаблением структуры Британской империи.

(...) Я, со своей стороны, неоднократно вел конфиденциальные разговоры с влиятельными личностями из руководства: большей частью они были весьма дружественными, также и с Иденом и Ванситтартом, с которыми посольство наладило чисто личный, приятный контакт. По сути, в известной установке этих господ в отношении германских интересов, по моим сведениям, мало что изменилось. Невил Хендерсон во время своего первого совещания в Форин офис был, согласно строго доверительной информации, не слишком обнадужен в отношении его будущей деятельности в Германии.

(...) О разговоре с Иденом следует отметить, что он, в Vand, что касается продвижения Западного пакта и вопроса о Бельгии, явился не слишком содержательным.

(...) Англия не хочет связывать себя в отношении Востока. На самом деле она благодаря своей гарантии для Франции и французской гарантии для России сильно вовлечена во французскую систему пактов, то есть косвенно связана с Востоком. Это еще раз подчеркивается длительной моральной поддержкой франко-русского пакта, то есть поддержкой французских гегемонистских амбиций в Европе, выражающихся в союзе Франции с Россией. По тому, как сегодня обстоят дела, существует опасность, что в случае русско-немецкого конфликта Великобритания через Францию окажется втянутой в войну с Германией (приемов для этого имеется в достатке: ложные сообщения Хавас, облыжные обвинения в агрессии, акты саботажа и т. д. и т. п.). Единственным, по видимости, путем предотвратить это явилась бы английская гарантия нейтралитета на случай немецко-русской войны. С ней мы были бы, по всей видимости, и вообще застрахованы на Западе, так как без военной помощи Англии Франция едва ли решится атаковать западные немецкие укрепления. Ключ к ситуации находится, таким образом, исключительно у Англии; поставленные перед альтернативой, с одной стороны, дружба с Германией при полном соблюдении английских интересов (морское соглашение, готовность к гарантии суверенитета стран, лежащих между Англией и Германией, включая Францию) и, с другой стороны, очередная схватка не на жизнь, а на смерть между двумя великими германскими нациями, по сути, за чужие интересы, борьба, которую Англия при известных условиях должна будет начать в намного менее благоприятной ситуации, нежели в 1914 году и которая подвергает риску само существование Британской империи, английские государственные мужи должны все же сделать верный выбор. (...)

---

¹⁴⁰ «Krönungsbericht und derzeitige Lage» от 24 мая 1937 года, составлен по случаю коронации Георга VI, напечатан в: ADAP, Serie C, Band VI, 2, Dok. Nr.380.

(...) Тем временем стоит, несмотря на дружескую коронационную атмосферу, сохранять надлежашую порцию скептицизма (отец говорил о «продолжающихся атаках прессы» против Германии) и не пренебрегать ничем, укрепляя в соответствии с избранной линией наши другие союзы, без того, чтобы нам окончательно закрыть себе английский путь. Лично я поверю в перемену лишь когда английская подпись будет стоять под одним из приемлемых для нас договорных инструментов, будь то по вопросам Бельгии, Западного пакта, колоний или большого общего прямого германо-английского соглашения. Посольство будет, используя все средства, и дальше работать над установлением германо-английской дружбы, причем, разумеется, наша дружба с Италией и Японией во всех отношениях будет приниматься во внимание. Эта работа не может быть названа бесперспективной, поскольку английское общественное мнение, по большей части, относится к Германии благожелательно, речь идет, таким образом, о том, чтобы завоевать на свою сторону правящий слой («ruling elite»).

С таким намерением отец, в то время, когда создавался «Отчет о коронации», пригласил на ленч в посольство Уинстона Черчилля. В разговоре с глазу на глаз Черчилль заявил жестко, но с откровенной прямоотой: «Слишком сильная Германия будет вновь уничтожена!» Отец ответил Черчиллю: на сей раз Германия не одна, у нее имеются союзники, на что Черчилль невозмутимо возразил: «We are pretty good at getting them around at the end!» В своих мемуарах он приводит более забавный ответ, которого на самом деле не произносил: «В Первой мировой войне итальянцев имели союзниками мы (англичане), отсюда лишь справедливо, что на сей раз вы (немцы) имеете их союзниками!» Как обстоит дело, когда победители судят побежденных, показывается на этом примере. Нюрнбергский трибунал признал то, что Черчилль в этом разговоре сказал или не сказал, не имеющим никакого значения¹⁴¹.

В политических разделах отчета трезво анализируется состояние германо-английских отношений ко времени коронации. Отчет ясно отражает затруднительное положение Германии: отнюдь не огромный военный потенциал большевиков, но необходимая для нейтрализации Советской России немецкая мощь воспринимается обеими западноевропейскими державами как угроза¹⁴². Отец касается основной проблемы европейской политики, а именно озабоченности соседей по поводу немецкой мощи, на их взгляд, потенциально ведущей к гегемонии. Он отмечает, что Иден, британский министр иностранных дел, «не слишком содержательно» высказался по поводу «Западного пакта». Однозначно явствует из отчета, что, на случай конфликта с Советской Россией, Германия желает получить «тыловое прикрытие» на Западе в виде гарантии нейтралитета Великобритании. Одновременно он видит опасность войны на два фронта, в том случае, если Великобритания вследствие франко-русского пакта будет втянута Францией в противоборство. Уклонение от возможной схватки с Советским Союзом, если бы советская сторона, имея в союзниках Францию и, не исключено, также и Англию, захотела вызвать конфликт, не находилось целиком и полностью в немецких руках.

Когда отец пишет в отчете, что Германия «должна была бы иметь прямо-таки величайший интерес сохранить Британскую империю, наследницей которой она никогда не смогла бы стать», то это целиком совпадает с концепцией Гитлера. Речь идет, заметьте, о строго конфиденциальном сообщении главе государства, отражающем внутренние, интимные и, таким образом, подлинные соображения германского руководства. Правомерен вопрос, не упустила ли Англия в этой международно-политической фазе шанс гарантировать стабильность «Empire» союзом с рейхом.

¹⁴¹ IMT, Band VIII, S. 229.

¹⁴² Так, например, у Friedman, George: Russian Economic Failure invites a New Stalinism, «International Herald Tribune» от 11 сентября 1998 года.

Чтобы выйти из затруднительного положения, немецкой политике ничего другого не оставалось, как искать друзей там, где их можно было найти, не отказываясь от шанса соглашения с Великобританией. Важнейшим побудительным мотивом заключения «антикоминтерновского пакта» с Японией была угроза, исходящая от Советского Союза. Она являлась в той же мере актуальной для Японии, как и для Европы. Другим аспектом был как таковой прорыв изоляции.

В Советском Союзе Гитлер видел принципиального противника как Германии, так и европейской культуры. Как он писал в уже упомянутом Меморандуме о четырехлетнем плане летом 1936 года, победоносная агрессия СССР означала бы величайшую катастрофу человечества со времен заката Римской империи. На этом факте основывалась в его глазах правдоподобность аргументации по отношению к Англии. В «новой» системе европейского равновесия, по немецкому представлению, Германия с Францией и Великобританией находились на одной и Советский Союз – на другой чашечке весов. С тем чтобы не подвергнуться опасности с этой концепцией полностью зависеть от доброй воли Великобритании, Германия должна была «оптирывать», как того непрестанно требовал отец. В расчет принимались, согласно положению вещей, преимущественно Италия и Япония, до тех пор, пока Англия не «объяснилась» и в некоторых кругах говорилось лишь о «*bolshevik bogey*», выдвигаемой Гитлером якобы с единственной целью вымогать английскую благосклонность. С таким отношением отец столкнулся, когда разъяснял Идену, британскому министру иностранных дел, только что подписанный антикоминтерновский пакт:

«Я указал на то, что пакт не направлен против кого-либо, кроме как против мирового коммунизма, и что присоединение Англии также не встретило бы препятствий. Я натолкнулся на полную неспособность Идена понять, о чем идет речь. (...) Коммунистическую опасность в Англии видеть не желали»¹⁴³.

Естественно, антикоминтерновский пакт заключал в себе также политический момент, и он был хотя бы потому антирусским, что Москва являлась носителем идеи Коминтерна. Адольф Гитлер и отец надеялись на создание с антикоминтерновским пактом определенного противовеса против России, так как Советский Союз находился в то время и политически, а не только идеологически, в противоположности к Германии.

Отец:

«Также и принимая во внимание Англию, для нас не имелось другого пути, кроме как продолжать антикоминтерновскую политику. Лишь в качестве потенциально сильного партнера мы могли помочь приобрести решительное влияние английским кругам, видевшим будущее своей страны в сближении с Германией наилучшим образом обеспеченным. Была избрана возможно более свободная форма антикоминтерновского пакта, (...) с тем, чтобы сохранить дипломатически и дальше свободу рук для возможного союза с Англией.

Целью немецкой внешней политики было убедить Англию, что при выборе между возможным по стечению обстоятельств союзом (Германии) против Англии и германо-английским союзом последний был бы (для Англии) предпочтительным курсом»¹⁴⁴.

Обращаясь в прошлое, позволительно задать вопрос: не являлся ли «последний» действительно «предпочтительным курсом» в смысле сохранения Британской мировой империи? Я могу заключить об этом как «очевидец», в мое время в Лондоне я неоднократно слышал из отцовских уст, что также и антикоминтерновская политика в то время все еще имела в качестве конечной цели достижение соглашения с Англией. Бесплодные усилия в этом направлении в 1933–1936 годах привели, со стороны Германии, к постановке несколько других акцентов в отношении пути, на котором был достижим союз с Англией, но цель остава-

---

¹⁴³ Ribbentrop J.v.: a. a.O., S. 112.

¹⁴⁴ Ribbentrop J.v.: a. a.O., S. 113.

лась неизменной. Поэтому пакт не содержал обязательств по поддержке, предусматривались лишь консультации. Германской политике не оставалось ничего иного, кроме укрепления немецких позиций с помощью союзов и демонстрации уверенности, что она ищет английской дружбы в качестве ценного партнера, не пренебрегая английскими интересами. С такой установкой отец приступил к работе в Лондоне.

Когда он, оглядываясь на прошлое, пишет, что тогда «в Англии не желали видеть коммунистическую опасность», то эта констатация относится к Советскому Союзу и потенциальной угрозе Европе, исходившей от него. Коммунистическая партия Великобритании действительно не играла никакой роли во внутренней политике.

Необходимо констатировать, что Гитлера до этого времени нельзя было упрекнуть ни в какой выходившей за рамки обыкновенного порядка вещей внешнеполитической акции. Устранение дискриминирующих определений Версальского договора являлось юридически обоснованным и, сверх того, политико-военной необходимостью, которую видели, к примеру, также и в Англии. Введение двухгодичного срока службы французским правительством – вместо разоружения, предусмотренного Версальским договором, – и в первую очередь военный союз Франции с Советским Союзом на «другой стороне» также являлись шагами, игнорировавшими Версальскую систему договоров. В глазах Гитлера российская угроза вследствие этого значительно возрастала, в особенности за счет привлечения к договорам Чехословакии.

В результате заключения франко-русского военного союза в 1934–1935 годах, имевшего, по словам отца, «длительную моральную поддержку» в Великобритании, создавалось положение, при котором, если бы Англия, вооружившись, присоединилась окончательно к силам, направленным против Германии, окружение рейха было бы практически завершено. Англия, обладавшая полной свободой действий в этом отношении, могла бы до времени оставить рейх «в неясности». Такой сценарий являлся скверным, но вполне допустимым, если бы не удалось выработать единую европейскую политику и вместо этого возникли бы направленные друг против друга блоки с включением СССР. Прояснение ситуации для немецкой политики рассматривалось отцом как его вторая важная задача в Лондоне.

Здесь необходимо упомянуть еще один в высшей степени важный факт тогдашней международной политики, а именно враждебную установку в отношении Германии тогдашнего президента Соединенных Штатов Франклина Делано Рузвельта. Однажды утром друзья по Westminster School встретили меня с серьезными лицами, выразив очень трогательно сочувствие к большой беде, постигшей мою страну. Быстро выяснилось, что школьные товарищи сожалели о катастрофе, уничтожившей дирижабль «Гинденбург» в Лэйкхерсте, на посадочной площадке дирижаблей в Нью-Йорке 6 мая 1937 года. Это несчастье привело к большим жертвам. Одной из причин катастрофы явился отказ американского правительства продавать Германии невоспламеняющийся гелий, который в те времена можно было приобрести только в США. Поскольку дирижабли с давних пор не имели никакого военного значения, данное поведение американского правительства представляло собой уже в 1936 году исключительно недружелюбный акт по отношению к Германии.

Расскажу здесь еще об одном личном переживании в непосредственной связи с установкой американского президента в отношении Германии, относящемся по времени также к 1937 году. Несколько лет назад мы, моя жена и я, были приглашены друзьями в США в штате Нью-Йорк в большое общество. Моей жене достался сын президента, Эллиот Рузвельт, в качестве кавалера за столом. После еды случилось так, что я подсел к жене и Рузвельту. К моей неожиданности, он говорил о моих родителях любезнейшим образом; отец говорил по-английски лучше, чем англичанин. Оба были исключительно милы к нему. На мой вопрос, откуда он знал моих родителей, он рассказал, что свадебное путешествие

в 1937 году привело его с женой в Европу. При этом он познакомился в Баварии с родителями, пригласившими его к обеду в чудесный отель в окрестностях Мюнхена¹⁴⁵.

На следующий день отец позвонил ему, спросив, не хотел ли бы он познакомиться с Гитлером. Гитлер охотно принял бы его на Оберзальцберге. Он, однако, не желая принять приглашение без согласия отца-президента, позвонил отцу. Тот разъяснил, познакомиться с Гитлером явилось бы, конечно, интересным опытом в жизни; такое знакомство, однако, абсолютно не согласуется с его политикой – сыну следует немедленно отправиться в Англию. Он безотлагательно последовал желанию отца.

Заметьте, мы говорим о лете 1937 года. Германия все еще усиленно хлопочет о долгосрочном соглашении с Великобританией, Гитлер отказался по всей форме от Эльзас-Лотарингии и признал превосходство Великобритании на море в морском соглашении. В ноябре 1937 года Рузвельт будет держать свою печально известную «карантинную речь», в которой он атакует не только Японию и Италию, но и Германию. В «карантинной речи» Рузвельт, президент самого могущественного в мире государства, отчетливо дал понять, что он готов заниматься направленной против Германии политикой. Рузвельт поставил рейх – безо всякого повода – в один ряд с державами, действительно уже изменившими территориальный статус-кво в мире – Италией и Японией. К роли президента Рузвельта я еще возвращусь.

Таким образом, оба могущественнейших в мире государства, то есть США и Советский Союз, и с ними еще и Франция со своими союзами «Малой Антанты», открыто выступали против Германии. Рейх поддерживал лишь свободные дружеские отношения с Италией и Японией. Все-таки он не был больше полностью изолирован. Приписывание Гитлеру в этом положении «поэтапных планов» завоевания некоего «мирового господства», что не устают утверждать немецкие историки, является не чем иным, как пропагандистской интерпретацией истории, и не имеет ни малейшего отношения к реальности!¹⁴⁶ Как раз обратное соответствует действительности! Политика Гитлера определялась исключительно слабой и угрожающей позицией рейха в его центральноевропейском положении. Здесь находится ключ к политике Гитлера с 1938 года.

Ко времени коронации британская политика еще не «объяснилась». Без сомнения, какая-то часть «guling elite» могла видеть в возобновлении военного противоборства с рейхом экзистенциальную угрозу империи. Однако другая часть усматривала в повторном издании Первой мировой войны, то есть в новом подавлении рейха, прямо-таки нечто вроде страховки будущего империи. К указанному времени Англия оставляла немецкое руководство в неясности относительно своих намерений. Но Германия, если бы в Восточной Европе дошло до осложнений, во всяком случае, не могла с уверенностью исходить из нейтралитета Великобритании. Для того, однако, чтобы готовность Германии к обороне против Советской России обещала шансы на успех, необходимо было в соответствии с этой точкой зрения по-новому упорядочить политические отношения в Восточной Европе. Рейх в качестве сильнейшей, вернее, единственной державы, которая могла сопротивляться русским, должен был в этом случае выступить с требованием руководства антисоветскими силами.

Особенно опасный момент представляла Чехословакия, уже тогда считавшаяся «авианосцем»¹⁴⁷ для военно-воздушных сил, в первую очередь Советского Союза, которые были бы задействованы против рейха. Чешское правительство при Бенеше попыталось в мае 1938 года втянуть Францию в военное столкновение с рейхом в надежде привлечь на свою сторону Великобританию и Советский Союз. Его политика по отношению к судетской

---

¹⁴⁵ Речь шла об отеле «Императрица Элизабет» в Фельдафинге, считавшемся до войны одним из лучших отелей.

¹⁴⁶ К примеру, тезис о «поэтапных планах» Гитлера для достижения мирового господства разделяет историк Андреас Хильгрубер (Hillgruber, Andreas: Hitlers Strategie, Politik und Kriegsführung 1940#1941, 1965 [докторская диссертация]).

¹⁴⁷ Выражение принадлежит французскому министру авиации Пьеру Коту.

немецкой этнической группе на государственной территории Чехословакии поднимала значительные проблемы, которые рейх в долгосрочном плане не мог игнорировать. Вместо «второй Швейцарии», которую обещало союзникам в 1918 году чешское руководство, возникло централизованное государство, управлявшееся из Праги. Ни словаки, второй упомянутый в названии государства народ, ни немцы, второй по численности в государстве народ, не обладали влиянием, которое, собственно, полагалось им по праву.

Поскольку европейское соглашение с Великобританией не могло быть достигнуто, возникал вопрос, какую политику в отношении рейха будет преследовать британское правительство, если будет предпринята определенная реорганизация политических отношений в Восточной Европе. В отчетах отца такая постановка вопроса проходит красной нитью. Организация Восточной Европы в духе немецкой политики, направленной на нейтрализацию советской экспансии, была необходима. Никак не удастся обойти признание того, что опасение Гитлера в отношении русского колосса, как стало очевидным позднее, не было ни «пустым страхом», ни «ложной иллюзией»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁸ Цитата из «Валленштейна» Шиллера.

Итог миссии – предостережение от Англии

Отец ответил на – здесь уместно слово – роковой вопрос о будущей английской политике в посольском отчете, датированном 28 декабря 1937 года, за «основным отчетом» пятью днями позже последовали «выводы»¹⁴⁹. В них он приходит к ясному результату: при установлении нового порядка в Восточной Европе рейх должен считаться с враждебностью Великобритании, не исключаяющей возможность войны. Великобритания не испугается при случае вновь вступить в войну с рейхом. Нужно исходить из того, что английский правящий слой, «the leading elite», ни в коем случае не является слабым и декадентским, но жестким и воинственным; отец даже вписал от руки слово «героическим», подстраиваясь к манере говорить Гитлера. Следует внимательно прочесть этот отчет с его вносящим предельную ясность анализом английской политики в отношении Германии в то время, когда Гитлер едва восстановил обороноспособность рейха. Сочетая перевооружение с повторными предложениями всеобщего ограничения вооружений или пакта дружбы с Англией, он во внешней политике не предпринял никаких агрессивных шагов.

Проблематика для Великобритании заключалась в выборе между возобновлением похода против постепенно крепнувшего рейха или признанием Германии в качестве сильнейшей державы на континенте, чреватом мнимым риском для Британских островов. Такая постановка задачи выбора не вынуждалась немецкой политикой. Она являлась следствием предрасположений внутри английской элиты. Отец откровенно представляет в отчете эту английскую точку зрения, разделявшуюся британскими противниками соглашения с Германией, прежде всего, в Foreign Office. Большевицкая экспансия в качестве противовеса Германскому рейху в Англии оценивалась неадекватно. Английская политика сконцентрировалась на узком понятии «Balance of Power» (баланса сил), унаследованном от прошлых столетий, отказываясь понять, что структуры глобального господства уже собираются сместиться на другие континенты.

Отсюда отчет отца Гитлеру по итогам полуторагодичной деятельности в качестве немецкого посла в Лондоне звучал в своей сути, то есть в отношении наблюдавшегося им хода размышлений английского руководства¹⁵⁰:

«Основной вопрос для Англии, видящей, разумеется, в сохранении мира наилучшую гарантию сохранения империи, остается, однако, по-прежнему следующий: будет ли возможно прийти с Германией к соглашению, обеспечивающему мир во всем мире и поддержание европейского равновесия. Допустимо, что в английском правительстве имеются личности (что к ним принадлежат Чемберлен и Галифакс, я должен, исходя из своего опыта и наблюдений, подвергнуть сомнению), еще и сегодня верящие в возможность дружеского соглашения с Германией, а именно на следующей основе:

Возврат нескольких немецких колоний и отказ от диктата в решении австрийского вопроса, что могло бы подготовить мирное присоединение, а также улучшение положения судетских немцев, возможно, вплоть до культурной автономии, за это, впрочем, повторение гарантии Германии о ненападении на соседние государства и обязательство решать все

---

¹⁴⁹ Основной отчет (A 5522); упомянут в ADAP, Serie D, Band 1, Dok. Nr.93, как «ненапечатанный» или «утраченный». Об отыскании см.: Thompson, Laurence: The Greatest Treason – The untold Story of Munich, New York, New York 1968 из Ribbentrop, A. v.: a. a.O., S. 59 f.

¹⁵⁰ Bundesarchiv PA/AA, R 28 895a (BRAM); напечатан в: Ribbentrop, A. v.: a. a.O., S. 61#74; процитирован по оригинальной копии Форин офис. «Во время Нюрнбергского процесса и долгое время позже документ считался утраченным (см.: указатель под ADAP, Serie D, Band 1, Dok. Nr. 93) и был якобы [...] впервые обнаружен в делах британского Форин офис. В коллекции документов ADAP он, следовательно, не цитируется. Лишь с 1994 года документ снова находится во владении Политического архива Министерства иностранных дел».

проблемы с ними только путем мирных переговоров, в остальном, однако, ясное соглашение о по меньшей мере качественном ограничении воздушных вооружений по образцу германо-английского морского соглашения, например запрет на бомбардировки, ограничение по бомбардировщикам, и, вероятно, в количественном отношении, через рассекречивание и, наверно, урезание бюджета.

Это был бы, по моему мнению, приблизительный максимум того, что эти люди, в принципе верящие в соглашение с Германией (то есть те, кто не видит в наличии в Германии так называемого экспансионистского национал-социалистического мировоззрения самого по себе непреодолимого препятствия для германо-английского соглашения вообще), представляют себе под договоренностью с Германией (...)

Характерный признак английского правящего слоя сегодня по-прежнему материальный эгоизм, сознание власти и, как важнейший, воля к господству и, в принципе, такой же героический¹⁵¹ взгляд на жизнь, как и у нас, все еще тот же самый взгляд на жизнь, что, в конечном итоге, создал Британскую империю и столетиями ее сохранял. Избитые фразы вроде «нация лавочников» (nation of shopkeepers), принципиально, по-моему, никогда не являлись верным изображением характера английского правящего слоя. Английская элита будет сегодня так же, как и раньше, **бороться до последнего, то есть вплоть до войны**¹⁵², как за существенные материальные интересы, так и за господство в мире до тех пор, пока наличествует шанс выигрыша. Она никогда не вступит в противоборство необдуманно. Всегда она тщательно взвесит соотношение сил и, в крайнем случае, отложит решение. Появятся однажды лучшие шансы на стороне Англии – она будет бороться. (...)

Обобщая, необходимо сказать о дальнейшем развитии немецко-английских отношений, что мы не имеем права предаваться большим иллюзиям, поскольку, как это следует из отчета, долговременному взаимопониманию между обеими странами противостоят, согласно положению вещей, значительные трудности принципиального характера. Особенная приветливость и тепло, с которыми в последнее время неизменно обращаются со мной и моими сотрудниками англичане, не должны, по-моему, вводить в заблуждение, поскольку признаков действительно серьезного поворота английской политики к соглашению в нашем смысле в настоящее время не наблюдается. Если Англия продолжит также и в будущем блокировать Германию, то не может возникнуть никакого сомнения в том, что обе страны окончательно разойдутся. Все же мне представляется верным, что наша будущая политика в отношении Англии останется и дальше нацеленной на соглашение. Отсюда посольство будет постоянно работать в направлении германо-английского взаимопонимания. Однако эта работа не должна привести к тому, что через нее пострадают наши дружеские связи. В этом смысле посольство в полном согласии также и в этом году неизменно учитывало в английской работе ось Берлин – Рим, так же, как и наше антикоминтерновское отношение с Японией в качестве постоянных факторов нашей внешней политики».

Предупреждение было сформулировано отчетливо. Английская элита описывается здесь как жесткая, обладающая сознанием власти, трезво калькулирующая и готовая к бою. Отец отвергал распространенное в годы Первой мировой войны в Германии клише английской «нации торговцев», выступившей будто бы против «героизма» немцев. В то время проводились параллели с войнами между Римом и Карфагеном, причем роль Рима была уготована Германскому рейху. Основываясь на собственных наблюдениях, немецкий посол рекомендовал отныне крайнюю осторожность – и прямо-таки пророческими словами:

«(...) Английскому правительству вполне по силам представить, как английскому народу, так и доминионам приготвление к войне таким образом, как если бы британские

---

¹⁵¹ Слово «героический» было добавлено задним числом.

¹⁵² Выделено автором.

жизненные интересы находились под угрозой. Естественно, для такой пропаганды требуется определенное время, прежде чем она подействует. Особую роль играет сейчас в этой связи кошмарный призрак возможной бомбардировки Британских островов».

Пять дней спустя после составления отчета «Германское посольство в Лондоне А 5522» Риббентроп написал относящиеся к нему «выводы», датировав их 2 января 1938 года, и отослал в тот же самый день из своего имения Зонненбург под Бад-Фрайенвальде весь меморандум Гитлеру в Берлин. В отличие от ранее цитированных неопубликованных посольских отчетов Риббентропа и припрятанного до 1968 года основного отчета, «выводы», о которых мы сейчас поведем разговор, были привлечены Нюрнбергским трибуналом в качестве «доказательства» против Риббентропа. Но только пункт 5 со страницы 9 из 10-страничного отчета был зачитан вслух Риббентропу, так сказать, как избличающий документ. Полностью «выводы» к «А 5522» были опубликованы в 1949 году в Документации Международного суда и в 1950 году – в Актах по Германской Внешней Политике.

В «выводах» от 2 января 1938 года, предназначавшихся только для Гитлера, – в отличие от вышеупомянутого отчета «А 5522» и прочих посольских отчетов из Лондона, одновременно посылавшихся министру иностранных дел Нейрату, – Риббентроп подчеркивает еще настойчивее английское стремление окружить Германию. Здесь он разъясняет подробно причины, побудившие Чемберлена послать своего министра иностранных дел Галифакса в ноябре 1937 года в Германию. В отличие от отчета «А 5522» «выводы» находятся в Политическом архиве Министерства иностранных дел в Берлине не в оригинале, а только в копии. Они исходят из того, что стоит и дальше пытаться прийти к соглашению с Англией¹⁵³:

«(...) Что касается Англии, то наша политика должна быть, по-моему, и дальше направлена к соглашению при полном соблюдении интересов наших друзей. Англия должна также и дальше утверждаться нами в мнении, что соглашение и взаимопонимание между Германией и Англией все же в конце концов возможно. Такая перспектива могла бы, например, в случае локального конфликта Германии в Средней Европе, не касающегося Англии кровно, тормозить возможные намерения вмешательства со стороны английского правительства. (...) На вопрос, может ли германо-английское соглашение тогда вообще еще быть найдено, следует, по моему мнению, ответить следующим образом:

Если Англия со своими союзниками окажется сильнее Германии и ее друзей, то, **по моему, рано или поздно она обязательно нанесет удар**¹⁵⁴. (sic) Если, напротив, Германии удастся организовать союзную политику таким образом, что германский блок противопоставит английскому большую или равную силу, то было бы возможно, что Англия все же лучше попытается прийти к соглашению. (...)

Недвусмысленная английская уступка в нашем смысле в австрийско-чешском вопросе могла бы разрядить обстановку в Европе. Однако по своему прежнему опыту я считаю такой поворот маловероятным и полагаю, что Англия, самое большее, допустит однажды такое решение, будучи принужденной к этому волей обстоятельств. В точке зрения, что на пути официальных переговоров с Англией эта проблема не может быть решена, меня укрепляет тот факт, что Чемберлен как во внутренней, так и во внешней политике (с Францией) находится в системе, бесконечно затрудняющей принятие кардинальных решений.

Стоит однажды фронтам застыть, лишь из ряда вон выходящие потрясения власти или события в Европе или мире (большевизация Франции, крушение России, серьезные перемены у наших друзей) способны подтолкнуть политическое развитие в другом направлении. Политику, однако, на таких допущениях строить нельзя. Поэтому, по моему мнению, следует продолжать начатую линию нашей внешней политики.

---

¹⁵³ IMT, Band. XXXIX, Dok. Nr.075-TC, S. 91#98 (S. 94–98), и ADAP, Serie D, Band I, Dok. Nr. 93.

¹⁵⁴ Выделено автором.

В заключение я хочу подытожить свою точку зрения в следующих ключевых словах:

1. Англия отстает со своим вооружением¹⁵⁵ – отсюда она старается выиграть время.
2. Англия верит, что в соревновании с Германией время работает на Англию, – использование больших экономических возможностей для вооружения – время на расширение союзов (например, Америка).
3. Поэтому посещение Галифакса нужно рассматривать как разведку и маскировочный маневр – друзья немцев в Англии также играют по большей части лишь отведенную им роль.
4. Англия и ее премьер-министр не видят, по-моему, после визита Галифакса никакой приемлемой для них основы соглашения с Германией – они считают национал-социалистскую Германию способной на все, так же как и мы не доверяем англичанам – поэтому они боятся, что однажды будут принуждены сильной Германией к неприемлемым для них решениям – чтобы встретить такую ситуацию во всеоружии, Англия со своими военными и политическими мероприятиями готовится, на всякий случай, к противоборству с Германией.

---

¹⁵⁵ Подчеркивания в этом перечислении обозначены в ИМТ как «подчеркнутые от руки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.